

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по группам специальностей:
09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник
Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАН, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (акад. МАИА, чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАН, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Синаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАН, чл.-кор. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дьёрдь Сарвар* (доктор философии, директор Neosus Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Джорджио Де Маркус* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткин* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://philosoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutschikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Academician of IAIA, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Новейшие публикации по проблемам информационного общества в российских философских журналах <i>Орлов С.В., Дмитренко Н.А.</i>	5	The latest publications on information society in some Russian philosophical journals <i>Sergey V. Orlov, Nina A. Dmitrenko</i>
Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции <i>Устинов О.А.</i>	14	The concept of human in the philosophy of Karl Marx: the experience of reconstruction <i>Oleg A. Ustinov</i>
Влияние геополитического фактора на проблему формирования русской национальной идеи <i>Казарян А.Г.</i>	22	The influence of geopolitical factor on the problem of obtaining Russian national identity <i>Armine G. Kazaryan</i>
Социальная мифология как развивающаяся система <i>Иванов А.Г.</i>	28	Social mythology as an evolving system <i>Andrey G. Ivanov</i>
Политическое отчуждение: к вопросу об онтологических основаниях кризиса демократии <i>Осмоловская А.А.</i>	38	Political alienation: revisiting democracy crisis ontological basis <i>Alexandra A. Osmolovskaya</i>
Когнитивизм в этике. Субъективистский подход <i>Климович А.П.</i>	44	Cognitivism in ethics. The subjectivist approach <i>Alexander P. Klimovich</i>
Релятивизм в науке и ценностное отношение <i>Клёцкин М.В.</i>	50	Relativism in science and valuable relations <i>Mikhail V. Klyotskin</i>
Проблема времени в русской философии первой половины XX в. <i>Малова О.В.</i>	57	The problem of time in Russian philosophy in the first half of the 20th century <i>Olga V. Malova</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Активность индивидуальности: понятие и структура <i>Волочков А.А., Митрофанова Е.Н.</i>	64	Individuality activity: concept and structure <i>Andrey A. Volochkov, Elena N. Mitrofanova</i>
Характерные черты личности матерей в диаде «мать – маловесный ребенок» <i>Карпенко А.А.</i>	76	Typical personality traits of mothers in the dyad «mother – underweight child» <i>Alevtina A. Karpenko</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Тьюторство в культуре: новые образовательные практики Пермского культурного проекта
<i>Игнатьева О.В., Лысенко О.В., Черникова И.Ю.</i>	81	Tutoring in the culture: a new educational practice of the Perm cultural project
<i>Oksana V. Ignatieva, Oleg V. Lysenko, Irina Yu. Chernikova</i>
Стимулирование родительского труда на перинатальной и младенческой стадиях развития ребенка: анализ существующих практик
<i>Багирова А.П., ШUTOва Н.В.</i>	91	Parental work stimulation at perinatal and infant periods of child evolution: contemporary practice analysis
<i>Anna P. Bagirova, Natalia V. Shutova</i>
Этносоциальные отношения в общеобразовательном учреждении: специфика и инструменты воздействия (на примере города Екатеринбурга)
<i>Крестьянова Л.С., Патраков Э.В., Абдуллаева С.Г.К., Шапошникова Ю.С.</i>	99	Ethnosocial relations in schools: specifics and impact tools (on materials of Ekaterinburg)
<i>Lubov S. Krestyanova, Eduard V. Patrakov, Samira H.Q. Abdullayeva, Yulia S. Shaposhnikova</i>
Стратегии социального самоопределения молодежи в рамках аксиологических противоречий переходного российского общества
<i>Безруков А.В.</i>	111	Strategy of social self-determination of youth in the framework of axiological contradictions of Russian transient society
<i>Anton V. Bezrukov</i>
Ценность миссионерства и попытки законодательного регулирования миссионерской деятельности
<i>Сироткин П.Ф.</i>	121	Missionary values and attempts of legislation regulation of missionary activities
<i>Pavel F. Sirotkin</i>

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Самонаблюдение между феноменологией и повествованием: обзор коллективной монографии. Clegg J.W. (ed.) <i>Self-observation in the social sciences</i> (N.J.: Transaction Publishers, 2013. 308 p. + XIII)
<i>Вайнштейн С.В.</i>	128	Introspection between phenomenology and narration: Review of collective monograph. Clegg J.W. (ed.) <i>Self-observation in the social sciences</i> (N.J.: Transaction Publishers, 2013. 308 p. + XIII)
<i>Sergey V. Weinstein</i>
Наши рецензенты	131	Our reviewers
Информация для авторов	133	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК [004:002]:070(1)

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-5-13

**НОВЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
ПО ПРОБЛЕМАМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
В РОССИЙСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ЖУРНАЛАХ*****Орлов Сергей Владимирович****Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения****Дмитренко Нина Андреевна****Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики*

Философская концепция информационного, или постиндустриального, общества рассматривается в статье как одна из наиболее перспективных моделей современного состояния цивилизации. И само информационное общество, и его теоретическое исследование находятся в стадии становления. Поэтому данное направление социальной философии часто даже не позиционируется авторами осознанно именно как исследование этой новейшей ступени общественного развития. Тем не менее, в российских философских журналах постепенно накапливается значительный контент наблюдений и выводов о природе информационного общества и о возможных научных подходах к его описанию. Предпринимаются попытки дать онтологическую характеристику виртуальной реальности как особого феномена информационного общества, раскрыть природу компьютерного труда и проследить его влияние на всю социальную систему. На старые традиции российской научной мысли опираются исследования усложнившегося в информационную эпоху взаимодействия материи и сознания — как на уровне индивидуального, так и на уровне общественного сознания. В результате постепенно формируются условия для создания целостной философской теории информационного (постиндустриального) общества, опирающейся на принципы материалистического понимания истории.

Ключевые слова: информационное общество, виртуальная реальность, компьютерный труд, материя и сознание.

**THE LATEST PUBLICATIONS ON INFORMATION SOCIETY
IN SOME RUSSIAN PHILOSOPHICAL JOURNALS*****Sergey V. Orlov****Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation****Nina A. Dmitrenko****Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics*

The philosophical concept of information or post-industrial society is considered to be one of the most promising models of modern civilization. At the present time information society and its theoretical study are in the early stage. Therefore, this trend of social philosophy is not even positioned consciously by some authors as a particular study of this latest period of social development. In Russian philosophical journals, however, a considerable content of observations and conclusions about the nature of information society as well as scientific approaches to its description have been accumulated gradually. There exist some attempts to give an ontological characteristic of virtual reality as a special phenomenon of information society, reveal the nature of computer labor and trace its influence on the entire social system. The studies of more complicated interaction between matter and consciousness in information age are based on the old traditions of the Russian scientific thought both at the individual and social consciousness levels. As

a result, conditions for the formulation of a holistic philosophical theory of information (post-industrial) society based on the principles of the materialist conception of history are created.

Keywords: information society, virtual reality, computer labor, matter and consciousness.

В последние годы философская концепция информационного общества является типичной научной проблемой, находящейся в стадии разработки. Как мы, так и другие исследователи уже обращали на это внимание в предыдущих публикациях [6, 25, 26, 27]. Недостаточная выявленность предмета и недостаточная конституированность тематики исследований информационного (постиндустриального) общества часто выражается в том, что его проблемы рассматриваются в рамках многочисленных исследовательских контекстов. Такие контексты могут вообще не предполагать специального целенаправленного анализа информационного общества, информации, виртуальной реальности и других подобных феноменов.

Концепции философии информационного общества как в непосредственной, так и в неявной форме обсуждались на Всероссийской конференции «Актуальные проблемы научной философии», посвященной 100-летию Пермского государственного национального исследовательского университета. Материалы конференции были опубликованы в журнале «Новые идеи в философии», 2016, вып. 3 (24). В.В. Орлов в своем докладе напомнил о двух фундаментальных проблемах философии, поставленных именно сейчас, в период формирования информационного общества. Во-первых, это переход от абстрактно-всеобщей концепции развития к конкретно-всеобщей; во-вторых, попытка заглянуть, так сказать, «вниз» и «вверх» за границы известной нам последовательности основных форм материи (физическая, химическая, биологическая, социальная). Что представляет из себя субфизическая форма материи и что ждет общество после эпохи капитализма, на последующих ступенях социального развития? [24] С точки зрения А.Ю. Внутских и В.Ф. Панова, сложные проблемы современной физики в какой-то мере помогает разрешить грамотное сочетание принципов холизма (целое определяет развитие частей) и меризма (части предшествуют целому и определяют его) [7]. Особое место в материальном производстве эпохи информационного общества занимают нанотехнологии. «Мир “информационного общества” в ближайшие десятилетия кардинально изменится, — отмечает А.Ю. Внутских, — поскольку нанореволюция в своем развитии неизбежно затронет его фундаментальные экономические и политические механизмы» [5, с. 115]. В исследованиях последних лет уже отмечается недоступность нанообъекта непосредственному наблюдению, все большая удаленность предмета труда от оперирующего с ним человека, размывание грани между объектом и ин-

струментом [32]. В то же время не все связанные с нанотехнологиями надежды и ожидания достаточно обоснованы. Ощущение, что новейшие открытия приведут к разрешению чуть ли не всех научных и социальных проблем, уже возникало после создания классической механики. Сейчас остается открытым вопрос о возможностях и, следовательно, о социальных последствиях разработки нанотехнологий: позволяют ли они, например, конструировать живое вещество только методами химии (а не путем матричного копирования, как это происходит в природе), обращать вспять процессы, считающиеся пока необратимыми, и т.п. [21]. Человеческий труд реализует все новые и новые возможности природы, снимая какие-то ограничения возможности развития ее вещества в рамках «второй природы». Какие ограничения позволяют «снять» нанотехнологии? Это не до конца понятно. К тому же в информационном обществе следует говорить уже о единстве нано-инфо-когнитивных и социальных технологий [22], которые вместе формируют некую «новую междисциплинарную ментальность».

Санкт-Петербургский философ Р.А. Зобов, представитель концепции «реалистической философии», отмечает, что «в современном постиндустриальном обществе формируется радикально новое мировоззрение, в основе которого лежит неразрывное единство материи и духа» [18, с. 220]. Это реалистическое мировоззрение, утверждающее «неразрывное единство материального и духовного начал» [18, с. 220], его сторонники считают более совершенным, чем концепция философского материализма, которая якобы недооценивает духовные компоненты бытия. Наиболее уязвимой чертой данной трактовки реалистической философии нам представляется именно это утверждение о неспособности материализма эффективно изучать духовный мир и процесс познания — утверждение, справедливое разве что в отношении материализма Нового времени, но никак не по отношению к диалектическому и историческому материализму. Современный материализм не просто констатирует неразрывную взаимосвязь духовного и материального. Так, русские ученые-физиологи уже во времена И.П. Павлова специально изучали ее методами физиологии. В нашем сетевом журнале «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» подробно представлено, например, философское творчество ученика И.П. Павлова профессора В.С. Дерябина, который уже в 1930-х – 1950-х гг. фактически развивал концепцию исторического материализма, исследуя методами социологии, психологии и психиатрии связь духовной деятельности человека с его материальной деятельностью и поло-

жением в материальном социальном мире [11, 12]. В то же время необходимо согласиться с «реалистами»: усложнение отношений сознания и материи — это действительно важная особенность информационного общества. Мы уже пытались описать ее с помощью философской интерпретации понятия виртуальной реальности [25, 28]. Именно философский материализм, как нам представляется, позволяет наиболее адекватно исследовать эволюцию новой, современной формы этого неразрывного единства материального и духовного начал.

Непосредственный анализ ключевых феноменов информационного общества содержится в опубликованных в «Вестнике Пермского университета» и журнале «Новые идеи в философии» статьях Д.М. Соколовой, Я.В. Григоровой, В.С. Гриценко, О.Д. Андриановой.

Д.М. Соколова раскрывает взаимосвязь важнейших явлений современного общества — виртуальности и интересубъективности на основе феноменологического подхода. Виртуальность, столь широко представленную в различных сферах и структурах информационного общества, она трактует как «по сути альтернативу материальному миру» [30, с. 53]. В информационном обществе зарождается особая форма интересубъективности — виртуальная. Она проявляется в целом наборе феноменов: в тотальной компьютеризации труда, в превращении экрана в универсальное средство коммуникации с внешней средой и др. Д.М. Соколова отмечает, что виртуальный или информационный объект, если следовать подходу Э. Гуссерля, так же интенционален, как и традиционный материальный объект, хотя точное описание информационного объекта еще предстоит дать. Таким образом, оказывается, что важнейшие компоненты действительности, играющие решающую роль в развитии информационного общества, с философской точки зрения изучены еще слабо.

Я.В. Григорова и В.С. Гриценко анализируют понятие нематериального труда на примере работ представителей автономного марксизма и показывают, по каким признакам в современном обществе необходимо различать материальный и нематериальный труд, а также особую, предсказанную Карлом Марксом форму труда — всеобщий труд (*general labor*). Попытки представить труд в социалистическом и коммунистическом обществе как постепенно дематериализующийся, превращающийся в умственный, свойственны как многим российским философам, так и автономным марксистам. Соглашаясь с известным исследователем труда Ш. Сайерсом (S. Sayers), авторы статьи удачно показывают, что новейшие фундаментальные формы труда, возникающие в информационном обществе, носят в основном материальный характер, а материальный труд не сводится к примитивному физи-

ческому труду и принимает новые, подчас неожиданные формы (всеобщий труд, компьютерный труд) [8]. О.А. Андрианова анализирует роль всеобщего труда в современном мире и показывает, каким образом этот тип труда в информационном обществе формирует отрицание базовых принципов капитализма: «Компьютерный труд имеет непосредственно общественный характер: он непосредственно аккумулирует труд предшественников и интегрирует труд современников. Интернет — первая непосредственно общественная производственная структура в пределах всего мира, не имеющая себе равных среди всегда локальных технологических структур прошлого» [1, с. 93]. В.С. Гриценко в статье «К вопросу о природе мирового экономического кризиса» показывает результаты развития всеобщего труда в капиталистическом обществе — это, в частности, создание инструментов сдерживания развития этой формы труда и возникновение новых общественных движений социальной направленности (например, революция коллективного рабочего) [9]. Таким образом, в философской литературе постепенно формируется целостный образ информационного общества со всеми его специфическими чертами.

Третий номер сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» за 2015 г. был подготовлен на основе материалов конференции «Разработка проблем научной философии в Санкт-Петербурге и в России во второй половине XX века» (проводилась в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения в рамках Международного научно-культурного форума «Дни философии в Санкт-Петербурге – 2015» 30 ноября 2015 г.). Философские взгляды этого периода составили тот теоретический багаж и методологический инструментарий, с которым наша философия подошла к началу информационной эпохи. М.Л. Бузова в статье «Проблемы философии техники в творчестве Э.В. Ильенкова» раскрывает диалектико-материалистический подход известного советского философа к анализу взаимодействия человека и технических устройств [4]. Этот подход до сих пор противостоит технократическим иллюзиям, сведению человека к элементу технической системы, «обожевлению» техники и другим неконструктивным методологиям исследования общества. Электроника и программное обеспечение делают машину все более похожей на человека, и умение адекватно оценивать ее возможности и перспективы развития во многом опирается на идеи Э.В. Ильенкова. И.А. Протопопов прослеживает ход дискуссий, проходивших в советской философии при осмыслении «ядра» диалектики — гегелевского принципа противоречия [29]. Доктор медицинских наук О.Н. Забродин продолжает иссле-

дование концепции сознания, разработанной учеником И.П. Павлова, психиатром и психофизиологом В.С. Дерябиным [13]. Работы этого ученого внесли вклад в формирование целостной психофизиологической концепции сознания, прочно опиравшейся (в отличие, например, от учения З. Фрейда) на исследование физиологических основ человеческого мышления, предпринятого школой Сеченова – Павлова – Ухтомского. Именно эта связь сознания с его материальным носителем помогает в настоящее время понять новые, более сложные механизмы взаимодействия материального и идеального, возникающие вместе с компьютерной техникой.

Чисто современные философские проблемы астрофизики, поставить которые смогла только наука информационного общества, затрагивает доктор технических наук профессор М.Б. Игнатьев. Он рассматривает эволюцию астрофизических структур (галактики, звездные кластеры) как сложных самоорганизующихся систем, на которые распространяются все закономерности эволюции систем такого рода, включая открытый М.Б. Игнатьевым феномен адаптационного максимума. Характер эволюции астрофизических систем дает некоторым астрономам основание для предположения, имеющего большое значение для философии: гипотетический блок управления наблюдаемыми галактическими процессами может включать в себя высокоразвитые цивилизации, намного опережающие нашу по уровню технологического развития [19].

Тема взаимосвязи материального и духовного, объективных процессов и их восприятия человеком была продолжена в следующем номере журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» на материале исследования восприятия музыки. Доктор искусствоведения Н.А. Бергер изучает, в частности, связь восприятия и воспроизведения музыки с пространственной структурированностью игрового поля, в котором действует человек [3]. Группа ученых из Всероссийского научно-исследовательского института метрологии им. Д.И. Менделеева и из Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения через изучение восприятия музыки пытается подойти к решению сложнейшей проблемы — описания взаимосвязи между материальными физиологическими процессами в мозге и возникающими у человека субъективными образами — эмоциями. «В музыке, — пишут авторы статьи, — “закодированы” эмоции, и важнейшая операция по их расшифровке — нелинейное преобразование воспринятых звучаний. Построена модель измерений эмоций, ожидаемых при прослушивании музыки, включающая в себя три ступени. Модель отображает вероятный “механизм” формирования эмоций. На первой ее ступени

происходит рождение базовых эмоций, на второй — общечеловеческих (базовых эмоциональных образов, число которых ограничено). На третьей ступени формируются культурнообусловленные эмоциональные образы, связанные с особенностями национального менталитета и культуры, историей семьи, личными воспоминаниями и т.п. Измерения нейрофизиологических реакций мозга дает возможность разработать и обосновать шкалу базовых эмоций и раскрыть ее связь с диапазоном частот биоритмов мозга» [2, с. 39–40]. Тут речь идет по существу о раскрытии механизмов взаимодействия биологических и социальных процессов в формировании субъективных образов. В целом же можно констатировать, что в эпоху информационного общества отношения материи и сознания, механизмы их взаимодействия достаточно интенсивно изучаются как на уровне индивидов, так и на уровне социальной системы.

Н.К. Оконская и М.А. Ермаков в статье «Образование как ключевой фактор социальной дифференциации в информационном обществе» [23] обращают внимание на проблемы и противоречия системы образования, неразрешенность которых в современной России пагубно сказывается на всей социальной системе. К таким проблемам относятся, в первую очередь, неравный доступ к образованию, отсутствие вербализованной воспитательной направленности института образования, бюрократическое вмешательство в образовательные практики, слабое развитие рынка рабочей силы.

В несколько ином ключе затрагивает воспитательные функции современного общества А.Н. Ильин. Автор, уже высказывавшийся о недопустимости ориентации образования только на потребительское поведение человека, теперь раскрывает социальные противоречия, порождаемые рекламой. Он считает, что информационное общество не сможет эффективно развиваться, если позволит себе распространение рекламы, содержащей дезинформацию, романтизирующей преступность, эгоизм, инфантилизм и другие пороки. Социальный, культурный и нравственный прогресс важнее, чем свобода манипулирования потребительским поведением человека в частных, корыстных интересах [20].

Современные представления о теории революции, обсуждавшиеся в Нижнем Новгороде на конференции «Революция как предмет научной и философской рефлексии», анализирует А.И. Субетто [31]. Несмотря на существование всем известной революционной теории марксизма, в информационную эпоху обнаруживается, что философская концепция социальной революции далека от своего завершения. А.И. Субетто выделяет в этой концепции четыре главных нерешенных методологических вопроса: (1) о соотношении эволюции и революции, (2) об оценке Великой Октябрьской социа-

листической революции, (3) о путях перехода от империалистической системы современного капитализма к социализму и, наконец, (4) о доминирующем основании исторической детерминации (что им является — эволюция технологического базиса или классовых отношений?).

Публикация работ В.С. Дерябина [11, 12] и исследований его научного творчества поднимает вопрос о роли науки в развитии общества и дает важный материал для понимания отношений ученого со своими коллегами и с государственными структурами. Сложные и во многом непродуктивные отношения современного российского государства с научным сообществом делают актуальными как воспоминания В.С. Дерябина о своем учителе академике И.П. Павлове и о своей собственной жизни в науке, так и комментаторские работы о нем, подготовленные доктором медицинских наук О.Н. Забродиным [14, 15, 16, 17]. Сравнение современной ситуации с событиями середины XX в. показывает, что некоторые проблемы научного творчества за это время, безусловно, стали решаться лучше (например, возможности публикации своих исследований, в том числе с использованием Интернета). В то же время отношения государства с Академией наук и с научным сообществом в целом, с точки зрения ряда современных ученых, за последние годы скорее ухудшились, что прямо влияет на перспективы развития информационного общества в России.

В статье «Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и закономерности развития» [28] С.В. Орлов пытается охарактеризовать виртуальную реальность с онтологической точки зрения — как специфическую область реального мира. Эта концепция пока не разработана во всех деталях и требует комплексного подхода — как минимум, онтологического и информационного. По оценке Е.В. Грязновой, «даже в тех случаях, когда авторы пытаются внести свойства виртуальной реальности в бытие, то кроме декларации о том, что это необычное бытие, ничего не получается. Сущность виртуального остается нераскрытой» [10]. Е.В. Грязнова насчитывает 11 концепций виртуальной реальности [10]. Из них нам представляется наиболее перспективным и способным объединить многие другие определение последней как *вида объективного бытия*. В нашей статье излагается точка зрения, что сущность виртуального глубже всего проявляется в *компьютерной виртуальной реальности*, которая создается и поддерживается современной электронной техникой. Виртуальная компьютерная реальность не является духовным, идеальным явлением (хотя и помогает организовать человеческое восприятие, воображение и мыслительную деятельность), а представляет из себя по существу искусственно созданную человеком форму материи. Эта реальность обладает всеми при-

знаками такой самостоятельной формы — своими субстратом и субстанцией, структурами пространства и времени, специфическим отношением с сознанием — и взаимодействует с другими формами материи по объективным законам природы и общества, в том числе по законам, сформулированным в материалистической диалектике.

В завершение попытаемся выделить основные особенности исследования философских проблем информационного (постиндустриального) общества, которые можно обнаружить в рассмотренном выше массиве научных публикаций.

1. Во-первых, это комплексность в постановке и решении проблем информационного общества. Например, связь материального и духовного изучается на физиологическом, эмоциональном, экономическом, социальном и, если так можно выразиться, на компьютерно-техническом уровне.

2. Во-вторых, предпринимаются попытки разработать онтологию информационного общества, включающую в себя, в частности, описание виртуальной реальности не только с точки зрения информатики, но и с точки зрения традиционной философской онтологии.

3. В-третьих, достаточно интенсивно продолжается накопление разнообразных идей и подходов к изучению информационного общества. Их синтез постепенно формирует возможности глубже описать сущность этого этапа общественного развития с помощью некоей обобщающей теории. В качестве методологической основы этих исследований явно доминирует концепция материалистического понимания истории.

Список литературы

1. Андрианова О.Д. Трудовая парадигма Маркса и компьютерный труд // Новые идеи в философии. 2016. № 3(24). С. 87–96.
2. Бакшеева Ю.В., Сапожникова К.В., Тайманов Р.Е. Измерения как способ понимания языка музыки. Особенности экспериментального исследования // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2015. № 4. С. 39–53. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/02/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-04.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
3. Бергер Н.А. Язык и музыка: параллели и взаимодействия // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2015. № 4. С. 26–38. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/02/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-04.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
4. Бурова М.Л. Проблемы философии техники в творчестве Э.В. Ильенкова // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2015. № 3. С. 54–63. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2015/12/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-03.pdf>

- nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-03.pdf (дата обращения: 01.09.2016).
5. *Внутских А.Ю.* Развитие нанопроизводства и «информационное общество» // Новые идеи в философии. 2010. Вып. 19. С. 110–117.
 6. *Внутских А.Ю.* «Параллельным курсом»: Актуальные проблемы информационного общества в программных статьях российских междисциплинарных научных журналов // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2015. № 1. С. 12–25. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2015/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-01.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 7. *Внутских А.Ю., Панов В.Ф.* О потенциале принципов холизма и меризма в развитии фундаментальных физических теорий // Новые идеи в философии. 2016. Вып. 3(24). С. 13–19.
 8. *Григорова Я.В., Гриценко В.С.* Концепция нематериального труда в философии постопераизма и ее критика // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 39–44. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-39-44.
 9. *Гриценко В.С.* К вопросу о природе мирового экономического кризиса // Новые идеи в философии. 2016. Вып. 3(24). С. 76–86.
 10. *Грязнова Е.В.* Философский анализ концепций виртуальной реальности // Философская мысль. 2013. № 4. С. 53–82. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_278.html (дата обращения: 01.09.2016). DOI: 10.7256/2306-0174.2013.4.278.
 11. *Дерябин В.С.* О потребностях и классовой психологии (публикация О.Н. Забродина) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 110–137. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
 12. *Дерябин В.С.* Эмоции, порождаемые социальной средой (публикация О.Н. Забродина) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 3. С. 115–146. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/11/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-03.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 13. *Забродин О.Н.* Социопсихологический анализ сознания и самосознания в работах В.С. Дерябина «О сознании» и «О Я» // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2015. № 3. С. 24–45. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2015/12/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-03.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 14. *Забродин О.Н.* Вклад В.С. Дерябина в учение о физиологических основах аффективности // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1. С. 96–121. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 15. *Забродин О.Н.* О трудной судьбе научного наследия В.С. Дерябина // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1. С. 76–95. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 16. *Забродин О.Н.* В.С. Дерябин — ученик и последователь И.П. Павлова. Психофизиологический подход к анализу личности Учителя // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 2. С. 38–55. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/07/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-02.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 17. *Забродин О.Н.* В.С. Дерябин: ученый и человек // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 2. С. 56–70. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/07/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-02.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 18. *Зобов Р.А.* Реалистическая философия и новое видение действительности // Новые идеи в философии. 2016. Вып. 3(24). С. 216–223.
 19. *Игнатъев М.Б.* Системный анализ астрофизических структур. // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2015. № 3. С. 76–84. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2015/12/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-03.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 20. *Ильин А.Н.* Необходимость управления рекламой в обществе потребления // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1. С. 39–55. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 21. *Коломыйцев С.Ю.* Является ли появление нанотехнологии научной революцией? // Новые идеи в философии / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2012. Вып. 20: в 2 т. Т. 1. С. 182–185.
 22. *Кудашов В.И.* Роль когнитивных технологий в обществе знания // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 92–97. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 23. *Оконская Н.К., Ермаков М.А.* Образование как ключевой фактор классовой дифференциации в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1. С. 26–38. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).

24. Орлов В.В. Единый закономерный мировой процесс: фундаментальные проблемы // Новые идеи в философии. 2016. Вып. 3(24). С. 7–12.
 25. Орлов С.В. Философский материализм в эпоху информационного общества (концепция материи и виртуальная реальность) // Философия и общество. 2012. № 1. С. 42–54.
 26. Орлов С.В. Новый сетевой журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»: направления исследований и проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 3(19). С. 5–15.
 27. Орлов С.В. Исследование информационного общества как комплексная проблема // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 4(24). С. 5–15. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-5-15.
 28. Орлов С.В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1. С. 12–25. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 29. Протопопов И.А. Гегелевский принцип противоречия в советской традиции диалектического материализма // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2015. № 3. С. 46–53. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2015/12/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-03.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 30. Соколова Д.М. Виртуальная интерсубъективность: социальный и экзистенциальный аспекты анализа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 50–56. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-3-50-56.
 31. Субетто А.И. Революция как предмет научной и философской рефлексии // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 2. С. 12–37. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/07/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-02.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
 32. Ястреб Н.А. Нанотехнологии и нанонаука: эпистемологический анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 4(24). С. 50–56. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-50-56.
3. Berger N.A. [Language and music: parallels and interactions]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2015, no 4, pp. 26–38. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/02/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-04.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
 4. Burova M.L. [The philosophy of Ttechnology in E.V. Ilyenkov's works]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2015, no 3, pp. 54–63. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2015/12/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-03.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
 5. Vnutskikh A.Yu. [The development of nanoindustry and «information society»]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. 2010, no 19, pp. 110–117. (In Russian).
 6. Vnutskikh A.Yu. [In parallel course: actual issues of information society in the programme articles of Russian interdisciplinary scientific journals]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2015, no 1, pp. 12–25. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2015/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-01.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
 7. Vnutskikh A.Yu., Panov V.F. [On the potential of holism and reductionism principles in the development of fundamental physical theories]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. 2016, no 3(24). pp. 13–19. (In Russian).
 8. Grigorova Ya.V., Gritsenko V.S. [Concept of immaterial labour in post-operaist philosophy and its critique]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2016, no 2(26), pp. 39–44. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-39-44. (In Russian).
 9. Gritsenko V.S. [On the essence of the world economic crisis]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. 2016, no 3(24), pp. 76–86. (In Russian).
 10. Gryaznova E.V. [Philosophical analysis of the concepts of virtual reality]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought]. 2013, no 4, pp. 53–82. Available at: http://e-notabene.ru/fr/article_278.html (accessed: 01.09.2016). DOI: 10.7256/2306-0174.2013.4.278. (In Russian).

Получено 20.09.2016

References

1. Andrianova O.D. [Marx's labour paradigm and computer labour]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. 2016, no. 3(24), pp. 87–96. (In Russian).
2. Baksheeva Y.V., Sapozhnikova K.V., Taymanov R.E.

11. Deryabin O.N. [On the needs and psychology of classes]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society], 2013, no. 1, pp. 110–137. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-igumanitarnye-nauki-v-informatsionnomobschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
12. Deryabin O.N. [Emotions provoked by the social environment]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2014, no 3, pp. 115–146. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/11/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-03.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
13. Zabrodin O.N. *Sotsiopsikhofiziologicheskii analiz soznaniya i samosoznaniya v rabotakh V.S. Deryabina «O soznanii» i «O Ya»* [Sociopsychophysiological analysis of consciousness and self-consciousness in the works of V.S. Deryabin «Consciousness» and «About Ego»]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2015, no 3, pp. 24–45. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2015/12/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-03.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
14. Zabrodin O.N. [V.S. Deryabin's contribution to the doctrine of the physiological bases of affectivity]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2016, no 1, pp. 96–121. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
15. Zabrodin O.N. [The fate of V. S. Deryabin's scientific legacy]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2016, no 1, pp. 76–95. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
16. Zabrodin O.N. [V.S. Deryabin — I.P. Pavlov's disciple and successor. Psychophysiological approach to the analysis of the teacher's personality]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2016, no 2, pp. 38–55. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/07/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-02.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
17. Zabrodin O.N. [V.S. Deryabin as a person and a scientist]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2016, no 2, pp. 56–70. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/07/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-02.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
18. Zobov R.A. [Realistic philosophy and a new vision of reality]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. 2016, no 3(24), pp. 216–223. (In Russian).
19. Ignatyev M.B. [System analysis of astrophysical structures]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2015, no 3, pp. 76–84. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2015/12/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-03.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
20. Ilin A.N. [Advertising management in the consumer society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2016, no 1, pp. 39–55. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
21. Kolomiytsev S.Y. [Is the emergence of nanotechnology a scientific revolution?] *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy], Perm, 2012, no 20, vol. 1, pp. 182–185. (In Russian).
22. Kudashov V.I. [Cognitive technology in the knowledge society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 2, pp. 92–97. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-igumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
23. Okonskaya N.K., Ermakov M.A. [Education as a key factor of social differentiation in the information society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2016, no 1, pp. 26–38. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
24. Orlov V.V. [General naturally determined process: fundamental problems]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. 2016, no 3(24), pp. 7–12. (In Russian).
25. Orlov S.V. [Philosophical materialism in the epoch of information society (the concept of matter and virtual reality)]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and society]. 2012, no 1 pp. 42–54. (In Russian).
26. Orlov S.V. [A new net journal «Philosophy and humanities in information society»: the sphere of research and problems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2014, no 3(19), pp. 5–15. (In Russian).
27. Orlov S.V. [Information society studying as a complex problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociolo-

- gy»]. 2015, no 4(24), pp. 5–15. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-5-15. (In Russian).
28. Orlov S.V. [Virtual reality as an artificial form of matter: its structure and laws]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2016, no 1, pp. 12–25. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
29. Protopopov I.A. [Hegelian principle of contradiction in the Soviet tradition of dialectical materialism]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2015, no 3, pp. 46–53. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2015/12/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2015-03.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
30. Sokolova D.M. [Virtual intersubjectivity: the social and existential aspects of the analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2015, no 4(24), pp. 50–56. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-50-56. (In Russian).
31. Subetto A.I. [The revolution as a subject of scientific and philosophical reflection]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2016, no 2, pp. 12–37. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/07/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-02.pdf> (accessed: 01.09.2016). (In Russian).
32. Yastreb N.A. [Nanotechnology and nanoscience: epistemological approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2015, no 4(24), pp. 50–56. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-50-56. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 20.09.2016

Об авторах

Орлов Сергей Владимирович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории и философии

Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения,
190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67;
e-mail: orlov5508@rambler.ru

Дмитренко Нина Андреевна

кандидат педагогических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков

Санкт-Петербургский государственный
университет информационных технологий,
механики и оптики,
197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49;
e-mail: ninadmitrenko@rambler.ru

About the authors

Orlov Sergey Vladimirovich

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of History and Philosophy

Saint Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation,
67, Bolshaya Morskaya str., Saint-Petersburg,
190000, Russia;
e-mail: orlov5508@rambler.ru

Dmitrenko Nina Andreevna

Ph.D. in Pedagogics, Docent,
Professor of the Department of Foreign Languages

Saint Petersburg National Research University
of Information Technologies, Mechanics and Optics,
49, Kronverkskiy av., Saint Petersburg,
197101, Russia;
e-mail: ninadmitrenko@rambler.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Орлов С.В., Дмитренко Н.А. Новейшие публикации по проблемам информационного общества в российских философских журналах // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 5–13. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-5-13

Please cite this article in English as:

Orlov S.V., Dmitrenko N.A. The latest publications on information society in some Russian philosophical journals // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 5–13. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-5-13

УДК 1(1-87)

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-14-21

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Устинов Олег Александрович

Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования

В статье рассматривается вопрос об антропологической проблематике в философии К. Маркса как центральной теме всех его идейно-теоретических исканий. В ранний период творчества К. Маркс был серьезно увлечен антропологическими идеями своих предшественников И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегеля, Л. Фейербаха и других, но довольно скоро отказался от историко-философской рефлексии и приступил к разработке самостоятельного политического и социально-экономического проекта, в котором указанные антропологические идеи должны были быть реализованы на практике. Отсюда следовало и определение К. Марксом своей философии как «практического материализма». Именно поэтому основателю мирового коммунистического движения впервые в истории философской мысли удалось рассмотреть вопросы формирования и развития «целостного человека», его самореализации, проблемы взаимоотношений личности и коллектива, счастья, творчества и другие на богатом социальном материале. Однако масштабность задач, поставленных К. Марксом, не позволила ему создать законченную философскую систему. Результатом этой незавершенности стала утрата смысловых ключей к наследию «первого марксиста», которое было интерпретировано его последователями как исключительно политический и социально-экономический проект. Это обстоятельство стало главной причиной попыток западных и отечественных исследователей выполнить реконструкцию антропологической концепции К. Маркса с подробным анализом ее идейных истоков, эволюции и исторической судьбы. Опыт подобной реконструкции предлагается и в настоящей статье.

Ключевые слова: субъективный фактор в истории, отчуждение, практика, К. Маркс, «целостный человек», классовая борьба, пролетариат, революция, коммунизм.

THE CONCEPT OF HUMAN IN THE PHILOSOPHY OF KARL MARX: THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION

Oleg A. Ustinov

Academy of Advanced Training and Professional Retraining Of Education Specialists

The article discusses the anthropological issues in the philosophy of Karl Marx as a central theme of all his ideological and theoretical pursuit. In the early period of his work Marx was seriously keen in anthropological ideas of his predecessors J.G. Fichte, G.W.F. Hegel, L. Feuerbach, and others, but pretty soon abandoned the historical and philosophical reflection, and began to develop an independent political and socio-economic project in which these anthropological ideas were to be implemented in practice. There followed Marx's definition of his philosophy as «practical materialism». That is why the founder of the world communist movement for the first time in the history of philosophical thought could consider questions of formation and development of the «whole man», his self-realization, the problems of the individual and collective relationships, happiness, creativity, and the other on the rich social material. However, the magnitude of the tasks set by K. Marx, did not allow him to create a complete philosophical system. The result of this was the loss of the sense of incompleteness of the keys to the legacy of the «first Marxist», which was interpreted by his followers as an exclusively political and socio-economic project. This fact was the main reason for attempts of Western and domestic researchers to reconstruct Marx's anthropological concept with a detailed analysis of its ideological origins, evolution and historical destiny. The experience of such reconstruction propose in this article.

Keywords: the subjective factor in history, alienation, practice, Karl Marx, the concept of «whole man», class struggle, revolution, communism.

Карл Генрих Маркс (1818–1883), немецкий философ, экономист, политический журналист, общественный деятель, на протяжении прошлого столетия не раз признавался «величайшим мыслителем в истории». С этим утверждением трудно не согласиться. Даже принимая во внимание огромную критическую литературу в адрес учения К. Маркса, нельзя отрицать, что именно автору «Коммунистического манифеста» и «Капитала» удалось создать систему мысли, во многом определившую развитие идей в XX–XXI вв.

Однако для подавляющего большинства исследователей, в том числе и его сторонников, К. Маркс долгое время оставался прежде всего отцом-основателем «политической экономии» — общественной науки, предмет изучения которой производственные отношения и законы, которые ими управляют. Лишь в середине XX в. в литературе начали появляться работы о философских истоках экономической концепции К. Маркса, раскрывающие его как мыслителя антропологического направления. Наиболее известна реконструкция, выполненная западным философом-марксистом Э. Фроммом [20]. Но не менее интересными и глубокими в этом отношении были также исследования ряда советских историков философии, посвященные открытию «неизвестного Маркса» [1, 4]. В настоящей статье предпринимается еще одна попытка проанализировать наследие основоположника марксизма в контексте его взглядов на проблему человека с целью обобщения и уточнения наработанного по данной теме материала [19].

Общеизвестно, что марксистская философия выступила преемницей немецкой классической философии XIX в., которая в последование гуманистическим призывам английского и французского Просвещения провозглашала человека «самым главным предметом в мире» [3, с. 351]. Философско-антропологические идеи в работах И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, Л. Фейербаха оказали серьезное влияние на формирование мировоззрения К. Маркса. Уже в первых его сочинениях центральное место занимали проблемы человеческой индивидуальности, социальной гармонии, цели и смысла жизни [8, 9]. Свою философскую позицию К. Маркс ассоциировал с возникшей еще в древнем мире «философией самосознания» (эпикуреизм, стоицизм, скептицизм), отвергающей всех небесных и земных богов и признающей высшим божеством человеческое самосознание. Юному мыслителю органически претила персонификация объективных природных и социальных законов в образе неких сверхъестественных сил, и он с самого начала отвергнул религиозную концепцию мира. Это представление полностью

разделял и близкий друг К. Маркса Ф. Энгельс, ставший его соавтором [12, 13, 14].

В 1840-е гг. основным и самым важным направлением поиска К. Маркса стало открытие взгляда на человека как общественно-исторического, практически-деятельного субъекта истории. К. Маркс полагал, что «сущностные силы человека» предполагают наличие предметности особого рода — социальной предметности. Именно этот аспект как главный аргумент в пользу революционного преобразования мира был для него важнейшим в полемике с Г.Ф.В. Гегелем и Л. Фейербахом. К. Маркс отталкивался от заимствованного у Г.В.Ф. Гегеля анализа практики как деятельности не только по производству предметов, но и самих людей: человек исторически развивается именно в процессе практического освоения мира. Однако К. Маркса не устраивало то, что сущность человека идеалистически изображалась Г.В.Ф. Гегелем как духовное свойство, тождественная с самосознанием и замкнутая в некой интеллектуальной абстракции. Этой трактовке человеческой сущности К. Маркс противопоставил реабилитацию конкретного природного человека, выполненную Л. Фейербахом. Впрочем, биологическая трактовка человеческой сущности Л. Фейербаха также не устраивала К. Маркса, поскольку понятый в ней только как часть природы человек утрачивал субъектность и превращался в пассивный объект истории [10, с. 1]. Человек, «освобожденный» от влияния сверхъестественной силы, был обречен здесь на безысходную рабскую зависимость от природы.

Марксова трактовка человеческой сущности синтезировала решения Г.В.Ф. Гегеля и Л. Фейербаха посредством включения в сферу анализа факта материального производства, в результате чего идея об историческом становлении человека в процессе практики приобрела принципиально новое звучание. Производя необходимые для себя предметы, человек производит самого себя, приобретает и развивает специфически человеческую активность, конкретизирующуюся в способности к познанию и преобразованию объективной реальности. Он подчеркивал, что сущностные человеческие свойства, начиная с образования пяти внешних чувств, являются продуктом истории, саморазвития человека, а не даром природы, как утверждал Л. Фейербах. Наличие материального производства, «сложившегося предметного бытия промышленности» К. Маркс считал «*раскрытой*» книгой человеческих сущностных сил», результатом и свидетельством сущностной человеческой активности. Особый акцент он делал на коллективном характере предметно-преобразовательной практики, указывая на то, что сознание и язык формируются только в совместном труде и связанном с ним общении, то есть специфически человеческая субъектность яв-

ляется общественно-историческим продуктом. К. Маркс показывал, что люди приобретают способность к преобразованию мира в процессе усвоения социального опыта, являясь одновременно и продуктами, и субъектами общественно-исторической деятельности.

Итогом размышлений К. Маркса стала философское обоснование социальной активности человека как единственной формы преобразования им себя самого, общества и природы. Не случайно он назвал свое учение в противовес созерцательному материализму Л. Фейербаха «практическим материализмом» [13, с. 42]. «История не делает ничего... она не сражается ни в каких битвах! Не история, а именно человек, живой действительный человек — вот кто делает все, всем обладает и за все борется... История — не что иное как деятельность преследующего свои цели человека» [14, с. 102]. К. Маркс признавал, что люди делают историю при определенных обстоятельствах, которые застают в готовом виде и от которых полностью зависят, но указывал, что люди обладают способностью к овладению и преобразованию этих обстоятельств посредством их познания: «Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [13, с. 37]. При этом объективная свобода человека прямо увязана в работах К. Маркса с объективным познанием действительности и заключается в выборе действия, соответствующего с наличными условиями. К. Маркс был решительным противником переоценки субъективного фактора в истории, считая ее бесплодной, какой она представляла в работах И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегеля, и в то же время опасной, какой она становилась в конкретной социальной практике. Так, К. Маркс отрицательно относился к экспериментам над природой, базирующимся на убеждении о безнаказанности человеческого произвола [2]. Суть «практического материализма» К. Маркса была конкретизирована в формуле «свобода есть познанная необходимость». Это была настоящая философская революция: человек был впервые в европейской философии осмыслен как общественно-исторический, практически-деятельный субъект истории.

Большое внимание К. Маркс уделял и таким проблемам, как сущность и существование, отчуждение, назначение человека и смысл его жизни [11]. Здесь решающую роль в формировании его взгляда сыграла философско-этическая концепция Л. Фейербаха. Л. Фейербах рассматривал человека как нравственное существо, сущностные качества которого проявляются в любви к другому человеку. Он подчеркивал, что ребенок становится человеком только когда начинает любить. Нравственность связывалась им с присущим личности стремлением к счастью и пониманием невозможности его достиже-

ния вне сердечного общения с другими людьми. Соглашаясь с исходными утверждениями Л. Фейербаха, К. Маркс углублял их аргументами материалистической теории. Человек, будучи изначально биологическим существом, социализируется в процессе исторического развития, осознает те социально полезные качества, которые отличают его от животного именно как человека. Он приобретает способность контролировать и подавлять негативные проявления своей «животной» природы (агрессивность, жадность доминирования, эгоцентризм и т.п.). К. Маркс полагал, что Л. Фейербах соглашался с тем, что человек не может стать счастливым, игнорируя сердечное общение с другими людьми. Любовь обменивается только на любовь, доверие обменивается только на доверие. Принуждение к любви (например, приобретение ее за деньги) не приносит подлинной радости и превращается в несчастье [11, с. 150–151] для духовно бедного человека, который еще острее испытывает болезненную потребность «в том величайшем богатстве, каким является другой человек» [11, с. 125]. Нравственное отношение человека к человеку К. Маркс считал выражением высшей степени социализации индивида, его человеческого самосознания.

Еще одним вопросом, волновавшим К. Маркса, являлась проблема эстетической чувственности — «человеческого вкуса к природе» как «естественного чувства человека» [11, с. 135]. К. Маркс полагал, что изначально процесс материального обмена общества и природы выражался в удовлетворении естественных потребностей. Однако в процессе производства все более совершенных вещей у человека появилось понимание «законов красоты» [11, с. 94]. Удовлетворение естественных потребностей превратилось в чувственное наслаждение, было переведено с «животного» на специфически «человеческий» уровень. Согласно К. Марксу, естественные потребности, в том числе физическая любовь, не имеют для человека значения самоцели [11, с. 91] и, будучи окультуренными, воспринимаются как проявления человеческой красоты, часть всестороннего проживания жизни. «В центре марксистского понимания человеческих отношений мы видим не сексуальность, а Эрос, одним из выражений которого может быть сексуальность» (Э. Фромм) [20, с. 353]. В преобразовании сексуальности в Эрос и заключается «очеловечивание» естественных потребностей, придание им естественного для человека эстетически-нравственного характера. Эмоциональное «присвоение» человеком внешнего мира и развитие у него в результате этого мира внутреннего. К. Маркс считал условием полноценного и счастливого проживания жизни. Подлинным богатством человека в понимании К. Маркса было богатство всех его человеческих чувств и восприятий [11, с. 124, 122–123].

К. Маркс полагал, что стремление к творческому самовыражению и самореализации является сущностным стремлением каждого человека, оно имеет предпосылки в виде «задатков и способностей» [11, с. 163] и в осознанном состоянии «выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*» [11, с. 125]. Создавая предмет для самого себя и других людей, человек утверждает себя в предмете и осуществляет свою индивидуальность [11, с. 121], осознает себя как личность и в связи с этим испытывает особое чувственное наслаждение. Характерно, что творческое самовыражение К. Маркс рассматривал как необходимое для *человеческого* развития человека и специально оговаривал, что оно не имеет тесной связи с достижениями в искусстве: «Если бы /.../ каждый индивид был отличным живописцем, то это вовсе не исключало бы возможности, чтобы каждый был также и оригинальным живописцем...» [13, с. 393]. Согласно К. Марксу, свободная и самостоятельная творческая деятельность человека совместно с другими людьми и на общее благо есть главное условие «целостного» человеческого бытия, в конечном итоге сущностное назначение человека и смысл его жизни.

Таким образом, К. Маркс, как и Л. Фейербах, исходил из понимания человека как мыслящего, творческого и общественного существа и сформулировал идеал «целостного человека», квинтэссенцией сущностных свойств которого является эстетически-нравственное отношение к миру, другому человеку и самому себе. Но, по мнению К. Маркса, указанные сущностные свойства человека формируются только в процессе социального развития: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [10, с. 3].

Но как получилось, что современный человек отчужден от своей исходной человеческой сущности и влачит ущербное существование? К. Маркс пришел к выводу, что это отчуждение имеет под собой экономическую основу, оно связано с отрывом человека от творческой самореализации в процессе материального производства. С возникновением частной собственности и разделения труда происходит антагонизация общества: один человек попадает в зависимость от другого человека и лишается права на свободную творческую самодеятельность, формируются классы, в капиталистическом обществе — пролетариат и буржуазия. Принудительный труд воспринимается рабочим как ущербный вид бытия, в процессе которого «он чувствует себя оторванным от самого себя» [11, с. 90]. Он все более утрачивает свою *человеческую* «духовную сущность» [11, с. 94] и в обратном порядке превращается в животное. Единственно свободно доступное ему удовлетворение физиологических потребностей «при еде, питье,

половом акте» становится для него тождественным собственно человеческому существованию [11, с. 91]. В результате этого происходит эстетически-нравственная утрата рабочим самого себя как *человека*. Присваивающий чужой труд, капиталист также страдает от разделения труда и также обезчеловечивается, несмотря на то что его жизнь и положение в обществе несравнимо лучше, чем жизнь и положение в нем рабочего. Стремление к накоплению капитала сделало его бесчувственным, воспринимающим мир только через призму полезности и грубого материального присвоения. Ему необходимо обладать предметом и потреблять его — есть, пить, носить на себе, жить в нем, чтобы чувствовать своим, он также утратил свое естественное *человеческое* восприятие мира [11, с. 120]. В отчужденном состоянии человека К. Маркс видел, по выражению Э. Фромма, «патологию нормальности, испорченность статистически нормального человека. Утрату /.../ всего того, чем ему следовало быть...» [20, с. 349]. Закономерным итогом отчуждения человека от труда является отчуждение человека от человека, формирование «суррогатной коллективности» [13, с. 75]. Оно выражается в том, что подлинно *человеческие* отношения заменяются обезчеловеченными экономическими отношениями, в соответствии с которыми «продукт — все, люди — ничто» [11, с. 69]. Буржуазное общество в представлении К. Маркса есть глубоко извращенный дегуманизированный мир, «мир навыворот», в котором человек рассматривается как социальное средство, а не самоцель. Опираясь на труды по классической политэкономии (А. Смит, Д. Рикардо и др.), К. Маркс констатировал, что антропологическим идеалом общества, основанного на частной собственности, является примитивный «экономический человек»: «*аскетический, но занимающийся ростовщицеством* скряга, и *аскетический, но производящий раб*» [11, с. 131]. В нем не существует понятия человека вне его роли на производстве, вследствие чего вместо людей в нем представлены персонифицированные экономические категории — «капиталисты» и «рабочие».

Выход из сложившегося положения К. Маркс видел в «полной *эмансипации* всех человеческих чувств и свойств» [11, с. 120] посредством создания коммунистической «действительной коллективности» [13, с. 75], основанной на ликвидации всех форм вынужденного труда и утверждении принципа творческой самодеятельности. Главным и необходимым условием ликвидации принуждения человека к труду К. Маркс считал упразднение частной собственности. Обратим внимание, что в понимании К. Маркса подлинный коммунизм есть общество, в котором происходит «*подлинное присвоение* человеческой сущности человеком и для человека» [11, с. 116]. К. Маркс усматривал прямую аналогию

между философско-этической теорией Л. Фейербаха и современными ему коммунистическими учениями [16, с. 381]. В концепции К. Маркса под идею коммунизма как раз и было подведено философско-антропологическое обоснование.

Согласно К. Марксу, ниспровергнуть обезчеловеченные общественные отношения должна социальная революция, организованная пролетариатом. Пролетариат является самым угнетенным классом, «духовная и физическая нищета» которого не может не породить *человеческого* протеста. В основе пролетарской революции, по К. Марксу, лежит «противоречие между его (пролетариата. — О.У.) человеческой природой и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы» [14, с. 39]. Самим ходом истории пролетариат вынужден учредить свою *человеческую* диктатуру над обществом, в рамках которой он экспроприрует частную собственность, ликвидирует разделение труда и упразднит классы. К. Маркс подчеркивал, что интересы пролетариата совпадают с интересами всего человечества: «По принципу своему коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом» [15, с. 516].

Руководить действиями пролетариата должна была коммунистическая рабочая партия, возглавляемая, по-видимому, «буржуа-идеологами», возвысившимися «до теоретического понимания всего хода исторического движения» [12, с. 434] и помогающими пролетариату приобрести *человеческое* сознание (именно такими «буржуа-идеологами» были К. Маркс и Ф. Энгельс — основатели Союза коммунистов — первой международной коммунистической организации пролетариата). К. Маркс указывал, что деятельность коммунистов строго ограничена объективной социально-экономической конъюнктурой, она является ее «общим выражением» [12, с. 438] и ни в коем случае не носит волюнтаристского характера. Он полагал, что объективное и всестороннее преобразование человеческой сущности возможно только вместе с объективным преобразованием всех социальных условий, которое не может специально «вызвать» никакая коммунистическая партия. В связи с этим К. Маркс резко отрицательно относился к «обновителям мира» [12, с. 438], которые используют общество как материал для своих социальных экспериментов. Обязательным условием формирования коммунистического общества он считал универсальное развитие производительных сил, на базе которого было бы возможным универсальное развитие общения людей [12, с. 33–34]. К. Маркс подчеркивал, что ликвидация частной собственности тождественна ее фактическому отмиранию, полной исчерпанности ее положительного исторического содержания [11, с. 113–114]. Он констатировал, что попытки «учредить» комму-

низм, игнорируя отсутствие объективных предпосылок, приводят к формированию «грубого коммунизма», основанного на примитивном всеобщем уравнинии и распространении ущербной категории «рабочего» на всех людей [11, с. 114]. Ликвидация отчуждения при коммунизме в ходе всестороннего и планомерного контроля над производством должна была стать в представлении К. Маркса триумфом самосознания и самоорганизации человека как практически деятельного субъекта истории.

Все приведенные выше утверждения К. Маркса являются результатом историко-философской реконструкции. В его ранних работах можно найти отдельные философско-антропологические идеи, но система антропологической философии в них отсутствует. Почему К. Маркс уклонился от разработки целостного учения о человеке, если данная тема действительно была в его понимании столь существенной?

По-видимому, К. Маркс с самого начала поставил своей задачей разработку некоего практического «приложения» к философской антропологии Л. Фейербаха. Иначе говоря, он был полностью согласен с этическими установками Л. Фейербаха и, не считая нужным умножать «разговоры» о гуманизме, дополнил их историко-материалистическими примерами и занялся поиском ответа на вопрос, как конкретно реализовать эти этические установки в капиталистическом обществе, превратить благое пожелание в социальную норму. «...Для *практических* материалистов, т.е. для *коммунистов*, все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его» [13, с. 42]. На этом строилось основное содержание теории К. Маркса и в этом же заключалась ее оригинальность. Не случайно К. Маркс считал своим научным открытием идею диктатуры пролетариата как исторически неизбежной формы перехода от классового общества к обществу без классов [15, с. 427].

С конца 1840-х гг. и до конца своих дней К. Маркс полностью сосредоточился на политэкономическом анализе социальной истории с целью создать строго научную программу по «очеловечиванию» мира. К. Маркс коротко останавливался на проблемах становления человека как личности, его судьбы в капиталистическом обществе и перспективах развития при коммунизме [4], но его замечания о человеке были теперь практически неразличимы в масштабном анализе капиталистической экономики. Указания на идеал «всесторонне развитого индивида» лишь изредка встречались в работах К. Маркса (например, «Критика Готской программы» (1875 г.) [7, с. 20] и «Капитал. Критика политической экономии» [5, с. 623; 6, с. 386–387]). К. Маркс уже ничего

не говорил о человеческой животности, чувственном мире человека, полностью сосредоточившись на анализе капиталистической экономики и ее деструктивного влияния на рабочего. Специфика исследования обусловила модификацию ключевых терминов («способ производства» вместо «производства человека», «производительные силы» вместо «сущностных сил человека», «эксплуатация» и «разделение труда» вместо «отчуждения»). К. Маркс исследовал проблему прибавочной стоимости и раскрывал реальный механизм отчуждения: рабочий производит продукт, капиталист возвращает ему часть этого продукта в форме заработной платы, рабочий всегда производит больше, чем получает от капиталиста. Анализ экономического отчуждения был дополнен анализом капиталистического применения машин, частью которых становится рабочий. Особое место было отведено теории товарного фетишизма, в которой конкретизировалась проблема отчуждения человеческих отношений, их узко-экономический *нечеловеческий* характер.

Зрелый марксизм представлял собой научное исследование экономического развития общества — производственных отношений, разделения труда, формирования классов, производительных сил, классовой борьбы, общественно-экономических формаций. Т.И. Ойзерман пишет: «“Капитал” Маркса, как и произведения зрелого марксизма в целом, является несравнимо более содержательным, более научным, более доказательным обоснованием и развитием гуманизма, чем его ранние произведения, несмотря на то, что термин “гуманизм” встречается в “Капитале” реже, чем в “Экономическо-философских рукописях 1844 года”» [18, с. 60–61]. Тем не менее, адекватная интерпретация марксистской концепции человека в силу ее непроговоренности была сильно затруднена деталями политэкономического анализа. Поздние работы К. Маркса, особенно «Капитал», создавали в корне неверное представление о марксистской концепции как концепции сугубо экономической, не имеющей отношения к философской антропологии. Они могли быть адекватно поняты с помощью ранних работ К. Маркса, но те не были опубликованы и лежали в архиве.

Специфика политэкономических исследований обусловила и видимое исчезновение из зрелого марксизма принципа творческого активизма человека. К. Маркс стремился установить объективные причины кризиса капиталистической экономики и наметить перспективы мировой социалистической революции. В связи с этим в диалектике производительных сил и производственных отношений, противоречия между которыми, как писал К. Маркс, неизбежно ведут к смене одной социально-экономической формации на другую, была почти неразличима роль людей как главной производи-

тельной силы. Поиск объективно-детерминистских предпосылок к созданию нового общества стал к тому времени «идефикс» К. Маркса, от которого зависела его утопическая мечта о глобальном преобразовании мира. Он подчеркивал, что подлинное «царство свободы» может быть достигнуто только в результате универсального развития производительных сил, вследствие чего будет постепенно сокращаться рабочий день и освобождаться время для индивидуального развития личности [6, с. 386–387]. Разумеется, акцент на экономическом факторе в истории не умалял в его понимании роли в ней субъективного фактора. Так, в «Капитале» К. Маркс с одобрением цитировал слова Дж. Беллера: «...труд подливает масло в лампу жизни, а мысль зажигает ее...» [6, с. 500]. Обусловленный состоянием производительных сил, переход от капитализма к коммунизму не исключает, а, напротив, требует активных сознательных действий от человека как субъекта истории. Но эта мысль не была прописана с достаточной ясностью. В итоге выходило, что в работах К. Маркса, несмотря на все его замыслы, проблема человека как общественно-исторического субъекта, как верно заметил А.Г. Мысливченко, не получила концептуальной разработки [17, с. 349]. И европейские социалисты вполне предсказуемо восприняли разработанное К. Марксом философско-антропологическое учение как теорию экономического детерминизма, ведь увидеть внутри наследия К. Маркса первоначальные семена высокой гуманности можно было только посредством выполнения сложнейшей реконструкции. «Величайшему мыслителю» XIX столетия банально не хватило жизненного срока для реализации его грандиозных научных задач и создания систематизированного и согласованного учения о мире, обществе и человеке. Думается, что постижение и дальнейшее развитие открытий К. Маркса еще впереди.

Список литературы

1. Андрианов И.Н. Проблема человека в ранних работах К. Маркса и Ф. Энгельса: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1969. 18 с.
2. Давыдова Г.А. Проблема отношения человека и природы в философско-исторической концепции К. Маркса // Вопросы философии. 1983. № 5. С. 73–85.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. 1798 // Кант И. Сочинения: в 7 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 349–588.
4. Калинин В.А. Проблема человека в «Капитале» К. Маркса // «Капитал» К. Маркса. Философия и современность / редкол.: М.Т. Иовчук и др. М.: Наука, 1968. С. 441–465.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1., кн. I: Процесс производства капитала //

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. 908 с.
6. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 1 (гл. I–XXVIII) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 25, ч. 1. 546 с.
 7. *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 9–32.
 8. *Маркс К.* Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 17–98.
 9. *Маркс К.* Сочинение по религии. Единение верующих с Христом по Евангелию от Иоанна, гл. 15, ст. 1–14, его причина и суть, безусловная необходимость и оказанное им влияние // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1975. Т. 40. С. 590–593.
 10. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.
 11. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
 12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
 13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
 14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или Критика критической критики. Против Б. Бауэра и кампании // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 2. С. 3–230.
 15. *Маркс – И. Вейдемейеру.* 5 марта 1852 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 28. С. 422–428.
 16. *Маркс – Л. Фейербаху.* 11 августа (1844 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 27. С. 380–382.
 17. *Мысливченко А.Г.* Философские парадигмы западного марксизма // Карл Маркс и современная философия: сб. матер. науч. конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса / редкол.: Н.И. Лапин (отв. ред.) и др. М.: ИФ РАН, 1999. С. 346–355.
 18. *Ойзерман Т.И.* Размышления о реальном гуманизме, отчуждении, утопизме и «позитивизме» // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 60–72.
 19. *Устинов О.А.* Проблема человека в творчестве Н.И. Бухарина: историко-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 204 с.
 20. *Фромм Э.* Вклад Маркса в познание человека / пер. с нем. И.В. Егоровой // Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 344–356.

Получено 04.04.2016

References

1. Andrianov I.N. *Problema cheloveka v rannih rabotah K. Marksa i F. Engel'sa: aftoref. dis. ... kand. filos. nauk* [A problem of a man in early K. Marx's and F. Engels's works: author's abstract on procuring the degree of candidate of philosophy]. Leningrad, 1969, 18 p. (In Russian).
2. Davydova G.A. [Problem of relations between man and nature in philosophical and historical concept of K. Marx]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1983, no 5, pp. 73–85. (In Russian).
3. Kant I. [Anthropology from a pragmatic point of view. 1798]. *Sochineniya: v 7 t.* [Oeuvre: in 7 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 6, pp. 349–588. (In Russian).
4. Malinin V.A. [Problem of a man in K. Marx's «Capital»]. «Capital» *K. Marksa* [K. Marx's «Capital»]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 441–465. (In Russian).
5. Marx K. [Capital. A contribution to the critique of political economy. Vol. 1, book 1: Process of capital production]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960, vol. 23, 908 p. (In Russian).
6. Marx K. [Capital. A contribution to the critique of political economy. Vol. 3, book 3: Process of capital production taken in whole. Part 1 (ch. I–XXVIII)]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, vol. 25, part 1, 546 p. (In Russian).
7. Marx K. [Critique of the Gotha Program]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, vol. 19, pp. 9–32. (In Russian).
8. Marx K. [Differences between physiophilosophy of Democritus and Epicurus]. *Marks K., Engels F. Iz rannih proizvedenij* [Marx K., Engels F. From early works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956, pp. 17–98. (In Russian).
9. Marx K. [Work on religion. The union of believers with Christ according to John 15:1–14 showing its basis and essence, its absolute necessity and its effects]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1975, vol. 40, pp. 590–593 (In Russian).
10. Marx K. [Theses on Feuerbach]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 3, pp. 1–4. (In Russian).
11. Marx K. [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1974, vol. 42, pp. 41–74 (In Russian).

12. Marx K., Engels F. [Manifesto of the Communist party]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 4, pp. 419–459 (In Russian).
13. Marx K., Engels F. [The German ideology. Critique of the newest German philosophy of Feuerbach, Bauer and Stirner and German socialism of its prophets]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 3, pp. 7–544. (In Russian).
14. Marx K., Engels F. [The Holy Family, or critique of critical critique. Against Bauer and company]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 2, pp. 3–230. (In Russian).
15. [Marx to Wedemeyer. 5 March 1852]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962, vol. 28, pp. 422–428. (In Russian).
16. [Marx to Feuerbach. 11 August 1844]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962, vol. 27, pp. 380–382 (In Russian).
17. Myslivchenko A.G. [Philosophical paradigms of western marxism]. *Karl Marks I sovremennaya filosofiya: sbornik materialov nauchnoj konferentsii k 180-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa* [Karl Marx and modern philosophy: collection of materials of scientific conference devoted to 180 years anniversary of K. Marx]. Moscow, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences Publ., 1999, pp. 346–355. (In Russian).
18. Ojzerman T.I. [Thoughts on real humanism, alienation, utopism and «positivism»]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1989, no 10, pp. 60–72. (In Russian).
19. Ustinov O.A. *Problema cheloveka tvorchestve N.I. Buharina: istoriko-filosofskij analiz: dis. ... kand. filos.nauk* [Problem of a man in N.I. Buharin's works: dissertation of candidate of philosophical sciences]. Moscow, 2007, 204 p. (In Russian).
20. Fromm E. [Marx's contribution in perception of a man]. *Psihoanaliz i etika*. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 344–356. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 04.04.2016

Об авторе

Устинов Олег Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии образования и науки

Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования,
125212, Москва, Головинское ш., 8/2а;
e-mail: olustinov@rambler.ru

About the author

Ustinov Oleg Alexandrovich

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of Education and Science

Academy of Advanced Training and Professional Retraining of Education Specialists,
8/2a, Golovinskoe hwy., Moscow, 125212, Russia;
e-mail: olustinov@rambler.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Устинов О.А. Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 14–21. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-14-21

Please cite this article in English as:

Ustinov O.A. The concept of human in the philosophy of Karl Marx: the experience of reconstruction // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 14–21. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-14-21

УДК 323.1:[1:316]

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-22-27

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ПРОБЛЕМУ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Казарян Армине Гегамовна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматривается проблема консолидации российского зарубежья в современных геополитических условиях. Основное внимание уделяется вопросу формирования национальной идеи как механизма обретения национальной идентичности и главного орудия в противостоянии внешнему давлению. Рассматривается роль пространства и границ, природных и геополитических факторов в становлении русской идентичности. В качестве ключевых рассматриваются образы реки и степи, при этом река воспринимается как амбивалентный символ. Вводится понятие реки-границы, реки-предела как бесконечного идеала, а также реки как консолидирующего начала.

Особо отмечается необходимость консолидации россиян региона Центральной Азии. В качестве причины постепенного исчезновения национальной идентичности называется отсутствие у России сильной опоры в государствах, где наиболее активна антироссийская деятельность. Подчеркивается потребность в организованной и мощной русской диаспоре. Национальная идея рассматривается как единственное средство обеспечения духовной связи между государством и диаспорой, ее укрепления и единения вопреки государственным границам. Подчеркивается связь между сильной патриотичной диаспорой и формированием положительного образа России за рубежом.

В статье проводятся аналогии между современной геополитической обстановкой и геополитикой прошлых лет и делается заключение, что мы живем в эпоху нарастающих вызовов и угроз национальной идентичности, воспрепятствовать чему должна государственная политика, основанная на национальной идее.

Ключевые слова: национальная идея, геополитика, национальная идентичность, русское зарубежье, диаспора, антироссийская пропаганда, имидж России, патриотизм, социальная философия.

THE INFLUENCE OF GEOPOLITICAL FACTOR ON THE PROBLEM OF OBTAINING RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

Armine G. Kazaryan

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In the article the problem of the need to consolidate the Russian abroad in contemporary geopolitical circumstances is considered. The focus is on the question of the formation of national idea as a mechanism for obtaining national identity and the main instrument of opposition to external pressure. It specifies the role of space and the boundaries of natural and geopolitical factors on the development of Russian identity. The key images are rivers and steppes, while the river is perceived as an ambivalent symbol. The concept of the river-boundary, the river-limit as the infinite ideal, as well as the river as the consolidation source, is introduced.

It emphasizes the need for consolidation of Russians in Central Asia. As the cause of the gradual depletion of national identity it is called the lack of strong Russian support in those states, where most powerfully manifested anti-Russian activities, emphasizes the need for an organized and powerful Russian Diaspora. The national idea is considered as the only means of establishing a spiritual connection between the state and the Diaspora, and to strengthen its unity, despite the state borders. It emphasizes the correlation between strong patriotic Diaspora and the formation of a positive image of Russia abroad.

The article carried the analogy between the current geopolitical situation and the geopolitics of the past years and it is concluded we live in epoch of challenges and threats to national identity, which is able to prevent state policy based on the national idea.

Keywords: national idea, geopolitics, national identity, Russian abroad, Diaspora, anti-Russian propaganda, Russia's image, patriotism, social philosophy.

Развитие русской идентичности в условиях геополитического кризиса становится неотъемлемым фактором, влияющим на дальнейшую судьбу России. Вопрос о необходимости формирования национальной идентичности ставился также в начале 90-х гг. после окончания «холодной войны»: будущее России во многом зависело от того, в каком направлении и как будет складываться ее национальная идентичность. Произошла смена эпох, проблема идентичности нации вновь стала актуальна. Сегодня возрождение и осмысление национальной идентичности должны стать реакцией на геополитические процессы, ставящие под удар имидж России. При этом важным обстоятельством, обязательным для актуализации национальной идентичности, является наличие национальной идеи. Осознание необходимости национальной идентичности широко обсуждается на уровне государственной власти и перешло в форму открытого призыва власти к россиянам. В своем послании к Федеральному собранию 12.12.2013 г. Президент РФ В.В. Путин отметил: «В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация...» [8].

Понятие идентичности приобретает самые разные значения и находится на пересечении отличных и вместе с тем взаимосвязанных и пересекающихся научных дискурсов. В.В. Разуваев в работе «Национальная идентичность и отношение России к Европе» под национальной идентичностью понимает чувство коллективной принадлежности к какой-то определенной стране и по своим характеристикам относит проблему национальной идентичности к числу культуроведческих проблем [10]. Владимир Разуваев, рассуждая о национальной идентичности, берет за ее основу феномен «убегающей границы». Русские границы необъятны: Россия может использовать пространство для сохранения себя и поисков на нем нового «я». Ощущение связи с расширяющимся пространством, выраженном в образе Степи, всегда было свойственно русскому человеку, стоит только вспомнить произведения русского фольклора и русской литературы: образ степи в поэзии Г.Н. Красникова, Н.В. Кондаковой, М. Васильева, в творчестве А.В. Кольцова, в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон», в произведениях А.П. Чехова.

В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» также отмечал роль природных (ландшафтных, климатических) и геополитических факторов в формировании национального менталитета и национального характера: «Степь широкая, раздольная, как величает ее песня, своим простором, которому

конца-краю нет, воспитывала в древнерусском южанине чувство шири и дали, представление о просторном горизонте окоеме, как говорили в старину...» [6, с. 83]. Особое влияние на формирование национальной идентичности оказали речные бассейны. По убеждению Ключевского, именно реки направляли вектор географического размещения населения, которым, кстати, определялось политическое деление страны. По берегам русских рек селилось население, принимавшее активное участие в торговом движении; остальная часть проживала на землях, удаленных от рек, и занималась хлебопашеством, лесными промыслами и т.д. Река выполняет здесь функцию границы (между торговцами и крестьянами), она становится неким пределом, идеалом, в первую очередь в глазах человека, который оказался в нижней точке речного бассейна, но который стремится приблизиться к этому идеалу. Вместе с тем русская река имеет и консолидирующее начало. Она приучала своих прибрежных обитателей к общительности, к единству, сближая разбросанные части населения и способствуя их общежитию, позволяла знакомиться с чужими опытом, нравами и интересами. «Река является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе, она и сама любит порядок и закономерность. ... Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию...» [6, с. 85–86].

Обращаясь к современности, Д.Н. Батырев поднимает проблему поиска пути для сохранения своей идентичности в связи с нарастающими тенденциями глобализации [1]. В своем исследовании он приходит к заключению, что человечеству стремятся навязать какую-то одну модель как единственно верную, превратить людей в представителей безликого мира, лишив этнокультурного, национального своеобразия, права на национальное самоопределение, национальную идею. Ю.Д. Гранин в статье «Глобализация: эрозия национальной идентичности» также констатирует факт угрозы национальной идентичности во многих странах. На фоне геополитического кризиса, глобализации «перспективы России как особой локальной цивилизации, так и не решившей спор “западников” и “славянофилов”, но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны» [2]. Сохранить нацию, ее самобытность от исчезновения способна продуманная государственная политика в сочетании с традицией сохранения национальной идентичности. Любые вызовы и угрозы национальной идентичности проистекают из развивающегося глобализационного, экономического, политического, информационно-культурного кризиса [3].

Самуэль Хантингтон отмечает повсеместный кризис идентичности. В Сирии, Алжире, Мексике,

Бразилии, Турции, Германии, Великобритании и прочих государствах, включая США и Россию, налицо «кризис идентичности» [14]. Почти повсюду, пишет Хантингтон, люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих. Они пытаются найти ответ на вопрос: кто мы такие и чему принадлежим? Так, иранцы — «народ в поисках идентичности», подобно населению Южной Африки, Китай ведет борьбу за национальную идентичность с Тайванем и т.п.

Вопрос об идентичности «Кто я?» в эпоху глобализации основывается на другом, не менее важном вопросе — «Где я?», который становится индикатором пространства, или места пребывания индивида. «“Ты где?” — значит гораздо больше, чем просто уточнение обстоятельства места. Он, во-первых, удостоверяет наличие абонента в мире, а во-вторых, его тождественность себе самому. Его вписанность в нашу картину мира» [13], — рассуждает Маурицио Феррарис в книге «Где ты? Онтология мобильного телефона». Поэтому сами фразы «Абонент недоступен» или «Номер не существует» воспринимаются не как отсутствие аппарата, а как отсутствие самого абонента в пространстве (и времени). Феррарис, повествуя о мобильных телефонах, находит сходство с темой смерти у Хайдеггера: «...Мобильный принадлежит только нам, никто (теоретически, конечно) не может подойти к чужому телефону, равно как и умереть за другого, потому что мобильный телефон и смерть являются частной собственностью, преследующей нас как тень». Ту же аналогию можно провести между темой смерти и идентичности нации. Русская идентичность принадлежит исключительно русским и подобно тени следует за ними. Поэтому если заменить в данном определении слова «мобильный» и «мобильный телефон» на «идентичность», то смысл останется прежним.

Глобализация сегодня означает одновременно информационную поляризацию. Глобализация, еще недавно представлявшаяся гуманистической формой потребительского равноправия, равных возможностей в любой точке мира, сейчас превращается в скрытую форму информационного доминирования. В этой связи вопрос «Где ты?» Феррариса в глобальном формате можно переиначить — «На чьей ты стороне?». Одним из важнейших в сохранении собственной уникальности, культуры и истории является процесс сбережения национальной идентичности на фоне унифицирующих и обезличивающих глобализационных процессов. В определенном смысле стремление к обретению национальной идеи и формирование национальной идентичности есть акт самосохранения.

Тем не менее, нельзя противопоставлять национальную идентичность и глобализацию. В противном случае это противопоставление будет происхо-

дить по аксиологическому принципу — архаика и модерн (архаика — идентичность, модерн — глобализация). Национальная идентичность — это некое внутреннее зеркало глобализации (внутреннее, т.е. рефлекторное, ориентированное на самопознание народа на фоне «марсианского» ландшафта глобальной унификации). Сегодня человек задумывается о своей национальной идентичности в контексте культуры и истории, предстает как «наблюдатель второго» и даже «третьего порядка». Ведь ему для рефлексии нужно чувствовать себя принадлежащим как к национально-идентификационным процессам, т.е. быть вписанным в качестве субъекта в сам процесс становления идентичности, но при этом не забывать про «глобализационный ракурс» оценки этой рефлексии, иными словами, смотреть на идентичность глазами Другого. Следовательно, сам аксиологический фон поиска национальной идентичности подразумевает максимально возможную ментальную и бытийную пластичность.

Идентификация есть утверждение самости. В эпоху глобализации это нередко рассматривается как национализм. В этом смысле субъект, утверждающий идентификационные процессы, является «информационным миротворцем». Именно он обладает возможностью на этических принципах сблизить два противоположных процесса — идентификацию и глобализацию. Речь идет об идентификации, основанной на информационных процессах, когда отношения субъект–объект имеют совсем другую информационную природу, нежели та, что была в XIX – первой половине XX в. Представляется интересным обратить внимание на современные бытийные процессы в информационном обществе. Меняется динамика этих процессов, меняется сам образ личности-идентификата, субъекта личности. Информация меняет феноменологию идентификации.

Любопытно отметить, что в зарубежной научной мысли большинство исследователей и политологов доказывают, что национальная идентичность — устаревший конструкт, который якобы давно себя исчерпал, и предлагают «безнациональные» политические проекты будущего «сетевого общества» (М. Кастельс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван), «мирового государства» (Т. Левит), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс) и т.п. На современном этапе проблема формирования русской национальной идентичности, ее специфики нашли отражение в работах Л.Д. Гудкова «Особенности модернизации в России и характер русской этнонациональной идентичности», «Негативная идентичность», О.Н. Карпухина, Э.Ф. Макаревича «Национальная культура — основа национальной идентичности в глобализующемся мире», В.Г. Федотовой «Глобализация и российская идентичность», а также Ю.Г. Волкова, М.К. Горшкова, Е.Н. Данилова, А.Г. Дугина, Д.Н. Замятина,

Ю.А. Левады, В.С. Малахова, В.Н. Шевченко, В.А. Ядова. Исследованием вопросов, связанных с национальной идентичностью, также занимаются В.Н. Бадмаев, В.В. Лапкин, В.М. Межуев, В.И. Пантин, П.К. Гречко, Н.Н. Федотова, А.С. Панарин, Г.Я. Миненков.

В условиях текущих кризисных геополитических и глобализационных процессов мир «считает Россию евреем, который во всем виноват» [12]: Запад во всех бедах обвиняет Россию, любое трагическое событие, например, на Украине вызывает призывы к антироссийским санкциям, Украина стремится списать свои экономические ошибки на счет России, в феврале 2016 г. премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу обвинил Россию в «преступных действиях» [7], проводимых на территории Сирийской Арабской Республики, в то время как РФ наносит удары по позициям террористов с целью уничтожения именно террористов. Стране необходимо ответить на этот вызов национальной идентичности, ставящий под удар ее мировой имидж.

Все, что происходит сейчас, напоминает с болгарями. В свое время турки истребили тысячи болгар (почти 500 лет Болгария находилась под Османским игом — 1396–1878 гг.), а западная пропаганда объявила виновниками массовых убийств самих болгар. Помогая туркам, Запад, по сути, выступал против России, против ее усиления.

Рычагом же в становлении национальной идентичности и сопротивлении внешнему давлению должна стать мощная национальная идея. Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» пишет, что европеец и в целом вся Европа начнут уважать русских, как только увидят, что сами русские уважают свою национальность и высоко ставят свои национальные идеалы: «...прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится... Стать русским значит перестать презирать народ свой» [4, с. 73].

Необходимость наличия национальной идеи была обозначена на уровне государственной власти. Президент РФ Владимир Путин 3 февраля 2016 г. на встрече с активом «Клуба лидеров» подчеркнул: «У нас нет никакой и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Никакой другой идеи мы не придумаем...» [9]. Россия стремится к консолидации соотечественников. С целью укрепления основ национальной идеи, ее популяризации по всему миру создаются координационные советы соответствующей направленности, главным из которых остается Всемирный координационный совет. Согласно законодательству РФ Всемирный координационный совет является представительным органом соотечественников; существует также целая госкорпорация — «Россотрудничество». Вопросы, связанные с оказанием помощи русскому зарубежью, каждые три года обсуждаются на Всемирном

конгрессе соотечественников. Итогом работы конгресса становится разработка программ, направленных на поддержку русского населения. На законодательном уровне отношения России и русского зарубежья регулируются законом «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (ФЗ № 99 от 24.05.1999).

Русской общине зарубежья изначально не свойственна способность к самоорганизации. Ей нужен кто-то, кто возьмет на себя эту роль. Обращаясь к схожему вопросу о роли России в славянском мире, В.В. Розанов в своей статье «Культурные сближения» цитирует письмо поляка, в котором тот выражает идею о необходимости сближения славян между собой, и ответственность за это возлагает на Россию: «Вы — сильны, мы — слабы и угнетены, и вы должны первые протянуть руку...» [11]. Русские государи, по мнению поляка, должны стать «собирателями» не только русских земель, но и «собирателями славянских земель». Позиция Розанова на этот счет ясна: у России «слишком много внутренних этнографических споров, чтобы перебрасывать мысль вождения свои за границы собственной территории». Но вызовы XXI в. требуют от России обратить свой взгляд за границы своей территории — для того, чтобы собрать в единое целое русских людей, пока еще идентифицирующих себя как русских.

Задача эта актуальна. Например, в регионе Центральной Азии, происходит вытеснение русского языка, проводится политика вытеснения представителей некоренного населения из сферы государственного управления, армейского руководства, промышленности и образования. Одновременно с этим, например, крепнут позиции турецкого образования. Особенно сильны они в Туркмении. Турция ведет активную культурную политику в тюркоязычном мире; в Туркмении, и в Турции ведущей религией является ислам: в Туркмении ислам исповедуют 89 % населения, в Турции — 96,1 %. База для консолидации здесь очевидна. Между тем одной из причин отсутствия консолидации между русским общинами, проживающими на постсоветском пространстве, стала утрата такого качества, как соборность — того самого консолидирующего элемента, существенной составляющей в формировании фундамента диаспоры (включая язык, культуру, особенности быта, традиции и др.).

Культурная экспансия России в регионе Центральной Азии пока не может составить сильную конкуренцию турецкой, однако деятельность в этом направлении, безусловно, ведется. В Центральной Азии с 2000 г. появились филиалы МГУ им. М.В. Ломоносова, других российских вузов. В меньшей степени РФ затрагивает сферу школьного образования. Ситуация стала меняться в 2009 г., когда появился российский фонд «Наследие Евразии»,

нацеленный на разработку программы развития сети русских учебных заведений. Есть программа Фонда «Наследие Евразии», которая предполагает поддержку русского языка, образования и культуры. Однако с 2006 г. параллельно реализуется так называемая «Программа переселения», которая предусматривает исход русского населения. Таким образом, речь идет о двух противоположных программах, одна из которых пытается сохранить русскую самость, а другая — отражает ее кризис и занимается переселением русского населения [5]. И в этом отношении, конечно, следует определить приоритеты государственной политики России.

Формирование сильной диаспоры в период противоречивых отношений с рядом государств постсоветского пространства, в эпоху геополитического кризиса становится одной из важнейших задач, стоящих перед Российским государством. В связи с этим России необходимо «протянуть руку» диаспоре, содействовать ее консолидации и укреплению. На официальном государственном уровне эта помощь выражается в установлении паритетных партнерских отношений с регионами, где русские оказались в сложной ситуации, в создании ведомств и структур по взаимодействию с диаспорой; на метафизическом уровне — в пробуждении духовной связи с Россией, направленной на всеобщее единение на основе национальной идеи. Усиление процесса антироссийской пропаганды на современном этапе ставит под угрозу чувство русскости и русской национальной идеи. Ситуация осложняется тем, что у России нет сильной опоры в государствах, где эта пропаганда ведется особенно интенсивно. Наличие авторитетных диаспоральных институтов в проблемных регионах, возможно, позволит ей лоббировать российские политико-экономические интересы, а также укрепит связи с соотечественниками, в которых пока что ощущение себя русскими постепенно сменяется ощущением идентичности с местной культурой.

Таким образом, «диаспоральное» отношение к проблеме идентичности будет, на наш взгляд, способствовать формированию новой «системы координат» при определении русской национальной идеи. «Пространство идентичности», прежде базировавшееся на особенностях русской природы и географии, сегодня, в эпоху высоких скоростей информационного обмена, перестает быть четким смысловым индикатором. Вопрос «Где ты?» — без преувеличения провокативно-геополитический, поскольку самоопределение в релятивных пространственно-временных границах отдается на откуп самому человеку. Именно в этой ситуации «всечеловечность», указанная Ф.М. Достоевским в качестве характеристики русского национального сознания, может оказаться не просто экзистенциальной, метафизической опорой в попытках русского человека познать самого себя, но и стать вполне конкретной

методологической ступенью в формировании актуальной геополитической тактики России. Ведь всечеловечность можно и нужно трактовать не только в ее традиционном смысле пластичности и всеохватности русского сознания, но и в смысле бережного и кропотливого учета «всех людей», «всех россиян», которые вместе образуют антропологическую основу идентичности.

Список литературы

1. Батырев Д.Н. Проблема национальной идентичности в глобализующемся мире: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2009. 163 с.
2. Гранин Ю.Д. Глобализация: эрозия национальной идентичности // Век глобализации. 2015. № 1(15). С. 142–152.
3. Гранин Ю.Д. Национальное государство в глобализующемся мире. Социально-философский анализ. М.: РУСНИКА, 2014. 362 с.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб., 1878. С. 68–122.
5. Казарян А.Г. Уроки выживания в информационной блокаде / НТА-Приволжье. URL: <http://www.ntann.ru/analitika/article/?ID=278179> (дата обращения: 20.04.2016).
6. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 1: Курс Русской истории. Ч. 1. М., 1987. 432 с.
7. Паламарчук М.Л. Турецкий премьер обвинил Россию в военных преступлениях в Сирии // Известия. URL: <http://izvestia.ru/news/603415> (дата обращения: 05.02.2016).
8. Послание Президента РФ Федеральному собранию: полный текст / ИА REGNUM. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1603695.html#ixzz2nYdXfyZC> (дата обращения: 11.09.2014).
9. Путин: патриотизм — это и есть национальная идея / Информационное агентство России ТАСС. Политика. URL: <http://tass.ru/politika/2636647> (дата обращения: 03.02.2016).
10. Разуваев В.В. Национальная идентичность и отношение России к Европе: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1993. 37 с.
11. Розанов В.В. Культурные сближения // Новое время. 1902. 30 янв., № 9306.
12. Россия, русские, русское / Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. URL: <http://www.rossiarusskie.biz/2016/03/voskresnyj-vecher-s-vladimirom.html> (дата обращения: 06.03.2016).
13. Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 352 с.
14. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 640 с.

Получено 24.05.2016

References

1. Batyrev D.N. *Problema natsionalnoy identichnosti v globalizuyuschemsya mire: sotsialno-filosofskiy analiz* [The problem of national identity in a globalized world: socio-philosophical analysis]. Rostov-On-Don, 2009, 163 p. (In Russian).
2. Granin Y.D. [Globalization: the erosion of national identity]. *Vek globalizatsii* [The age of globalization], 2015, № 1(15), pp. 142–152. (In Russian).
3. Granin Y.D. *Natsionalnoe gosudarstvo v globalizuyuschemsya mire. Sotsialno-filosofskiy analiz* [The nation-state in a globalized world. Socio-philosophical analysis]. Moscow, RUSNIKA Publ., 2014, 362 p. (In Russian).
4. Dostoevskiy F.M. *Dnevnik pisatelya* [The diary of a writer]. Saint Petersburg, 1878, pp. 68–122. (In Russian).
5. Kazaryan A.G. *Uroki vyzhivaniya v informatsionnoy blokade* [Survival lessons in information blockade]. NTA-Privolzh'e. Available at: <http://www.nta-nn.ru/analitika/article/?ID=278179> (accessed 20.04.2016). (In Russian).
6. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 9 t. T. 1. Kurs russkoy istorii. Ch. 1* [Oeuvre: in 9 vol. Vol. 1: Course of Russian history. Part 1]. Moscow, 1987, 432 p. (In Russian).
7. Palamarchuk M.L. *Turetskiy premyer obvinil Rossiyu v voennykh prestupleniyakh v Sirii* [Turkish Prime Minister has accused Russia of committing «war crimes» in Syria]. *Izvestiya*. Available at: <http://izvestia.ru/news/603415> (accessed 05.03.2016). (In Russian).
8. *Poslanie Prezidenta RF Federalnomu Sobraniyu: polnyy tekst* [President's Message to the Federal Assembly: full text]. IA REGNUM. Available at: <http://www.regnum.ru/news/polit/1603695.html#ixzz2nYdXfyZC> (accessed 11.09.2014). (In Russian).
9. *Putin: patriotism — eto i est natsionalnaya ideya* [Putin: patriotism is the only national idea]. TASS. Available at: <http://tass.ru/politika/2636647> (accessed 03.02.2016). (In Russian).
10. Razuvaev V.V. *Natsionalnaya identichnost i otnoshenie Rossii k Evrope: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [National identity and Russia's attitude towards Europe: author's abstract on procuring the degree of doctor of political sciences]. Moscow, 1993, 37 p. (In Russian).
11. Rozanov V.V. *Kulturnye sblizheniya* [Convergence culture]. *Novoe vremya* [New Time], 1902, № 9306. (In Russian).
12. *Rossiia, russkie, russkoe* [Russia and Russian]. Sunday evening with Vladimir Solovyov. Available at: <http://www.rossiarusskie.biz/2016/03/voskresnyj-vecher-s-vladimirom.html> (accessed 06.03.2016). (In Russian).
13. Ferraris M. *Ty gde? Ontologiya mobilnogo telefona* [Where are you? An ontology of the cell phone]. Moscow, Novoe literaturnoe Publ., 2010, 352 p. (In Russian).
14. Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoy identichnosti* [Who are we? The challenges to America's national identity]. Moscow, Tranzitkniga Publ., 2004, 640 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 24.05.2016

Об авторе

Казарян Армине Гегамовна

аспирант филологического факультета

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603000, Нижний Новгород, ул. Большая
Покровская, 37;
e-mail: armine5551@rambler.ru

About the author

Kazaryan Armine Gegamovna

Ph.D. Student of the Faculty of Philology

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
37, Bolshaya Pokrovskaya str., Nizhni Novgorod,
603000, Russia;
e-mail: armine5551@rambler.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Казарян А.Г. Влияние геополитического фактора на проблему формирования русской национальной идеи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 22–27. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-22-27

Please cite this article in English as:

Kazaryan A.G. The influence of geopolitical factor on the problem of obtaining Russian national identity // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 22–27. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-22-27

УДК 1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-28-37

СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ КАК РАЗВИВАЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

Иванов Андрей Геннадиевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Липецкий филиал)*

К изучению социальной мифологии применен системный подход. Социальная мифология рассматривается в качестве системы, состоящей из онтологической, гносеологической, аксиологической и праксиологической подсистем. Каждая подсистема включает в себя ряд ключевых компонентов. Для фиксации присутствия социальной мифологии в обществе и иллюстрации содержания компонентов системы социальной мифологии вводится термин «концептуальное понятие – аттрактор мифологического», представляющий собой феномен общественной жизни, содержащий мифологическое наполнение. С развитием общества происходят изменения во всех подсистемах социальной мифологии. Основные изменения следующие: представления о причинно-следственной связи и о соотношении части и целого смещаются на «архаический» уровень социальной мифологии, в то время как представления о пространстве и времени — на «конъюнктивный» уровень; наличие мифологического обнаруживается во многих современных нелинейных процессах; существует тенденция оценивания степени конструктивности или деструктивности последствий, результатов реализации социальной мифологии; социально-мифологические проявления можно увидеть через рассмотрение мифоритуальных практик, которые ранее основывались преимущественно на универсальных традициях, но в современном обществе они представляют собой конгломерат разнообразных элементов, содержащих как архаические, так и квазимифологические компоненты. Делается вывод о том, что социальная мифология является, прежде всего, развивающейся системой.

Ключевые слова: социальная мифология; система социальной мифологии; концептуальное понятие – аттрактор мифологического; онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, праксиологическая подсистемы социальной мифологии; нелинейные процессы; развивающаяся система.

SOCIAL MYTHOLOGY AS AN EVOLVING SYSTEM

Andrey G. Ivanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch)

A systematic approach has been applied to the study of social mythology. Social mythology is considered as a system consisting of ontological, gnoseological, axiological and praxeological subsystems. Each subsystem includes a number of key components. To secure the presence of social mythology in society and to illustrate the components of the system of social mythology the term of «conceptual notion – mythological attractor» is introduced. This term means a phenomenon of social life, containing any mythological filling. The development of society leads to changes in all subsystems of social mythology. The main changes are the following: the ideas about causation and about the relationship of part and whole are moving to the «archaic» level of social mythology, while the ideas of space and time are moving to the «conjunctural» level; there are similarities of principles for the development of non-linear processes and principles of functioning of mythological consciousness; there is a trend towards assessment of level of constructive or destructive consequences, the results of the implementation of social mythology; socio-mythological existence can be seen through consideration of myth-ritual practices, previously based in the traditions, but in contemporary society representing a conglomerate of various elements, containing both archaic and quasi-mythological components. The study concludes that the social mythology is primarily an evolving system.

Keywords: social mythology; the system of social mythology; conceptual notion – mythological attractor; ontological, gnoseological, axiological, praxeological subsystems of social mythology; non-linear processes; evolving system.

Социальная мифология как система представляет собой совокупность подсистем, состоящих из определенных элементов и образующих упорядоченную структуру. Критериями классификации являются основные разделы социальной философии. К подсистемам относятся онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, праксиологическая. Онтологическая подсистема включает в себя такие элементы, как представления о времени, пространстве, части и целом, причинно-следственной связи. В гносеологическую подсистему включаются мифологическое сознание (мифологизация и мифотворчество), мифопоэтическое мировосприятие, мифомышление. Элементами аксиологической подсистемы следует считать веру, представления о сакральном и профанном. Практическую (праксиологическую) подсистему образуют такие элементы, как миф, ритуал. Отдельного пояснения требует отсутствие антропологической подсистемы как отражающей важнейшее направление социальной философии — социальную антропологию (или культурную антропологию): человек, на наш взгляд, находится в центре всей системы социальной мифологии; чело-

веческое измерение охватывает все подсистемы социальной мифологии.

Функционирование социальной мифологии как системы характеризуется постоянным взаимодействием между ее подсистемами, их структурными элементами, а также между всей системой социальной мифологии и внешним окружением. Социальная мифология предстает как условие целостности общества, как важный компонент целостной структуры общества.

Для того чтобы зафиксировать присутствие социальной мифологии в обществе и проиллюстрировать содержание компонентов системы социальной мифологии, предлагаем ввести следующий термин: «концептуальное понятие – аттрактор мифологического» (далее — КП-АМ) [6]. КП-АМ представляет собой феномен общественной жизни, содержащий мифологическое наполнение. Именно через КП-АМы можно будет определять, что из общественных явлений и процессов является мифологическим или содержит мифологические составляющие, а что — немифологическим.

В таблице представлены примеры концептуальных понятий – аттракторов мифологического.

«Концептуальные понятия – аттракторы мифологического» в системе социальной мифологии

Компонент социальной мифологии	Примеры концептуальных понятий – аттракторов мифологического
<i>Онтологическая подсистема</i>	
Представления о причинно-следственной связи	Жертва, дар (потлач), обмен, реципрокность, месть
Представления о соотношении части и целого	Тотем, сакральный лидер, жрец, медиатор
Представления о времени	Ритуалы перехода (рождение, инициация, брак, похороны)
Представления о пространстве	Центр / периферия, космос / хаос
<i>Гносеологическая подсистема</i>	
Архаическое мышление	Синкретизм
Мифопоэтическое мировосприятие	Музыка, поэзия, литература, мода, символ
Мифологическое сознание (мифологизация и мифотворчество)	Историческая память, мифологема / утопия, идеологема
<i>Аксиологическая подсистема</i>	
Самоидентификация и идентификация с коллективом	Индивидуальные мифы / мифы социальных групп
Представления о сакральном и профанном	Война (праздник) / обычный ход событий, официальное (работа) / повседневное (быт, досуг)
Мифологическая вера	Мифологические ценности
<i>Праксиологическая подсистема</i>	
Миф	Разные типы социальных мифов, мифогенные факторы (образ, бренд, догмат и пр.)
Ритуал	Игра, этикет

Обозначив социальную мифологию в качестве системы, далее необходимо наметить перспективы становления новых тенденций в развитии социальной мифологии, оценить их возможное влияние на общественные процессы, а также проследить проис-

ходящие изменения в подсистемах социальной мифологии.

На примерах КП-АМов онтологической части системы социальной мифологии можно утверждать, что в настоящее время происходит изменение представлений о причинно-следственной связи и о соот-

ношении части и целого: они смещаются на более глубокий уровень системы социальной мифологии, в то время как представления о пространстве и времени — на обыденный уровень социальной мифологии. Поясним это на примерах.

Такой КП-АМ представленный о причинно-следственной связи, как жертва, на наш взгляд, в современном обществе наполняется преимущественно глубоким смыслом, артикулируется как нечто значимое, существенное, отвечающее высоким, священным идеалам. Мировые процессы глобализации актуализируют понятие жертвы, наделяя его глубоким мифологическим смыслом. «Создание глобальной системы есть результат лютой зависти: зависти культуры, индифферентной культуры с нечеткими дефинициями по отношению к культуре “высокой четкости” — зависти разочарованных, дезактивированных систем, по отношению к культурам высокой активности — зависти десакрализованных обществ по отношению к культурам, сохранившим жертвенные формы» [2, с. 21].

То же характерно, например, и для сакрального лидера, который, являясь частью народа, нации, олицетворяет собой большинство представителей данной социальной группы. Отождествление, идентификация с лидером, как и в ситуации с понятием жертвы, происходит на таком уровне сознания, таким образом, что объяснение, почему это происходит, становится возможным исключительно с социально-мифологических позиций. Так, трудно оказывается объяснить высокий рейтинг лидеров отдельных стран в условиях кризисных явлений.

Наряду с тем, что все более значимое место в общественном сознании начинают занимать некоторые понятия, связанные с представлениями о соотношении части и целого, о причинно-следственной связи, на обыденный уровень «дрейфуют» представления о времени и пространстве.

Многие современные ритуалы перехода (рождение, брак, похороны) коммерциализируются, предельно рационализируются, в результате чего доля быта начинает занимать в таких ритуалах все большее место. Так, время рождения может определяться после консультаций с астрологами, процедуры бракосочетания соревнуются в эффективности, похоронные организации используют любые ухищрения с целью максимизации своей прибыли.

Вызывают вопросы и специально создаваемые, например, органами власти Российской Федерации государственные праздники типа «12 июня», «4 ноября», призванные якобы вызывать подъем национального самосознания.

Что касается представлений о пространстве, то мы имеем дело с повсеместной десакрализацией пространств или же искусственным выстраиванием объектов культуры, претендующих на связь с тра-

дицией. Активно развиваются такие направления, как брендинг города, маркетинг территорий. Параллельно с этим происходит хаотизация социальных пространств, являющаяся следствием нелинейных процессов.

Динамика социальных процессов конца XX — начала XXI в. характеризуется существенной нелинейностью наряду с устойчивым интересом к мифу как феномену общественной жизни. Нелинейность лежит в основе как сформированной в естествознании синергетической парадигмы, так и постмодернистским направлением в философии. По мнению М.А. Можейко, и в синергетике, и в постмодернизме происходят процессы, во многом являющиеся конгруэнтными по своей семантике:

– распад субъект-объектной оппозиции как семантической оси стиля мышления классического и неклассического типа и формирование (и в естествознании, и в гуманитаристике) постклассического стиля мышления, основанного на отказе от презумпции бинаризма;

– введение в основание естественно-научных и гуманитарных исследовательских программ презумпции темпоральности как фундаментальной характеристики исследуемой реальности и понимание времени в качестве конституирующегося в ходе самоорганизационных процессов;

– конституирование нового понимания детерминизма, основанного на отказе от логоцентризма и фундированного презумпцией случайной флуктуации как решающего фактора в определении эволюционных перспектив нелинейных сред;

– радикальный отказ от идеала жесткой номотетики и ориентация на идиографические формы описания исследуемой реальности вплоть до признания нарративного характера знания — как в естествонаучном, так и в гуманитарном познании [9, с. 673–674].

На примере мифологического сознания рассмотрим проявления свойственных синергетической исследовательской программе процессов: распад субъект-объектной оппозиции, особое понимание времени, основанный на решающей роли случайностей детерминизм, идиографический характер познания. Именно пример функционирования мифологического сознания как элемента системы социальной мифологии будет наиболее показательным, прежде всего в силу некоторой схожести протекания когнитивных мифомыслительных и нелинейных процессов.

Широкое распространение постмодернистской философии с ее интересом к мифу позволяет считать, что и в нелинейных общественных процессах мифологическое занимает существенное место. Ключом к пониманию специфики мифа является синкретизм как свойство мифологического сознания. Именно в синкретизме берут начало такие осо-

бенности мифа, которые делают возможным умозаключения о единой природе нелинейных общественных процессов и мифологических составляющих в обществе.

Синкретизм представляет собой особый тип соединения разнородных факторов в целостность, когда множество элементов не теряют своего своеобразия в единстве, а единство не позволяет элементам перейти в состояние хаоса.

Мифологическое сознание синкретично по своей сути; оно — парадигма объяснения всех явлений, строящаяся на постоянном апеллировании к сакрализованному началу. Синкретизм является не только изначальной формой целостности, но и конечной целью целостности, целостного освоения мира. Несмотря на то что мифологически мир воспринимается со временем как разделенный на сакральную и профанную сферу, это не означает формирования субъект-объектной оппозиции, а свидетельствует о дифференцировании и возрастании ризоморфности объектной стороны реальности, сохраняющей синкретическую целостность.

В теории нелинейных динамик время понимается как конституирующиеся в ходе самоорганизационных процессов. Это полностью соотносится с пониманием времени в мифологическом сознании, где в зависимости от сложившейся ситуации время понимается как сакральное, либо профанное. Кроме того, Е.М. Мелетинский полагает, что «важнейшая для мифологии идея превращения хаоса в космос в большей мере коррелирует с представлением о необратимости времени, чем с его повторяемостью» [8, с. 74]. Учитывая то, что нелинейные процессы существенно зависят от «предыстории системы», а необратимость времени является неотъемлемой частью синергетической парадигмы видения динамических процессов, можно и здесь отметить сходство с мифологическими представлениями о времени.

Каузальные отношения в мифологическом сознании обнаруживаются при любом совпадении во времени, пространстве, при любом случайном соприкосновении. Отношения причины и следствия в нем становятся, таким образом, результатом совершенно свободного выбора. Причем механизм осуществления этого выбора характеризуется повышенной эмоциональностью, происходит под воздействием страхов, инстинктов, впечатлений, аффектов.

При отсутствии или неразработанности универсальных причин для объяснения взаимосвязи явлений в мифологическом сознании причина выводится непосредственно из наблюдаемого факта. Отсюда происходит тенденция — достаточно абстрактные для современного человека свойства представлять в вещественном виде (например, герои, боги и др.). То есть отсутствует сведение этих свойств к одному общему закону, а за каждую область жизни несет

ответственность конкретный бог, определяющий свойственный именно для данной области характер причинно-следственных связей.

Таким образом, как случайная флуктуация в нелинейных процессах становится решающим фактором развития, так и любое случайное совпадение становится фактором, объясняющим причины тех или иных явлений с точки зрения мифологии.

Интенциональность мифологического сознания приводит к способности давать всевозможные объяснения самым разнообразным явлениям. В этой связи представляют интерес симулякры, которые воспроизводят и транслируют смыслы, неадекватные происходящим, и факты, не поддающиеся однозначной оценке. «Социальный миф отличается от симулякров наличием интенции, цели. В этом смысле социальный миф — это возможная коннотация симулякра» [12, с. 68]. Способность мифологического сознания объяснять мир в настоящее время реализуется в создании бесчисленного числа коннотативных значений, что происходит в случаях, когда естественный язык не оставляет места для «игры значений» и возникает необходимость создать новую картину мира.

В работе «Миф сегодня» Р. Барт, анализируя мифологическое сознание современного человека, показывал, что современное сознание, сталкиваясь с непонятным, использует принцип символизации, под которым он понимал наделение явления принципиально новым смыслом. Так, Р. Барт дает следующее определение мифа: «миф — это двойная система; он как бы вездесущ — где кончается смысл, там сразу же начинается миф» [1, с. 248].

Р. Барт выявил, что миф реализует способность человека к особому типу символического означивания, где действует специфическая логика.

В рассуждениях Р. Барта о мифе представляет интерес идиографический характер получения знания: каждая мифологическая интерпретация событий уникальна, всякий раз новая, учитывающая и контекст, и господствующую идеологию. На идиографизе — вплоть до нарративизма — строится знание и в теории нелинейных динамик.

Отсутствие субъект-объектной оппозиции в нелинейных процессах в мифе представлено синкретизмом как неразделенной целостностью, содержащей в себе потенциал к формированию связей посредством партиципации.

Понимание времени в нелинейных процессах как конституирующегося в ходе самоорганизации соотносится с возможностью создания через мифоритуальные практики мифологического представления о сакральном времени.

Случайная флуктуация рассматривается в качестве решающего фактора развития нелинейных процессов. Случайность же в конечном счете абсолютна

зируется и в мифе — ведь в мифе даже случайно произошедшее событие может объясняться и волей богов, и телеологически; из случайных явлений выстраиваются причинно-следственные связи (например, бриколаж у К. Леви-Строса, партиципация (сопричастие) у Л. Леви-Брюля).

В исследованиях нелинейных сред доминируют идиографические формы описания событий, что также позволяет говорить о присутствии мифологического. Основным средством мифологического описания, интерпретации является символ, передающий значения мифов. В символе всегда внутреннее перевешивает внешнее, что говорит о такой особенности символа, как возможность бесчисленных интерпретаций, продуцирования новых коннотативных значений и смыслов. Именно это обстоятельство позволяет Р. Барту рассматривать миф как семиологическую систему. Идиографизм же означает такое видение реальности, которое не предполагает использование общих понятий, закономерностей, а имеет дело с уникальными, локализованными в пространстве и времени событиями. И миф — это всегда личная, эмоционально окрашенная уникальная история происхождения, устойчивый образ, изменчивая коммуникативная система. То есть миф есть уникальное явление, каждый раз приобретающее новые формы.

Таким образом, можно утверждать, что наличие мифологического обнаруживается во многих современных нелинейных процессах.

Говоря о КП-АМах гносеологической части системы социальной мифологии, кратко остановимся на синкретизме, символе и идеологии, представляющих соответствующие уровни: архаическое мышление, мифопоэтическое мировосприятие, мифологическое сознание.

Что может быть синкретично в современном мире, в сознании современного человека? Ответы на такие вопросы можно найти в таком появившемся в XX в. художественном приеме, как поток сознания.

Поток сознания — внутренний монолог героя, раскрывающий его духовный мир, который принципиально текуч, то есть мысль только отталкивается от факта, в акте мышления участвует весь предшествующий опыт человека, мысль сопрягает настоящее и прошлое, прошлое и будущее; мысль есть переработка факта в свете всего жизненного опыта человека; в акте мышления принимают участие не только аналитическая и синтетическая способности мозга, но и память, и воображение, и фантазия. Осознание факта, уходящего в прошлое, оказывается «симметричным» по отношению к будущему, к прорицанию и предвосхищению. Поток сознания — изображение мыслей и чувств персонажей, излагаемых в свободной манере и не скованных логикой.

Таким образом, в потоке сознания все синкретично, все связано друг с другом.

К примерам современных вариаций принципов, присущих архаическому мышлению, следует добавить и попытку создания Р. Бартом «бафмологии» — науки об иерархии речевых уровней («ступеневедение»). «Бартовская “бафмология” — это своеобразный вариант “бриколажа”, “самодельщины”, приемы которой К. Леви-Строс обнаружил в первобытном мышлении: новое (в данном случае новые смыслы) создается из старого, путем реутилизации уже имеющегося и предназначавшегося для других целей материала» [5, с. 208].

В настоящее время большое внимание при анализе тенденций развития социальной мифологии и возможностей влияния мифов на общественные процессы следует уделять символу, особенно учитывая процессы трансформации символики во многих социальных сферах. Такая трансформация может указывать на изменение содержания и самого мифа.

Дело в том, что со временем символы перестают напрямую передавать заложенное в них значение и начинают представлять собой лишь коннотации традиционных символов на фоне появления новых.

В своем развитии система социальной мифологии все в большей степени подвергалась влиянию рациональности. Процесс трансформации системы социальной мифологии происходит поэтапно, в тесной связи с развитием науки.

Первый этап начался в эпоху Античности, когда использование таких общелогических методов, как анализ, идеализация, позволило начать отчет разрушению мифологической системы знания. В этом свою роль сыграли как внутренние факторы (развитие мышления человека в сторону все большего апеллирования к рациональности), так и внешние, социальные факторы (рост городов, усложнение хозяйственных связей и т.п.).

Рациональные составляющие стали проникать как в онтологическую, так и в гносеологическую подсистему социальной мифологии. В конечном счете именно с Античности можно говорить собственно о мифологическом, а не о мифическом сознании (мифосознании),

Толчками к размышлению о логических основаниях научных понятий стал ряд открытий, сделанных античными философами: открытие несоизмеримости в пифагорейской школе; открытие апорий (выявление противоречий, связанных с понятиями прерывности и непрерывности). Постепенно происходит распад мифологического синкретизма. Впервые теоретическому осмыслению подвергается и праксиологическая подсистема социальной мифологии; возникают первые теории мифа.

Начало второму этапу положили произошедшие в XVI–XVII вв. в Европе социально-экономические изменения.

Особое место в процессе трансформации социальной мифологии в Новое время занимает утопия. Утопию можно в полной мере считать некой разновидностью рационализованного социального мифа. В утопиях Нового времени стали акцентироваться отдельные социальные сферы (экономическая, политическая), вследствие чего разрушался как религиозный догматизм, так и окончательно мифологический синкретизм.

В результате трансформировалась уже не просто система социальной мифологии в направлении все большего проникновения рациональных составляющих в компоненты мифологии, а уходили в прошлое существенные свойства мифологии, такие как синкретизм, коллективизм.

Следует отметить, что на втором этапе рациональные составляющие начинают наполнять компоненты, относящиеся к праксиологической подсистеме социальной мифологии. Это обусловлено развитием производства, технологических процессов, проектирования. Не случайно поэтому возникновение вначале утопий, а после и идеологий как проектов практического осуществления социальных преобразований. Кроме того, произошло жесткое противопоставление игрового и утилитарного; ритуала и производственной практики. И именно Новое время стало началом разрушения мифологического символизма: язык символов стал превращаться в язык знаков, в знаковую систему, где каждый знак означал что-то конкретное.

Третий этап развития науки охватывает XX в. Целью познания становится социокультурная практика в целом; широкое распространение получают междисциплинарные исследования, позволяющие решать глобальные социокультурные проблемы; наука становится социальным институтом. Возникает потребность в новых социальных ценностях и нормативных критериях.

На данном этапе развития науки самую существенную трансформацию претерпевает аксиологическая подсистема социальной мифологии. Возникшие в Новое время и успевшие найти свою реализацию в отдельных обществах идеологии, утопии, отдельные социальные мифы в XX в. все большую поддержку находят у вышедшего на авансцену общества человека массы и начинают претендовать на то, чтобы диктовать человеку ценностные ориентации, «новые легитимности».

Формирующие новые легитимности социальные мифы конструируются социальными элитами при помощи общенаучных методов и технологий и в этом смысле оказываются практически идентичными идеологии. С развитием идеологий в XX в. про-

исходит активизация гносеологической подсистемы социальной мифологии, а именно мифологического сознания.

Следует отметить и тенденции, происходящие с идеологией. Сегодняшняя идеология имеет ряд специфических особенностей. Что касается внутреннего содержания идеологий, то, по большому счету, в трансформирующемся обществе оно существенным образом не меняется. Можно говорить лишь о более интенсивном проникновении идеологии в общественные устроения. С другой стороны, в современную эпоху происходит трансформация всей идеологии в целом. В настоящее время мы имеем дело с кризисом традиционных идеологий. Более того, все большее распространение приобретает термин «постидеологическая политика», присутствует «тенденция к сужению границ идеологического конфликта и сосредоточению дискуссии в пределах ограниченной части спектра политических идей» [14, с. 30]. Одной из характерных черт современной политики становится кризис традиционных идеологий: тотальная идеология становится «молекулярной».

«Кризис традиционных идеологий действительно стал характерной чертой современной политики. Концепт “фрагментация” играет важную роль в его понимании. Под фрагментированным понимают такое общество, в котором концепт коллективного — более крупные силы такого политического образования, как класс или нации — утратили свое значение для структурирования политической и социальной деятельности. В результате это снизило привлекательность традиционных политических идеологий или даже уничтожило возможность традиционной идеологической политики, ознаменовав переход от тотальных идеологий к молекулярным. “Молекулярные” идеологии не стремятся трансформировать общество, а скорее сосредоточены на конкретной деятельности, которая способствует, например, “признанию” отдельных идентичностей или проведению конкретных кампаний, связанных с конкретной политикой или проблемой» [14, с. 35].

Такие процессы в полной мере относятся и к России, где после 1991 г. «место претендовавших на рациональность и научность идеологий стремительно заняли цивилизационные мифы. Сложные идеологические концепции и парадигмы уступают место простому и очевидному: универсализм больших идеологий вытесняется риторикой идентичности, которая в ослабевших национальных государствах все больше базируется на вере, цвете кожи и этнических связях» [7, с. 49].

В результате «старые» идеологии вынуждены приспособливаться к новому быстро меняющемуся обществу, где «прежде стабильные отношения и структуры — такие как класс, брак, национальное

государство — перестали быть такими и стали довольно условными» [14, с. 44].

Таким образом, в настоящее время идеология оказывается размытой, ее сложно выстраивать, опираясь на какой-либо социальный класс. Следует заметить, что «размытость» присуща и современной социальной мифологии: практически каждая социальная группа «живет» своей собственной мифологией.

Рассматривая ценностное измерение социальной мифологии, следует не только приводить примеры трансформаций КП-АМов аксиологической части системы социальной мифологии, но и учитывать вышеупомянутые изменения символики, идеологии. Понимание трансформаций индивидуальных мифов и мифов социальных групп невозможно без фиксации доминирования в общественных процессах политики идентичностей, признания, приходящим на смену «большим» идеологическим политикам.

Чрезвычайно актуальным вопросом, напрямую связанным с современным содержанием КП-АМов аксиологической части системы социальной мифологии, является степень конструктивности или деструктивности последствий, результатов реализации социальной мифологии. При этом сами мифы, мифологические ценности, представления о профанном и сакральном должны рассматриваться не как отдельно взятые феномены, но и в их включенности в те или иные общественные процессы. «Именно в мудрости осуществляется единство теории и практики, синтез всех духовных потенций, всех форм мысли, совпадение истины, добра и красоты. Мудрость не отвергает миф, она чтит его в той мере, в какой он причастен поэзии и нравственности. Существенная оговорка: высокий миф — высокое искусство. И миф не сам по себе, а взятый в составе мудрости, в сотрудничестве с другими формами мысли; таковы условия включения мифомышления в современную культуру» [4, с. 215].

Степень включенности социальной мифологии в контекст социальных событий во многом зависит от того, какие именно мифы функционируют в обществе в конкретный момент времени. Можно говорить о конкуренции ценностей, мифов в социуме, о жизненном пути мифа. «[Ницше] разделил все мифы-иллюзии на положительные и отрицательные. Положительные вдохновляют, наделяя человека энергией и верой, подвигающей к свершениям. Отрицательные ввергают в пессимизм, заставляют опускать руки и отказываться от жизненной борьбы. Ницше полагал, что “Бог умер”: христианство, которое когда-то было источником энергии для Европы, вдохновляя массы народа на великие крестовые походы, ныне утратило свой мобилизующий потенциал — стало проповедовать всепрощение. Этот полезный некогда миф, который состарился и выдохся, надо было, по его мнению, заменить вдохновля-

щим и мобилизующим “проектом”. Его Ф. Ницше видел в виде “антибуддизма” — как новой религии для Европы» [11, с. 566–567].

Объяснение общественных явлений и процессов происходит путем развертывания целого калейдоскопа мифов, удовлетворяющих самые разнообразные общественные ожидания. «Вот, к примеру, взрывы в Италии — это акция левых экстремистов, или правоэкстремистская провокация, или инсценировка центристов с целью дискредитации всех террористов-радикалов и удержания своей шаткой власти, или же полицейский сценарий и шантаж общественной безопасности? Все это одновременно верно, и поиск доказательств, и даже объективность фактов не останавливает эту безудержность интерпретаций» [3, с. 26–27]. В такой «безудержности интерпретаций» или калейдоскопе мифов намеренно размывается истина события. Для чего это делается? Социальный миф, таким способом, используется как инструмент — для закрепления в сознании людей определенной, опять же мифологической, картины мира. Для таких целей может применяться и другой механизм — искусственное навязывание определенного мифа, отвечающего интересам властвующей элиты. Интересно, что для должного эффекта миф маскируется под реальность, стремится выглядеть более естественно, правдоподобно (об этом много писали Р. Барт, Ж. Бодрийяр).

Показательную иллюстрацию «естественности мифа» приводит А.В. Перцев. «Каждый из наших читателей до сих пор непоколебимо уверен, что князь Святослав — блестящий воин Древней Руси — предупреждал о своем походе врагов, сообщая им: “Иду на вы!”

Читая эти слова, школьник испытывал самые живые чувства, проникаясь рыцарским благородством. Нападать врасплох нечестно и низко! Кстати, говорят, именно потому задержался в развитии британский подводный флот. Британская королева, услышав описание субмарины, пришла в негодование: “И что же, эта подводная лодка будет атаковать противника, не известив его о своих намерениях и не продемонстрировав ему британского флага?”

Но ведь Святослав никогда не говорил: “Иду на вы!” По свидетельству летописца, он говорил совсем другие слова: “И посылаше к странам глаголя: ”Хощю на вы ити!,,”

Так что мы, вкладывая в уста Святослава слова “Иду на вы!”, ничуть не приближаемся к так называемой объективной истине, а намеренно удаляемся от нее. Мы намеренно забываем то, что говорил Святослав (по мнению летописца!), и приписываем ему совсем другие слова — *красивые, но неверные*. Но можем ли мы поступить иначе?

Читатель вполне способен сам судить об этом. Ему достаточно будет представить, как бы он отреа-

гировал в детстве, если бы ему не адаптировали слова Святослава, а преподнесли их на уроке в первоизданном виде. Так и написали бы на доске: “Хощю на вы ити!” Предстал бы Святослав бездарным двоечником, никаких благородных чувств не вызывающим.

Но точно так же он, Святослав, великий князь киевский, не вызвал бы у нас великого чувства гордости за далеких предков, если бы его слова были переведены на современный русский язык абсолютно без всякой исторической стилизации: “Иду на вас!” Как-то было бы это чересчур прозаично и неправдоподобно. Языковое чутье немедленно подсказало бы школьнику: больно уж это похоже на современный язык. Наверное, древнерусские витязи все-таки так не говорили...

Именно потому и говорит великий князь киевский Святослав из учебника, глядя на превосходящие силы противника: “Не посрамим землю Русскую, но ляжем костью тут! Мертвые сраму не имут!” Только такая стилизация способна убедить *современного* юного читателя, что именно эти слова говорил *благородный русский воин X в.*» [10, с. 29–30].

Миф «удаётся», когда подобрано эффектное изречение, эффектная комбинация слов. Сейчас на это работает целая индустрия — копирайтеры, PR-менеджеры, пресс-службы. Это фактически свидетельствует об определенной институционализации социальной мифологии.

Между тем определение и институционализация современного мифологического сознания, социальной мифологии в целом являются предметом научных споров. Не всегда находится достаточно аргументов для включения мифологического сознания в структуру общественного сознания в качестве одной из форм, хотя присутствие различных мифов, мифологем, ритуалов, обычаев, культов в современном обществе не вызывает сомнения. Общепринято отнесение мифологии к исторической форме мировоззрения, мифологического знания — к первоначальной форме религиозного сознания; однако четких границ мифологического сознания в ландшафте современного мира нет. Объяснение сложившейся ситуации вокруг мифов и сопутствующих им категорий, по-видимому, кроется в существующей сегодня размытости форм бытования мифа, во фрагментарности присутствия мифологических составляющих на уровнях и в формах общественного сознания. Стало ли это следствием никак не заканчивающегося распада некогда целостной совокупности культурных феноменов, свойственных мифологии как способу освоения мира, или же имеет место ситуация «закрытости социального пространства» для самостоятельного существования мифологического сознания? Ответы на эти вопросы предполагают разные векторы рассуждений.

Проявления социальной мифологии можно увидеть не только на примерах функционирования выделяемых нами КП-АМов, но и через рассмотрение «мифоритуальных практик», в глубинной основе своей опирающихся на традиции. Мифоритуальные практики основываются преимущественно на универсальных традициях. Однако со временем они все дальше уходят от традиционных своих корней, как бы растворяясь в контексте современного общества. Современные мифоритуальные практики есть явление общественной жизни, представляющее собой некоторую рационализированную, регламентированную форму общественного поведения, в ходе реализации которой, однако, проявляются и зачастую выходят на первый план основные социально-мифологические свойства.

Используя термин «мифоритуальные практики» мы как бы объединяем важнейшие КП-АМы прагматической части системы социальной мифологии — миф и ритуал, ставим между ними знак равенства.

В современном обществе мифоритуальные практики как объективации социальной мифологии не имеют того значения, что раньше, когда посредством ритуалов регламентировалось поведение как индивида, так и всего социума. Считается, что «современное общество, как правило, характеризуется нигилистским отношением к ритуалу и выдвиганием на первый план утилитарно ориентированного действия автономного индивида. Исключением являются общества, связанные с расцветом в XX в. “тотальных идеологий” (К. Манхейм) и основанные на вторичной — идеологической — ритуализации человеческого поведения» [13, с. 839].

Современные мифы и ритуалы представляют собой конгломерат разнообразных элементов, восходящих как к архаическим мифам, так и содержащих квазимифологические составляющие.

Несмотря на это, роль мифоритуальных практик как практической основы именно современной социальной мифологии является определяющей: благодаря проведению в настоящее время всевозможных митингов, демонстраций и т.д., где, пусть и в измененном виде, наличествуют мифоритуальные практики, можно говорить о латентном существовании некоторых социальных институтов по реализации социально-мифологических установок; вместе с существованием мифоритуальных практик проявляется и весь комплекс свойств мифологического сознания (эмоциональность, коллективность, всеобщий синкретизм, стремление к противопоставлению мира на сакральную и профанную сферы, принцип партиципации (сопричастия)), что не дает другим, рационализированным формам общественного сознания поглотить мифологическое сознание, позволяет увидеть специфику социальной мифологии, открывает для нее «социальное пространство», в кото-

ром может осуществляться активное воздействие на общественное развитие.

Следует заключить, что на примерах КП-АМов онтологической части системы социальной мифологии можно утверждать, что в настоящее время происходят изменение представлений о причинно-следственной связи и о соотношении части и целого: они смещаются на более глубокий уровень системы социальной мифологии, в то время как представления о пространстве и времени — на обыденный уровень социальной мифологии. Наличие мифологического обнаруживается во многих современных нелинейных процессах. Рассматривая КП-АМы гносеологической части системы социальной мифологии, следует отметить существенное изменение сферы действия синкретизма, сущностное изменение символа и кризис классических идеологий. Чрезвычайно актуальным вопросом, напрямую связанным с современным содержанием КП-АМов аксиологической части системы социальной мифологии, является степень конструктивности или деструктивности последствий, результатов реализации социальной мифологии; при этом элементы системы социальной мифологии обычно оказываются включенными в те или иные общественные процессы. Проявления социальной мифологии можно увидеть не только на примерах функционирования выделяемых нами КП-АМов, но и через рассмотрение мифоритуальных практик, которые постепенно утрачивают связь с традицией, растворяясь в контексте современного общества, представляя собой некоторую рационализированную, регламентированную форму общественного поведения.

Таким образом, через рассмотрение изменений КП-АМов можно говорить и о трансформации самой социальной мифологии. Это позволяет сделать вывод о том, что социальная мифология является развивающейся системой.

Список литературы

1. *Барт Р.* Мифологии: пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Насилие глобализации: пер. с фр. // *Логос*. 2003. № 1. С. 20–23.
3. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция: пер. с фр. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
4. *Гулыга А.В.* Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке. СПб.: Алетейя, 2000. 447 с.
5. *Зенкин С.Н.* Метабарт // *Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте*. М.: ООО Ад Маргинем Пресс, 2012. С. 200–223.
6. *Иванов А.Г.* Проблема построения теории социальной мифологии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 14–19.
7. *Мартьянов В.С., Фишман Л.Г.* Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Весь Мир, 2010. 256 с.
8. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Академ. проект, 2012. 331 с.
9. *Можейко М.А.* Нелинейных динамик теория // *Новейший философский словарь*. Минск: Книжный дом, 2003. С. 672–674.
10. *Перцев А.В.* Для чего переводить Ницше заново? // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2015. Вып. 3(23). С. 24–31. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-3-24-31.
11. *Перцев А.В.* Ницшеанский миф Э. Бертрама: вольный проект культурологического интуитивизма // *Бертрам Э. Ницше. Опыт мифологии / пер. с нем.* СПб.: Владимир Даль, 2013. С. 551–574.
12. *Ульяновский А.В.* Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005. 544 с.
13. *Фурс В.Н.* *Ритуал* // *Новейший философский словарь*. Минск: Книжный дом, 2003. С. 839.
14. *Шварцмантель Д.* Идеология и политика; пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 312 с.

Получено 03.04.2016

References

1. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Sabashnikovs Publ., 2004, 320 p. (In Russian).
2. Baudrillard J. [The violence of globalization]. *Logos* [Logos], 2003, no 1, pp. 20–23. (In Russian).
3. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulation]. Moscow, POSTUM Publ., 2015, 240 p. (In Russian).
4. Gulyga A.V. *Estetika v svete aksiologii. Pyatdesyat let na Volkhonke* [Aesthetics in the light of axiology. Fifty years on Volkhonka]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2000, 447 p. (In Russian).
5. Zenkin S.N. [Metabart]. *Barthes R. Rolan Bart o Rolane Barte* [Roland Barthes by Roland Barthes]. Moscow, Ad Maringem Press Publ., 2012, pp. 200–223. (In Russian).
6. Ivanov A.G. [The Problem of Constructing a Theory of Social Mythology]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2016, vol. 16, iss. 1, pp. 14–19. (In Russian).
7. Matr'yanov V.S., Fishman L.G. *Rossiia v poiskakh utopiy. Ot moralnogo kollapsa k moralnoy revolyutsii* [Russia in search of utopia. From moral collapse to moral revolution]. Moscow, Ves Mir Publ., 2010, 256 p. (In Russian).
8. Meletinskii E.M. *Poetika mifa* [The Poetics of myth]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2012, 331 p. (In Russian).

9. Mozheiko M.A. [Non-linear dynamics theory]. *Novyeshiy filosofskiy slovar* [The Newest philosophical dictionary]. Minsk, Knizhnyy Dom Publ., 2003, pp. 672–674. (In Russian).
10. Pertsev A.V. [What do we need retranslating Nietzsche for?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2015, no 3(23), pp. 24–31. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-3-24-31. (In Russian).
11. Pertsev A.V. [Nietzschean Myth of E. Bertram: Free Draft of Culturological Intuitivism]. *Bertram E. Nitsche. Opyt mifologii* [Nietzsche. Attempt at a Mythology]. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2013, pp. 551–574. (In Russian).
12. Ul'yanovskii A.V. *Mifodizayn: kommercheskie i sotsialnye mify* [Mythodesign: commercial and social myths]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2005, 544 p. (In Russian).
13. Furs V.N. [Ritual]. *Noveyshiye filosofskiy slovar* [The Newest philosophical dictionary]. Minsk, Knizhnyy Dom Publ., 2003, p. 839. (In Russian).
14. Schwarzmantel J. *Ideologiya i politika* [Ideology and politics]. Kharkov, Gumanitarnyy Tsentr Publ., 2009, 312 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 03.04.2016

Об авторе

Иванов Андрей Геннадиевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры государственной, муниципальной
службы и менеджмента

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Липецкий филиал),
398050, Липецк, ул. Интернациональная, 3;
e-mail: agivanov2@yandex.ru

About the author

Ivanov Andrey Gennadievich

Ph.D. in Philosophy, Docent, Associate Professor
of the Department of State, Municipal Service
and Management

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Lipetsk Branch),
3, Internatsionalnaya str., Lipetsk, 398050, Russia;
e-mail: agivanov2@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Иванов А.Г. Социальная мифология как развивающаяся система // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 28–37. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-28-37

Please cite this article in English as:

Ivanov A.G. Social mythology as an evolving system // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 28–37. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-28-37

УДК 329.12

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-38-43

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ: К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ КРИЗИСА ДЕМОКРАТИИ

Осмоловская Александра Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Впервые выдвинутая во второй половине XX в. идея кризиса либеральной демократии актуальна и сегодня. С нашей точки зрения, для рассмотрения данного явления необходимо использовать философскую методологию. Сущностный анализ кризиса либеральной демократии предполагает выявление его онтологических оснований. Подобным основанием может выступить политическое отчуждение с такими институтами, как политическая власть и государство. В статье рассмотрена одна из первых попыток осмысления явления политического отчуждения, предпринятая французским просветителем Ж.-Ж. Руссо, который приходит к выводу об обусловленности политической власти общей волей — волей народа, что может стать основой ее легитимности.

Сегодня политическое отчуждение проявляется в предельном характере противоречия между всеобщим избирательным правом как способом реализации народом своей политической воли и существующими институтами, которые только формально способствуют его реализации. В связи с этим английский политолог К. Крауч вводит понятие постдемократии, означающее политический режим, к которому могут перейти государства с длительной историей существования либеральной демократии. Постдемократия подразумевает предельный отрыв подавляющего большинства граждан от политической элиты, которая сохраняет свое господство при помощи использования манипулятивных техник. В рамках настоящего исследования мы придерживаемся точки зрения, согласно которой нельзя говорить об исчерпанности самой идеи демократии, но необходимо новое представление о данном политическом режиме. Гуманизация общественной жизни, т.е. превращение человека в высшую ценность, должна стать основополагающим принципом демократического политического режима.

Ключевые слова: демократия, политическое отчуждение, суверенитет, власть народа, постдемократия.

POLITICAL ALIENATION: REVISITING DEMOCRACY CRISIS ONTHOLOGICAL BASIS

Alexandra A. Osmolovskaya

Perm State University

The idea of liberal democracy crisis for the first time proposed in the second half of the XXth century is still topical today. In our opinion, consideration of such phenomena requires philosophical methodology. Intrinsic analysis of liberal democracy crisis supposes elimination of its ontological basis. Such basis can be political alienation with such institutions as political power and state. The article deals with one of the first attempts of political alienation apprehension by French enlightener J.-J. Rousseau, who concludes political power dependence of general will, i.e. nation's will, which can be the basis of its legitimacy.

Political alienation today is expressed in limiting character of contradiction between universal suffrage as means of nation's realization of its political will and present institutions which only formally promote its realization. As such, English politologist C. Crouch introduces post-deocracy notion, which states with long history of liberal democracy can achieve. Post-democracy supposes limiting separation between the majority of people and political elite, which preserves its rule by manipulative techniques. Within the framework of this research we cling to the notion that one cannot speak of exhaustiveness of the idea of democracy, whereas new understanding of this political regime is required. Humanisation of social life, that is transferring a man into the highest value, should become the main principle of democratic political regime.

Keywords: democracy, political alienation, sovereignty, the rule of the people, post-democracy.

Несмотря на достаточную степень изученности, кризис либеральной модели демократии остается весьма актуальным объектом исследования общественных наук. Впервые вопрос о кризисе политического идеала, который стал казаться общепризнанным, был поставлен в 1975 г. в докладе трехсторонней комиссии при участии Мишеля Крозье, Сэмюэля Хантингтона и Дзедзи Ватануки. Причиной этому мог послужить тот факт, что во второй половине XX в. исчезли объединяющие цели, которые были основой для выбора в условиях конкурирующих частных интересов. В начале 90-х гг. в связи с очередной волной транзита представления об альтернативах либерально-демократическому пути потерпели крах. Тем не менее, процессы, наблюдаемые сегодня в политической сфере, свидетельствуют о том, что кризис демократии не только не был преодолен, но, напротив, приобрел ряд качественно новых аспектов. Так, известный публицист Патрик Бьюкенен в своей работе «Смерть Запада» [3] проводит анализ ряда проблем в области политики, с которыми сегодня сталкиваются США. Отмечая размывание идентичности американского общества, автор ставит под вопрос возможность сохранения существующей политической системы, которая претендует на статус универсальной модели демократии.

В отечественной политической философии существует подход, согласно которому можно выделить два аспекта кризиса демократии — дефектность и дисфункциональность [4]. Первый аспект, связанный с неспособностью демократии функционировать в полном соответствии с заданными принципами (прежде всего народовластием), можно отнести к феноменологическому уровню. Примером проявления дефектности может выступать создание препятствий к открытому состязанию представителей конкурирующих политических партий в рамках избирательной кампании. Дисфункциональность выступает скорее как сущностный элемент и предполагает отказ либеральной демократии от реализации интересов большинства, легитимизируя при этом господство экономически доминирующих групп. При этом дефектность демократии представляет собой в определенном смысле проявление ее дисфункциональности, которая нацелена на исключение возможности проявления недовольства существующим режимом.

Несмотря на достаточную степень изученности кризиса либеральной демократии, остается неопределенным содержание самого понятия демократии, что связано, в первую очередь, с его «*смысловой перегрузкой*» [1, с. 14]. Большинство исследований, посвященных данной проблеме, носит скорее феноменологический характер, тогда как нам представ-

ляется, что необходим сущностный анализ указанного явления на основании философской методологии. Так, преодоление указанного кризиса может быть связано с выявлением его онтологических оснований, что будет способствовать возвращению антропологического измерения в политическую сферу. Важно отметить, что с точки зрения ценностно-нормативного подхода философия политики должна не только давать оценку явлениям на предмет их соответствия идеалу, но также стремиться к разработке самих критериев надлежащего общественного устройства.

Обращаясь к выявлению онтологических оснований кризиса, с которым столкнулась демократия, необходимо остановиться на его связи с политическим отчуждением. Как мы знаем, в философии под отчуждением понимается отделение от человека процесса и результата его деятельности, которые не только выходят из-под его контроля, но также начинают господствовать над ним. Власть выступает как важнейшее понятие, выражающее отчуждение в политической сфере. К проблеме власти обращаются часто, тем не менее не приходится говорить о наличии теории, которая в полной мере раскрывала бы природу данного феномена. Нам представляется, что необходимо выделить содержательный аспект понятия власти через ее связь с политическим отчуждением.

Политическое отчуждение обычно имеет как объективный, так и субъективный смысл. В первом случае такое явление связано с делегированием полномочий властным институтам и превращением последних в чуждых человеку посредников реализации политической воли. В целом политическое отчуждение возникает как «реакция на широкий перечень негативных процессов, развивающихся в политической жизни» [7, с. 30]. Во втором случае отчуждение связано с нежеланием индивида принимать участие в политическом процессе. Так, граждане государства часто сознательно отстраняются от процесса формирования государственной власти и контроля над ее деятельностью, что выражается в явлении абсентеизма.

Начиная с древнейших времен, т.е. периода формирования первых социальных общностей, возникает необходимость в управлении как особом виде деятельности. Так, зарождается феномен публичной власти, который имеет особую природу: властвующий субъект способен оказывать воздействие на других субъектов с целью достижения определенного результата. Публичная власть зародилась в первобытную эпоху, но на данном этапе еще не носила отчужденный характер. С возникновением государства можно говорить о появлении публичной вла-

сти, оторванной от большинства членов общества. Государственная власть представляет собой разновидность политической власти, которая приобретает особое значение в эпоху цивилизации: государство представляет собой особую форму бытия родовой сущности, которая носит отчужденный характер. Только при возникновении государства функция управления получает основу в виде «учреждения общественной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя, как вооруженная сила» [11]. Таким образом, легитимизируется функция подавления.

С развитием капиталистических отношений предоставление каждому индивиду прав и свобод, а как следствие, возможности участия в политической жизни стало необходимым условием. Это было вызвано тем, что общество нуждалось в работнике, который являлся бы свободным и независимым его членом. Дальнейшее становление демократических институтов связано с реакцией большинства на социально-экономические ограничения, сопровождающие развитие рыночных отношений. Такую тенденцию можно проследить начиная с борьбы за расширение избирательного права и заканчивая формированием представления о социальном государстве во второй половине XX в. Таким образом, политическая власть повсеместно шла на уступки с целью сохранения существующего государственного строя. Но такие уступки всегда носили ограниченный характер, что влекло сохранение политического отчуждения и не позволяло широким массам стать полноценными участниками политического процесса.

Впервые вопрос о сущности политического отчуждения был исследован в рамках теории общественного договора. Просветители усматривали возможность ограничения государственной власти двумя путями: через возможность реализации принципа разделения властей и через передачу последней от единоличного правителя обществу в целом. Сторонником второго подхода можно назвать Ж.-Ж. Руссо, который считал, что источником власти в обществе должен быть народ. В своем наиболее значимом труде, раскрывающем проблему политического отчуждения [9], раскрывающем проблему политического отчуждения, Руссо указывает на то, что общая воля как равнодействующая всех ее частных проявлений должна представлять собой основу единства и целостности общества, выступая тем самым основанием легитимного политического действия. Руссо также наделяет особым смыслом понятие народного суверенитета, подчеркивая, что народ является не только источником суверенитета, но также имеет возможность его реализации. Для Руссо суверенитет выступает неотчуждаемым и неделимым качеством именно

в силу того, что является осуществлением общей воли, а воля непередаваема.

В отличие от своих предшественников Руссо формулирует новый тип абсолютизма — абсолютизм общей воли, на котором в свою очередь основывается новая легитимность — легитимность демократии. Руссо ставит проблему границы народного суверенитета: народ либо обладает всемогуществом, что оправдывает любые его действия, либо его воля должна быть ограничена правовыми нормами, что выдвигает на первый план интересы меньшинства. Для Руссо не существует свободы народа без власти народа, а следовательно, без власти государства, поскольку государство и есть народ как суверен: «общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общою волей, носит, как я сказал, имя суверенитета» [9]. С другой стороны, государство легитимно лишь в той мере, в какой ставит закон выше человека и соблюдает его, при этом закон выступает как выражение общей воли.

Анализируя политическую систему современного ему общества, Руссо наблюдал в действительности отторжение от индивида его естественного права на реализацию политической власти. Указанные черты народного суверенитета предполагают вывод о необходимости прямого характера демократии, свойственного греческим полисам, и отказе от представительских форм. Тем не менее, такое требование оказывается нереализуемым в современных условиях по причине предельного усложнения общественных отношений. Таким образом, заключает Руссо, демократическая модель оказывается применимой только для законодательной ветви власти: «законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему, исполнительная власть, напротив, не может принадлежать всей массе народа как законодательнице или суверену, так как эта власть выражается лишь в актах частного характера» [9].

В конечном счете вопрос о наиболее приемлемой форме правления Руссо ставит в зависимость от «возможных комбинаций в абсолютных и относительных положениях народов» [9], для нас же представляется важным вывод об обусловленности политической власти общей волей — волей народа, что будет определять ее легитимность. В рамках либеральной модели демократии считается, что выборные процедуры способны определить и зафиксировать волю большинства. Общество не реализует функцию управления непосредственно, этим занимаются представители государственной власти. Следовательно, противоречие либеральной демократии выражается в том, что голосование может привести к власти индивида, политика которого, от-

вечая популярным требованиям, не будет способствовать действительному развитию человека. В этом и заключается фактическое вырождение демократии как воли большинства, так как на практике «национально-государственные и корпоративные интересы не укладываются в общечеловеческие рамки» [5, с. 128].

Как уже было сказано, на сегодняшний день избирательное право получило предельно широкое распространение. Несмотря на практически полное отсутствие цензов, такое наделение можно охарактеризовать как формальное, поскольку выборы зачастую сводятся к определению, какой из представителей доминирующей социальной группы придет к власти, и не выражают воли народа. Таким образом, реализация принципа народовластия вступает в противоречие с действительным функционированием демократических институтов, прежде всего выборными органами власти как репрезентантами политического единства народа. Либеральная модель демократии, представляя сегодня наиболее развитую форму государства, не преодолевает политического отчуждения. Так, известный политический теоретик Карл Шмитт описывает явление кризиса легитимности власти, указывая на необходимость понимания демократии как «тождества конкретно наличного народа с самим собой как политическим единством» [10, с. 41] и подчеркивая фактический рост отчуждения между ним и властью. Согласно точке зрения Макса Вебера, проявлением политического отчуждения в государстве выступает его чрезмерная бюрократизация, но полное преодоление отчуждения властных институтов представляется недостижимым в ближайшей исторической перспективе. Известный социолог и политолог Пьер Бурдьё связывает политическое отчуждение с господством над индивидами политических институтов, которые, несмотря на свою задачу выражать интересы граждан, в действительности реализуют предоставленные властные полномочия в собственных интересах. По мнению ученого, такой тип отчуждения связан именно с делегированием власти, которое присуще представительской демократии [2].

Таким образом, на данном этапе мы можем наблюдать предельный характер противоречия между всеобщим избирательным правом как способом реализации народом своей политической воли и существующими институтами, которые только формально способствуют реализации такого права. Это позволило английскому политологу Колину Краучу ввести понятие «постдемократия», означающее политический режим, к которому могут перейти государства с длительной историей наличия либеральной демократии. Так, постдемократическую систему характеризует предельный отрыв от общества

политической элиты, которая сохраняет свое господство при помощи использования манипулятивных техник. Можно выделить ряд причин такой трансформации. Во-первых, это изменения в классовой структуре общества, что обуславливает отсутствие политической активности среди профессиональных групп. Во-вторых, это концентрация власти и капитала в многонациональных корпорациях, которые способны оказывать политическое влияние с участием или без участия в демократических процедурах. И наконец, это сближение носителей политической власти с представителями таких корпораций и, как следствие, возникновение единой элиты, интересы которой оказываются несвязанными с интересами большинства населения.

Постдемократическое общество предполагает сохранение основных черт демократии (свободные выборы, конкурирующие партии, свободные публичные дебаты, определенная прозрачность в деятельности государства), но «энергия и жизненная сила политики» концентрируется у «немногочисленной элиты и состоятельных групп, концентрирующихся вокруг властных центров и стремящихся получить от них привилегии» [6, с. 9]. Концепция постдемократии — это проявление дисфункциональности данного политического института. Сама возможность перехода к постпроизводственному капитализму, основанному на глобальном финансовом рынке, могла быть создана только решительной победой капитала над традиционным рабочим классом, который на протяжении XX в. выступал условием функциональности демократии [4].

Таким образом, сегодня мы можем наблюдать предельный характер отчуждения сущности человека в его политическом аспекте. Рост политического отчуждения, выражающийся в наличии институтов, которые не предоставляют возможность для большинства проявлять свою политическую волю, противоречит закону роста основательности исторического процесса. Указанный закон предполагает увеличение доли той части населения, которая является сознательным историческим деятелем: «вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой он является» [8, с. 90]. Применительно к политической сфере закон роста основательности истории выражает тенденцию к наиболее полному вовлечению индивидов в процесс принятия политических решений. В то время как институты, прежде всего всеобщее избирательное право, как это было показано, зачастую исключительно формально способствуют ее реализации.

В исследовании мы делаем вывод о том, что нельзя говорить об исчерпанности самой идеи демократии, но необходимо новое представление о демократии как политическом режиме, основанном на дей-

ствительной реализации человеческой сущности. При этом демократия не должна быть связана исключительно с формальной реализацией принципа народовластия, но должна предоставлять возможность большинству граждан активно участвовать «в формировании повестки дня общественной жизни» [6, с. 17] и обеспечивать реализацию такой возможности. Последнее может быть достигнуто путем расширения реальных прав и свобод, которые выступают как средства развития индивидов. Такая демократизация способна привести к преодолению отчуждения и росту легитимности власти, что в свою очередь отразится на эффективности ее деятельности. Другими словами, гуманизация общественной жизни, т.е. превращение человека в высшую ценность, должна стать основополагающим принципом демократического политического режима.

Список литературы

1. Баталов Э.Я. Глобальный кризис демократии? // Свободная мысль. 2005. № 2. С. 13–23.
2. Бурдьё П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993. URL: <http://bourdieu.name/content/sociologija-politiki> (дата обращения: 01.11.16).
3. Бьюкенен П. Смерть Запада. URL: http://thelib.ru/books/byukenen_patrik/smert_zapada-read.html (дата обращения: 31.01.16).
4. Капустин Б.Г. Почему демократия перестает работать // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-perestaet-rabotat> (дата обращения: 01.11.16).
5. Красин Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // Политические исследования. 2006. № 4. С. 127–138. DOI: 10.17976/jpps/2006.04.14.
6. Крауч К. Постдемократия. М., 2010. 192 с.
7. Лавренев С.Я. Отчуждение как политико-правовое явление // Вестник академии права и управления. 2013. № 30. С. 26–33.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М., 1955. Т. 2. С. 3–230.
9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. 416 с. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt> (дата обращения: 01.11.16).
10. Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. 260 с.
11. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. соч.: в 3 т. М.: Политиздат, 1986. Т. 3. 639 с. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/deutsche/marx/engls01r.htm> (дата обращения: 01.11.16).

References

1. Batalov Je.Ya. [Is there a global democracy crisis?]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. 2005, no 2, pp. 13–23. (In Russian).
2. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow, 1993. Available at: <http://bourdieu.name/content/sociologija-politiki> (accessed 01.11.16). (In Russian).
3. Buchanan P. *Smert' Zapada* [The death of the West]. Available at: http://thelib.ru/books/byukenen_patrik/smert_zapada-read.html (accessed 31.01.16). (In Russian).
4. Kapustin B.G. [Why democracy stops working]. *Russkij zhurnal* [Russian journal]. Available at: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-perestaet-rabotat> (accessed 01.11.16). (In Russian).
5. Krasin Yu.A. [Democracy metamorphoses in changing world]. *Politicheskie issledovaniya* [Political studies]. 2006, no 4, pp. 127–138. DOI: 10.17976/jpps/2006.04.14. (In Russian).
6. Crouch C. *Postdemokratiya* [Post-democracy]. Moscow, 2010, 192 p. (In Russian).
7. Lavrenov S.Ya. [Alienation as political and legal phenomenon]. *Vestnik akademii prava i upravleniya* [The Bulletin of Academy of law and management]. 2013, no 30, pp. 26–33. (In Russian).
8. Marx K., Engels F. [The Holy Family]. *Sochineniya: v 50 t.* [Oeuvre: in 50 vol.]. Moscow, 1955. vol. 2, pp. 3–230. (In Russian).
9. Rousseau J.-J. [The social contract, or principles of political right]. *Ob obschestvennom dogovore. Traktaty* [The social contract. Tractates]. Moscow, KANON-press Publ., Kuchkovo pole Publ., 1998, 416 p. (In Russian). Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt> (accessed 01.11.16). (In Russian).
10. Schmitt K. *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [State and political form]. Moscow, 2010, 260 p. (In Russian).
11. Engels F. [The origin of the family, private property and the state]. *Marx K., Engels F. Izbrannye sochineniya: v 3 t.* [Selected works: in 3 vol.]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, vol. 3, 639 p. Available at: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/deutsche/marx/engls01r.htm> (accessed 01.11.16). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 31.10.2016

Получено 31.10.2016

Об авторе

Осмоловская Александра Андреевна
аспирант, ассистент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: osmolovskaya.a@gmail.com

About the author

Osmolovskaya Alexandra Andreevna
Ph.D. Student, Assistant Lecturer of the Department
of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: osmolovskaya.a@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Осмоловская А.А. Политическое отчуждение: к вопросу об онтологических основаниях кризиса демократии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 38–43. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-38-43

Please cite this article in English as:

Osmolovskaya A.A. Political alienation: revisiting democracy crisis onthological basis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 38–43. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-38-43

УДК 1:17

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-44-49

КОГНИТИВИЗМ В ЭТИКЕ. СУБЪЕКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД*Климович Александр Павлович**Липецкий государственный технический университет*

В статье представлен обзор проблемы обоснования в философии морали. Рассматривается субъективистский подход к ее решению. Раскрываются фундаментальные принципы этого подхода. Акцентируется важность вопроса обоснования при рассмотрении роли морали в социально-философском контексте. Рассматриваются сильные стороны субъективистского подхода, дан анализ субъективистской методологии. Определены основные концептуальные понятия, используемые в современном дискурсе субъективистской этики. Рассматриваются как теоретическое значение этих понятий, так и практический смысл применительно к реалиям современного общества. На примерах иллюстрируется актуальная значимость вводимых терминов и определений.

При сопоставлении различных стратегий рационального поведения определены критерии справедливой организации социального порядка. На основе понятий, используемых классическими авторами, выявляется связь с актуальными теоретическими подходами в области социальной этики и политической философии.

Рассматриваются и проблемные моменты в субъективистском подходе: границы применимости этической парадигмы; риски при использовании субъективизма как единственного и безальтернативного инструмента этического обоснования. Отмечены возможные негативные последствия в случае злоупотребления методологией разумного эгоизма; опасность инструментализации морали и редукции этического дискурса к моральному конформизму.

Ключевые слова: мораль, этика, обоснование, когнитивизм, некогнитивизм, субъективизм, объективизм, социологическая диагностика, справедливость как честность, коммутативный принцип, дистрибутивный принцип.

COGNITIVISM IN ETHICS. THE SUBJECTIVIST APPROACH*Alexander P. Klimovich**Lipetsk State Technical University*

The article provides an overview of morality substantiation problems in philosophy, considering a subjectivist approach to solving them. The main representatives of this approach and the fundamental principles have been studied. The article stresses the importance of morality substantiation through considering the role of morality in the social and philosophical context.

The strengths of subjectivist approach are considered, the analysis and evaluation of subjective methodology are given.

The basic concepts used in modern subjective ethics discourse are described. We consider both the theoretical and practical meanings of these concepts in relation to the realities of modern society. Using the illustrative examples we show the current value of the input definitions and terms.

Comparing various rational behavior strategies we establish the criteria for achieving a fair organization of the social order. Basing on the concept of the classical authors we establish the connection with the fresh theoretical approaches in the sphere of social ethics and political philosophy.

Besides, we dwell upon the scale of subjectivist approach problems. The critical assessment shows the applicability of the ethical paradigm under consideration. We also assess the risks of subjectivity as the only and non-alternative instrument of ethical substantiation. We warn about the possible negative consequences of rational egoism abuse. The danger of morality instrumentalization and ethical discourse reduction to moral conformism is identified.

Keywords: morality, ethics, substantiation, cognitivism, non-cognitivism, subjectivism, objectivism, sociological diagnosis, justice as fairness, commutative principle, distributive principle.

Когнитивизм, в отличие от своего антипода некогнитивизма, исходит из положения, что моральные высказывания могут быть обоснованы рационально. По мнению сторонников этого направления, моральные ценности выводимы из определенных начальных установок с помощью когнитивных рассуждений. В свою очередь выдвинутые моральные постулаты могут и должны быть подвергнуты рационалистической проверке на предмет истинности.

Так, в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» дано следующее определение когнитивизма:

«когнитивизмом» (англ. *cognitivism*, от лат. *cognitio* — знание, познание) обозначают точку зрения, согласно которой моральные (оценочные и императивные) высказывания есть обычные когнитивные суждения, поддающиеся верификации и обладающие истинностным значением [4, с. 363–364].

Кроме того, автор этого определения Л.В. Максимов в своей статье «Метаэтика» делает акцент на то, что когнитивизм базируется на более традиционных и более «опробованных» представлениях о статусе этического знания:

«Когнитивизм опирается на ясную, привычную, испытанную в человеческом опыте, очевидную для обыденного сознания схему, которая позволяет представить ценностные позиции как истинные или ложные знания» [2, с. 39–54].

Нормативные высказывания — это утверждения, которые могут быть рационально обоснованы, ибо обладают статусом истинности.

Попутно следует отметить, что с точки зрения социальной философии для применения моральных идеалов в качестве критериев построения социальной теории у когнитивистского подхода имеется существенно больше шансов, чем у его альтернативы — некогнитивизма. Если считать возможным обосновать моральные идеалы рациональными способами, то становится не только возможной, но и необходимой разработка научной теории, связывающей моральные постулаты с анализом социальной структуры общества.

Программа когнитивистского метода охватывает довольно широкий спектр различных подходов. Наиболее часто употребляемая классификация различает два основных направления: субъективизм, объективизм. В свою очередь объективизм принято разделять еще на три направления: конструктивизм, реализм, натурализм.

Субъективизм

Субъективизм опирается на несколько фундаментальных принципов. Он исходит из того, что моральные основания берут начало, во-первых, из человеческого эгоизма, во-вторых, из способности индивида к социальной кооперации, в-третьих, из эле-

ментарных представлений человека о том, что такое есть справедливость.

Одним из сильных моментов субъективистского направления является его ориентированность на эмпирический базис. Именно эгоизм является связующим звеном между предметно-эмпирическим и абстрактно-ценностным началом человеческой деятельности. Эгоистические потребности, так называемые интересы индивидуума, проявляются через практическое воплощение и тем самым имеют непосредственное отношение к опыту человека. Благодаря такому подходу возникает связь между эмпирически проверяемыми фактами и нравственными оценками. Это в свою очередь дает возможность на основе методики когнитивного анализа верифицировать или фальсифицировать те или иные моральные высказывания. Другими словами, эгоизм не рассматривается как сиюминутное удовлетворение потребностей, скорее, имеется в виду действие в соответствии со своими собственными интересами. Интересами индивида называются не просто желания, а желания, позитивно оцененные субъектом. Предполагается, что человек ориентирован на совокупный позитивный итог. Его интересует наилучшим образом реализованная в долгосрочной перспективе программа.

Этический эгоизм признает собственный интерес как единственный масштаб этического поступка. Оправданием этому является тот факт, что человек лучше всех знает свои интересы и способен наилучшим образом учесть все многообразие желаний, максимально нюансировать позитивный эффект от каждого. Не стоит думать, что, действуя в соответствии со своими собственными интересами, человек не может поступать альтруистически. Скорее, наоборот, собственные интересы, поняты в таком смысле, чаще всего оказываются в той или иной степени альтруистическими. Рассуждая рационально и опираясь на эмпирические факты окружающей реальности, субъект оценивает альтруистическое поведение зачастую как соответствующее его собственным интересам. Более подробно об этом говорится, например, в теории, предложенной Ж. Вольфом, так называемой «*stillen Theorie*» («Теория удовлетворения») [5, с. 547].

Можно сказать, что этика субъективизма считает основой не просто интерес субъекта, а просвещенный интерес рационального субъекта.

Но, как известно, убеждения, интересы и действия рациональны только тогда, когда они, во-первых, обосновываемы, во-вторых, между целями, на которые они ориентированы и исходными основаниями, есть логические и понятные связи. Поэтому возникает необходимость рассмотреть еще один принцип субъективизма — принцип кооперации.

Кооперация

В субъективистском подходе важным пунктом является придание субъекту статуса рационального. В такой перспективе субъективный рационализм может быть определен как поиск совпадающих интересов отдельных рациональных субъектов.

Поиск совпадающих интересов базируется на взаимном учитывании интересов окружающих индивидуумов, способности к компромиссам и совместной кооперации. Таким образом, субъективизм опирается на положение: способность к кооперации есть фундаментальное свойство рациональных субъектов. Этика при таком подходе играет весьма важную роль: выступает как инструмент социального кооперирования, выполняя функцию общественного регулятора.

Широко известными и системно проработанными подходами анализа социальной кооперации являются теория выбора и теория игр.

Теория выбора, или как ее еще называют «теория принятия решений», заключается в логическом анализе выбора индивидуального и коллективного поведения на основе принципа ставки.

В рамках этой теории выбор рассматривается как синтез нескольких структурных составляющих:

1. Составление списка альтернативных действий.
2. Организация списка в соответствии с приоритетами.
3. Выбор в условиях риска (непредсказуемости результатов).
4. Оценка выгоды ожидаемого результата.

Объектом анализа в теории принятия решений является выбор, который необходимо произвести. В рамках этой теории анализируются основания предполагаемого решения, оцениваются альтернативы, принимаются во внимание риски негативных последствий и вероятности достижения цели.

Еще одна теория, использующая принципы, положенные в основу теории выбора, и имеющая непосредственное отношение к изучению принципов рациональной кооперации, носит название «теории игр».

Эта теория, возникшая в разделе математического моделирования, получила широкое распространение не только в современной экономической теории, но и имеет и непосредственное отношение к социальной философии и нормативной этике. Теория игр анализирует стратегии поиска рационального выбора при условии участия нескольких акторов с конкурирующими интересами.

Широко распространенный пример, берущий начало в теории игр и имеющий большое значение в нормативной этике и социальной философии, получил название «дилемма заключенного». Суть его заключена в следующем:

– в заключении оказались два соучастника преступления. По закону предполагается, что в случае если их действия будут расценены как групповое преступление, оба заключенных получают больший срок, чем если бы преступники действовали по отдельности. Одновременно есть положение, что за сотрудничество со следственными органами полагается определенная льгота, смягчающая наказание.

В связи с этими двумя обстоятельствами для заключенных возможны такие перспективы развития событий:

– если один из заключенных начинает сотрудничать со следствием и «сдает» своего напарника, то получает минимальное наказание в размере одного года лишения свободы, его же напарник, напротив, будет приговорен к максимальному сроку в размере десяти лет.

– если оба напарника будут молчать, то будут осуждены на срок в три года, как действовавшие поодиночке.

– в случае, если оба преступника свидетельствуют против друг друга, то получают оба по восемь лет, как совершившие коллективное преступление.

Таким образом, перед каждым заключенным встает дилемма, какую стратегию выбрать для достижения наиболее выгодного результата. Легко заметить, что если преступники будут действовать без кооперации, то для каждого выгоднее «сдавать» другого. В этом случае высока вероятность получить по восемь лет заключения.

Если же преступники действуют, относясь доверительно друг к другу, то они могут надеяться на вариант, когда каждому дадут по три года.

Приходим к выводу, что в описанной ситуации стратегия кооперации более выгодна, чем стратегия действия «сам за себя».

Дилемма заключенного привлекает внимание широкого круга специалистов в области этики, так как описывает ситуацию, встречающуюся далеко за пределами следственных изоляторов. Всем известная система проезда на общественном транспорте по своему принципу не отличается от ситуации, описанной выше. На первый взгляд, человеку выгоднее не платить и проехать «зайцем». Но при подобном поведении, проявленном массово, система общественного транспорта попросту перестанет функционировать. Никто никуда не поедет. Поэтому вопреки сиюминутной выгоде человек принимает решение оплатить проезд.

Еще более масштабный пример уплаты налогов в государственную казну. Если все будут отказываться по разным причинам от уплаты налогов, государственная казна опустеет, нечем будет платить государственному сектору — учителям, врачам, полиции. Люди лишатся всякой социальной защиты. Жизнь в таком государстве станет невозможной. На основании этого рассуждения большинство жителей

цивилизованных государств исправно делают отчисления на счета налоговых служб.

В приведенных примерах действие рационального индивидуума выходит за рамки «собственного интереса». Такое действие можно охарактеризовать как выбор в условиях взаимозависимости. Этика субъективизма описывает этот феномен, основываясь на том, что человек разумный имеет предрасположенность действовать из принципа кооперации. Следует отметить, что феномен кооперирования людей рассматривался в философской традиции неоднократно. К наиболее известному и значимому исследованию такого рода можно отнести работы знаменитого ученого, основателя теории общественного договора, английского философа Томаса Гоббса (1588–1679).

В качестве одного из ключевых понятий в теории игр используется понятие стратегии. Та или иная стратегия имеет определенную цель и характеризуется заданными критериями выбора. По принципу, на который нацелена та или иная программа выбора, различают две важные для этики стратегии.

Первая стратегия имеет название «Максимакс». Суть ее заключается в стремлении достичь посредством выбора такого состояния, в котором будет реализовано максимальное количество суммарной выгоды.

Например, такая стратегия будет направлена на преобразования в государстве, при которых суммарный годовой заработок всех граждан будет иметь максимальное значение. Другими словами, «максимакс стратегия» — это выбор такого распределения, где суммарная выгода всех долей максимальна. Целью такой стратегии является достижение максимальной пользы для максимального количества людей.

Другая стратегия называется «Максимин» и ориентирована соответственно на достижение такого состояния, при котором худший исход принимает максимальное значение. Можно сказать, что эта стратегия нацелена на максимальное повышение минимального результата. Примером реализации такой стратегии в общественном распределении будет проведение реформ, в результате которых доход наиболее бедных слоев населения будет максимальным по сравнению с другими возможными вариантами реформирования. «Максимин стратегия» — выбор такого распределения, где наихудшая доля максимальна. С помощью этой стратегии достигается максимальная польза для самых обездоленных.

Выбор между двумя различными стратегиями в общем случае не является тривиальной задачей.

Для того чтобы обеспечить объективность выбора, по мнению одного из влиятельнейших специалистов в области современной политической философии Дж. Ролза (1921–2002) [3, с. 127], необходимо осуществить принцип «занавес неведения». Этот

принцип заключается в том, что выбор должен осуществляться из такого состояния, в котором неизвестно, какую роль после распределения в дальнейшем получит тот или иной действующий актер. Таким образом, по мнению Ролза, должен осуществиться принцип беспартийного выбора. Тем не менее, даже наличие принципа завесы неведения не решает вопроса о правильности выбора. Этот принцип в известном смысле обеспечивает выбору независимость, но не достигает цели — реализации справедливого выбора. Ролз вводит еще одно понятие, которое призвано, по его мнению, решить поставленную задачу — понятие честности. Это понятие легло в основу его книги «Теория справедливости», ставшей одной из самых значительных работ в политической философии XX в.

Справедливость

Как следует из вышесказанного, выбор, основанный исключительно на рациональных предпосылках, еще не может считаться моральным поступком. Для обоснования моральных суждений субъективистский подход к этике нуждается в привлечении еще одного фундаментального понятия — принципа справедливости. Вопрос о том, что такое справедливость, существовал в истории философской мысли со времен глубокой древности. В пятой книге «Никомахова этика», своего главного произведения по этике, Аристотель (384–322 до н.э.) дает систематический анализ понятия «справедливость» [1, кн. 5., ч. 5]. Он понимает под справедливостью такую добродетель, которая существует не только сама по себе, но основана для совместной жизни сограждан в государстве. Аристотелем делается акцент на общественный характер этого понятия. Рассматривая справедливость в перспективе отношений между людьми, Аристотель различает два принципа регулирования.

Коммутативный принцип (gr. *to diorthotikon* (*dikaion*), lat. *iustitia commutativa/correctiva*) регулирует отношения людей касательно принципа обмена. Полагается, что в основе принципа обмена должно лежать равенство. При обмене одна часть, переданная другому, должна быть компенсирована равноценной, тем самым может быть реализован так называемый принцип равенства эквивалентного. Часто цитируемый под названием «равному равно» этот принцип отражает идею равенства в справедливом.

Наряду с коммутативным Аристотель рассматривает еще один принцип, который носит название «дистрибутивный» (gr. *to dianemētikon* (*dikaion*), lat. *iustitia distributiva*). Этот принцип, по определению философа, касается распределения. В условиях совместного проживания, а именно таким является жизнь человека в государстве, вопрос о распределении возникает естественным и необходимым образом. Решение этого вопроса должно осуществляться

справедливо, а именно: на основе дистрибутивного принципа, который предполагает равенство пропорций. Суть этого принципа отражена во фразе: «Каждому свое». Известно также, что эта сентенция была использована во времена фашистской Германии (в качестве вывески на воротах концентрационного лагеря «Бухенвальд»). Печально известные слова: «Каждому свое» тем не менее имеют глубокие исторические и философские корни, заключают в себе основополагающий принцип справедливого распределения. Не оторванная от контекста (аристотелевского) и правильно понятая, эта сентенция должна быть решительно реабилитирована — как отражающая глубокую культурную и человеческую мудрость.

Идею пропорционального распределения нужно понимать как идею пропорционального равенства. Этот принцип учитывает масштабы различия. То, что одному человеку не требуется, а другому необходимо, не может быть равно оценено обоими. Если один человек любит марципановые конфеты, а у другого на них аллергия, не будет никакой справедливости в том, чтобы распределить конфеты поровну.

Принципом «каждому по потребностям» К. Маркс (1818–1883) реализовал идею справедливого распределения в описанном им идеалистическом обществе будущего — коммунизме.

В реальном обществе принцип пропорционального распределения реализуется, например, в системе подоходного налога. Граждане платят налоги пропорционально их заработку. Во многих развитых индустриальных странах этот принцип еще более усилен прогрессивной шкалой. Обобщенно современную трактовку справедливого распределения можно сформулировать примерно так: одинаковое распределение каждому в соответствии с положенным ему по закону.

Этика субъективизма имеет большое значение в современном научном дискурсе. Занимает одно из центральных мест в дебатах моральной философии, оказывает большое влияние на социальную и политическую философию, активно взаимодействует с психологией морали. Являясь основным методологическим поставщиком и идейным вдохновителем современного утилитаризма, она оказывает существенное воздействие на актуальные общественные социальные и политические дискуссии.

Наряду с тем что программа субъективного когнитивизма имеет ряд преимуществ перед некогнитивистским подходом, в первую очередь как программа, позволяющая использовать научную, рационалистическую методологию, все же этика субъективизма имеет и выраженные проблемные моменты, которые ограничивают субъективистский подход определенными рамками, не позволяя применять методы субъективизма за их пределами.

Проблемы субъективизма

Один из критических вопросов, который возникает при анализе субъективизма, звучит так: кто принимает участие в качестве предполагаемого актора, рационально действующего в соответствии со своими проясненными собственными интересами субъекта?

Как, например, быть с ситуациями, когда кооперация между участниками проблематична. Например, с животными и растениями. Должны ли быть приняты во внимание их интересы? И если да, то каким образом? Возникает вопрос об отстаивании интересов будущих поколений. Если акторы заинтересованы в отстаивании своих собственных интересов, пусть даже и в долгосрочной перспективе, кто будет отстаивать интересы еще не пришедших на эту планету?

Отдельным вопросом можно поставить проблему «неотстаивания» субъектом своих собственных интересов. Имеет ли моральное право человек на то, чтобы загубить свой талант, или на самоубийство?

Если исходить из основного принципа субъективизма, заключающегося в том, что каждый субъект рационально отстаивает свои интересы, то на вопросы, приведенные выше, ответить нелегко.

Кроме проблемы акторов субъективизм содержит вопросы, касающиеся собственных интересов участников. При попытке рационально разрешить пересекающиеся интересы возникает вопрос о сопоставлении интересов, их количественной оценке. Какой из вопросов важнее, по каким критериям производить сравнение? Проблематичным оказывается ситуация в случае невозможности практической реализации собственного интереса одного из акторов. Наконец под вопрос может быть поставлена сама моральность некоторых интересов. Не все собственные интересы моральны!

Одним из самых проблематичных моментов субъективизма является проблема инструментализации морали. Так как в основу этики субъективизма положено основание рационального взаимодействия во исполнение собственных интересов, то есть действие, основанное на кооперации и договоренности. Но согласованность еще не гарантирует моральности. Контрактуализм не является обязательно нравственным. Некоторые договоренности, несмотря на то, что они всех устраивают, аморальны. В итоге мораль, построенная на принципах субъективизма, рискует превратиться в моральный конформизм.

Список литературы

1. *Аристотель*. Никомахова этика / пер. Нины Брагинской // Философы Греции. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. 100 с.
2. *Максимов Л.В.* Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 39–54.
3. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 532 с.

4. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
5. Mack E. «Ethischer Egoismus»: Lebensphilosophie oder Ethik? // *EWE*. 2004. Vol. 15(4). S. 547–550.

Получено 08.02.2016

References

1. Aristotle. [Nicomachean ethics]. *Filosofy Gretsii* [Philosophers of Greece]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1997, 100 p. (In Russian).
2. Maksimov L.V. [Sketch on modern metaethics]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1998, no 10, pp. 39–54. (In Russian).

Об авторе

Климович Александр Павлович
аспирант кафедры философии

Липецкий государственный технический университет,
398600, Липецк, ул. Московская, 30;
e-mail: allekgut@gmail.com

3. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of fairness]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 1995, 532 p. (In Russian).
4. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow, Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2009, 1248 p. (In Russian).
5. Mack E. «Ethischer Egoismus»: Lebensphilosophie oder Ethik? *EWE*. 2004, vol. 15(4), S. 547–550. (In German).

The date of the manuscript receipt 08.02.2016

About the author

Klimovich Alexander Pavlovich
Ph.D. Student of the Department of Philosophy

Lipetsk State Technical University,
30, Moskovskaya str., Lipetsk, 398600,
Russia;
e-mail: allekgut@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Климович А.П. Когнитивизм в этике. Субъективистский подход // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 44–49. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-44-49

Please cite this article in English as:

Klimovich A.P. Cognitivism in ethics. The subjectivist approach // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 44–49. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-44-49

УДК 165:001

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-50-56

РЕЛЯТИВИЗМ В НАУКЕ И ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Клёцкин Михаил Васильевич

Самарский государственный аэрокосмический университет им. акад. С.П. Королёва

Предмет исследования — осмысление причин и последствий когнитивного релятивизма в научном познании и философии науки. Проанализирована взаимосвязь категорий объективность, истина, научная рациональность и предложена прaxeологическая модель их объединения. Обосновывается утверждение о том, что «социологический поворот» в осмыслении научной рациональности является одной из разновидностей релятивизма. Когда научная рациональность подменяется социологией познания, наука, лишившись опоры на истинное знание законов природы и общества, неизбежно скатывается в релятивизм. На основании проведенного анализа утверждается, что релятивизм в науке противоречит отстаиваемому нами пониманию ценностного отношения, поскольку лишает научную деятельность смысла достижения истины как цели познания. Объективность истины достигается в процессе познания, когда практика устраняет возможные иллюзии об истинном положении дел. Ценностное отношение, с нашей точки зрения, фундирует наряду с сущим, инвариантность «объективной» истины для разных ученых сообществ. Без опоры на знание общего для всех субъектов познания сущего, без точного установления фактов происходящих изменений сущего знание становится пустой фантазией. Альтернативой релятивизма и догматизма в понимании истины должна стать концепция, снимающая антагонизм этих точек зрения и делающая их моментами обобщенной прaxeологической концепции.

Ключевые слова: ценностное отношение, релятивизм, научное познание, истина, объективность, сущее, научная рациональность, аксиология, практика.

RELATIVISM IN SCIENCE AND VALUABLE RELATIONS

Mikhail V. Klyotskin

Samara State Aerospace University named after acad. S.P. Korolyov

Subject of research is understanding of the causes and consequences of cognitive relativism in scientific knowledge and philosophy of science. The relationship between categories of objectivity, truth, scientific rationality is analyzed, and praxeological model of their association is suggested. The article substantiates the assertion that «sociological turn» in thinking about scientific rationality is a form of relativism. Deprived of support to the true knowledge of the laws of nature and society, scientific knowledge is inevitably slipping into relativism, when scientific rationality is replaced by the sociology of knowledge. Based on the analysis, the article argues that relativism in science contradicts our understanding of the value relation, as it deprives scientific activities to achieve sense of truth as purpose of cognition. Objective truth is attained in the process of cognition, when the practice eliminates possible illusions about the true state of affairs. Value relation, along with the essent, substantiates the invariance of the «objective» truth for different communities of scientists. Without support of all subjects of cognition on general knowledge of essent, without exact ascertaining the facts occurring change of essent, knowledge becomes an empty fantasy. The alternative to relativism and dogmatism in the understanding of truth must become a concept that removes the antagonism of these points of view, and make them moments of generalized praxeological concept.

Keywords: value relation, relativism, scientific cognition, truth, objectivity, essent, scientific rationality, axiology, practice.

Поиск смыслов человеческого существования предполагает переплетение гносеологических и морально-нравственных суждений, интенциональности, воли и веры. Такому поиску противостоят: когнитивный релятивизм, утверждения абсурдности существования и нравственный нигилизм современно-

го общества — все эти признаки «рабского сознания» (по Гегелю), для которого мир расщеплен и обесценен, ибо раб не имеет собственной цели, а значит, и смысла существования. Мы согласны со словами Н.С. Автономовой, утверждающей, что связанный с релятивизмом «скептицизм, как бы мы

его ни трактовали, обрекает нас на пассивную позицию, потому что разъедает нашу способность к действию» [1, с. 298]. Мы наблюдаем, как в наше время проваливается социальная практика мультикультурализма и абсолютизации толерантности к культурным различиям. Причина этого провала — в искусственном обособлении жизни различных национальных и социальных групп от общей цели, «национальной идеи», что неизбежно приводит к обострению противоречий внутри общества, к национальной сегрегации. Примером деструктивности мультикультурализма может служить разделение Советского Союза по «национальным квартирам», ставшее одной из причин трагедии развала СССР, сопровождавшейся многочисленными жертвами. Так же и в науке — попытки спрятаться от прогресса в развитии научного познания ведут к застою и догматизму. Изменение форм познания неизбежно, но важно понимать и сохранять общую для всех ученых содержательную основу их взаимодействия на основе приоритета истинности познания. Диалог и конкуренция научных парадигм выступают «как уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога» [6, с. 31]. В отечественной философии проблему релятивизма одним из первых поднял В.И. Ленин. Критикуя махизм, он заметил, что «положить релятивизм в основу теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм» [7, с. 139]. Перед философией встала задача анализа истоков экзистенциального кризиса современного общества, истоков нигилизма и господствующего в обществе скепсиса по отношению к нормам морали и истинного познанию.

Гуссерль видел причину отчуждения «жизненно-го мира» в науке Нового времени в отказе от поисков жизненных смыслов. «Галилей *абстрагируется* от субъектов как личностей с их личной жизнью, от всего духовного в каком бы то ни было смысле... только с Галилеем впервые вступает в свет идея природы как *реально замкнутого* в себе *мира тел*... [Замкнутый в себе телесный мир] расслаивается, так сказать, на два мира: природу и душевный мир» [4, с. 89]. Вопросы о ценностях и смыслах были отнесены в сферу «анонимности» [4, с. 155]. Это критика декартовской онтологии, разрывающей бытие на две независимые субстанции и объявляющей ненаучными любые попытки установить их сущностную праксеологическую взаимосвязь. «Соотнесенность схемы деятельности и выявляемых в ее рамках фундаментальных характеристик исследуемой реальности была и в классической науке. Только там она выступала в скрытом виде. Доминирующими оста-

вались представления прямолинейного онтологизма» [10, с. 280]. Картезианская метафизика предполагает выносящую суждения, отдельную от сущего мыслящую субстанцию — абсолютного субъекта, «точку зрения Бога». «Субъект» искусственно отрывался от сущего, а под истиной стали понимать верифицируемое в опыте представление «субъекта» познания. «Субъект» стал «мерой всех вещей», что и послужило, на наш взгляд, основой для укоренения релятивизма в науке Нового времени. Объявление абсолютной истиной, например, ньютоновской физики означало отождествление природы с определенной теоретической конструкцией, что, во-первых, ограничивало дальнейшее развитие физики как науки и, во-вторых, представляло ложным любое утверждение, противоречащее ньютоновской концепции, то есть истинность ставилась в зависимость от теории, а не от сущего. Борясь с «метафизикой», естествоиспытатели Нового времени создали, пожалуй, самую абстрактную философскую доктрину, из-за своей простоты и близости к «естественной установке» сознания оказавшуюся крепко укорененной в умах ученых.

В.А. Лекторский перечисляет следующие признаки релятивизма: 1) отрицание существования истины как чего-то независимого от того или иного концептуального каркаса; 2) отрицание общезначимых стандартов рациональности; 3) отрицание самого существования реальности как независимой от определенной понятийной конструкции [6, с. 3]. Научная рациональность запрещает произвольно обращаться с сущим. Достижение результата научной деятельности опирается на выработанную наукой общую структуру научной рациональности, наиболее адекватно описывающую «положение дел» с сущими. Общезначимые нормы рациональности остаются инвариантным кросспарадигмальным содержанием и в период смены научных парадигм.

Поскольку картина мира создается человеком исходя из его практических интересов, то невозможно избежать сведения категориального аппарата аксиологии, гносеологии и даже онтологии к категориям праксиологии (интенциональность, потребление, воление и т.д.). Практика конституирует онтологическую структуру существования — это, пожалуй, главная мысль хайдеггеровской философии, подхваченная им как эстафета от Аристотеля, Гегеля и Ницше и знаменующая, по его словам, «завершение метафизики». Эту же мысль высказывает в наше время Д.И. Дубровский: «Гносеологическая и онтологическая относительность должны осмысливаться также сквозь призму категорий аксиологического и праксеологического, поскольку всякое утверждение о чем-либо (независимо от того, идет ли в нем речь о знании или реальности) так или иначе несет в себе

факторы ценности и активности» [5, с. 48]. Однако Дубровский полагает категории онтологии, гносеологии, аксиологии и праксеологии не редуцируемыми друг к другу, но «взаиморефлексируемыми» [5, с. 47]. То, как «работает» в науке ценностное отношение, ярко показал Дж. Гибсон в работе «Экологический подход к зрительному восприятию» [3]. Работа Гибсона знаменательна отказом от созерцательной концепции восприятия информации об окружающем мире, характерном для классической науки Нового времени. Для нас особенно важна его концепция восприятия. Восприятие не является созерцанием предмета, а показывает его соответственно индивидуальной потребности и в рамках возможностей восприятия, разных у различных видов животных. Дальнейшее различение конкретных восприятий делает их все более точными и определенными.

Поскольку потребности могут различаться, индивиды выделяют в сущем то, что необходимо для ведения дел. Результатам наблюдений за физическими объектами соответствует инвариант в сущем — нечто, существующее независимо от сознания субъектов наблюдения и являющееся общей для всех основой познания, благодаря которой и возможно прийти к общему мнению. Существующее можно по-разному оценивать, но невозможно произвольно придумать (сконструировать), как полагают релятивисты. Без опоры на адекватное знание общего для всех субъектов познания сущего, без точного установления фактов происходящих в сущем изменений знание становится пустой фантазией. Совместное бытие людей задает общее понимание окружающего мира, так как формирует общие способы обращения с сущим. Воздушные замки теорий, не опирающихся на существующее положение дел, неизбежно разбиваются о необходимость согласования совместных действий учеными. Неточные знания о сущем приводят к невозможности достижения необходимого результата и поэтому признаются ошибочными. Истинность научных теорий устанавливается, таким образом, в конкурентной борьбе, правилами в которой выступают существующие и проверенные практикой нормы рациональности. То, что на смену классической ньютоновской физике пришла квантовая, говорит о том, что квантовая физика эффективнее предсказывает и объясняет происходящие в физическом мире события, а не то, что квантовая физика создает новую онтологию и принципы рациональности. Открытие многоуровневости бытия стало открытием только для самих физиков, воспитанных на новоевропейской, декартовской парадигме структуры бытия сущего. Для философов же квантовая физика стала опорой для возвращения к античным истокам онтологии — к аристотелевским представлениям о су-

щем, бытии, движении и времени. «Какой бы абстрактной ни казалась проблема не-бытия, с которой мы здесь сталкиваемся, она не случайным образом возникает при анализе квантовой теории. Как раз с этой проблемой мы и сталкиваемся, рассматривая, к примеру, концепцию “творения” по Уиллеру в процессе наблюдения. Здесь действительно приходится говорить о не-бытии, т.к. “к бытию может придти только то, что в нем еще не существует”, что связано, таким образом, с проблемой становления» [9, с. 132]. Безусловно, науки о природе ушли далеко вперед в сравнении со временами Аристотеля. Прежде всего, прогресс проявляется в росте объема эмпирической базы исследований, однако аристотелевская онтология и гносеология именно во время кризиса ярко демонстрируют свою непреходящую значимость, разоблачая догматизм очередных «вечных истин» в науке.

Обратимся к логическому релятивизму. Условиями истинного вывода в логике являются: 1) истинность посылок и 2) соблюдение законов логики в процессе вывода. Если нарушаются законы логики, то даже из истинных посылок могут следовать ложные выводы, поэтому очень важно следование нормам рациональности и важен поиск противоречий в рассуждениях, ведь только таким образом возможно получение истинных суждений, опирающихся на знание *физических объектов* (сущностей), — получение объективной истины. Говоря об истинности научных суждений, нельзя забывать о таких ее важнейших характеристиках, как относительность и учет временного фактора. Суждение может быть истинным в одно время и ложным в другое, поскольку сущее движется и меняет бытие; также суждение может быть истинным относительно одного наблюдателя и ложным относительно другого, поскольку эти наблюдатели находятся в различных отношениях к изучаемой сущности, поэтому бытие этой сущности для них будет различным. Относительность истины не отменяет исходного принципа логики — истинное суждение всегда имеет денотат в сущем и адекватно ему, ложное же суждение такого денотата не имеет. Понятие «ложь» относится исключительно к семантике оценочных суждений об истине бытия. Ложь — это отрицание истины, то есть утверждение об отсутствии адекватности высказывания истинному положению дел. Имеется в виду отсутствие адекватности истине бытия как желаемому результату деятельности или как материальным условиям существования индивида и осуществления им деятельности. Релятивность (но не релятивизм!) истинности суждений неизбежна, так как любое суждение выражает некоторое отношение. Физика Ньютона истинна относительно макрообъектов с небольшими скоростями и ложна от-

носителем мира элементарных частиц. Неправильно, на наш взгляд, прямолинейно онтологизировать истину, как, например, Фреге в следующем фрагменте: «Логика есть наука о наиболее общих законах бытия истины» [12, с. 307]. Это высказывание представляет истину как сущность, а не как отношение. Поэтому, на наш взгляд, следовало бы исправить словосочетание «законах бытия истины» на «законах истины бытия», поскольку такой подход подразумевает истину как телос деятельности.

Три фактора имеют определяющее значение при установлении истинности научного суждения: 1) интенции ученого, выражаемые в определенной точке зрения на объект исследования; 2) внешние факторы — исследуемые сущности, чьи свойства независимы от интенций и служат объективным основанием истинности суждений для компетентного исследователя и 3) временной фактор, ибо суждения об изменяющемся сущем в физике соотнесены с временными координатами (концепция пространственно-временного континуума современной физики). В одно время Сократ здоров, в другое болен, но он не может быть одновременно здоровым и больным, разве что только потенциально. Если суждение рассматривается вне указанных контекстов, то оно становится истинностно неопределенным, а поэтому бессмысленным. Вернее сказать, что бессмысленна сама верификация суждений вне этих контекстов. Значение суждения относительно, таким образом, к контексту его употребления, поэтому всякое суждение является «индексным». Попытки логических позитивистов придать индексным выражениям характер общезначимых не увенчались успехом. Не существует суждений истинных на все времена и для всех людей, если только они не относятся к абстрактным объектам, таким как числа или платоновские идеи. Мы фиксируем некое квантовомеханическое явление в данное время и в данном месте, но не в состоянии предсказать его изменение с абсолютной определенностью: все, что мы можем — это рассчитать вероятность таких изменений. В отличие от Картезия основатели квантовой механики не онтологизировали свое специфическое видение мира. В квантовой механике Бора, например, не допускается объективация представлений, сложившихся в результате обобщений экспериментов с микрообъектами. По мнению А.Б. Макарова, принцип дополненности Бора «позволил физикам отложить спекулятивные и натурфилософские споры о природе квантовых объектов и сконцентрировать усилия на решении задач наличными на достигнутом физическом уровне средствами» [8, с. 108].

Обычно релятивизму противопоставляется абсолютистское (догматическое) понимание истины, как чему-то внеисторическому и неизменному. Такое

противопоставление некорректно: неправильно останавливаться как на релятивной концепции относительности истины, так и на абсолютистских концепциях познания истины как исчерпывающих знаниях об объекте исследования. На наш взгляд, правильный подход должен преодолевать эту противоположность между релятивностью и абсолютизмом в понимании истины. При таком подходе важным компонентом теории познания может стать изучение становления истинного знания как реализации ценностного отношения, поскольку это позволяет учитывать как культурно-социальный, так и психолого-прагматический контексты этого становления. «Те или иные философские представления должны быть переведены в статус именно внутренних оснований. Они должны быть приняты самой наукой, должны функционировать в ней. Здесь важнейшую роль играет рефлексия самих ученых, осознание научной деятельности и ее результата» [2, с. 13–14]. Именно учет *всех* факторов процесса познания позволяет сформировать наиболее адекватное понимание истины, игнорирование же каких-либо факторов ведет к догматизму и фрагментации теории познания. Например, противопоставление пользы как цели познавательных усилий и точного познания вещей как они есть сами по себе ведет к такой фрагментации в теории познания Рорти. Невозможно получение пользы от знания без опоры на точное знание свойств объектов, играющих на практике роль средств достижения пользы. «Из факта релятивности вовсе не следует эпистемологический релятивизм, скорее он толкает ученого к поиску новых средств и методов построения теории как объективного, обоснованного знания, не упуская из вида различие между знанием и достижением» [11, с. 129]. Релятивизм в науке противоречит нашему пониманию ценностного отношения в научном познании, поскольку лишает научную деятельность цели достижения истины как результата и смысла познания. Ценностное отношение *релятивно*, так как оно *отношение*, но эта релятивность не является основанием для релятивизма, поскольку наука всегда опирается на адекватные потребностям индивида знание сущего.

Классический позитивизм запрещал исследовать науку извне, предполагая, что научная рациональность может быть осознана и сформулирована исключительно средствами самих наук, прежде всего естественных. Такая методологическая установка получила название «сциентизм». В постпозитивистской философии науки произошел отказ от понятия методологической нормы, во многом связанный с попыткой неопозитивизма навязать научному сообществу строгие методологические рамки понимания истинного познания. Результатом стал перекокс в

сторону поиска внешних для естественных наук социокультурных и психологических факторов (Дюркгейм, Лакатос, Кун, Фейерабенд, Эдинбургская школа). Но даже при таком «расширении» сциентизма он по-прежнему ограничивался методами «позитивных» наук, таких как социология. Таким образом, естественно-научный сциентизм сохранялся, хотя и в несколько трансформированном виде, чему способствовала практическая польза от применения новых методов управления научным сообществом. Но насколько глубоко «социологический поворот» в осмыслении научной рациональности раскрывает внутреннюю структуру научного познания? Разве не теряется при таком подходе историческая преемственность, целостность и в то же время плюралистичность процесса развития познания сущего? Ведь на первый план выходит практическая польза научной деятельности, а не поиск истины, который подменяется теперь созданием технологии достижения истины. Это также односторонний подход. Невозможно создать технологию, обеспечивающую истинность решения, так как никакая технология или компьютер не способны учитывать ценностные характеристики объектов, задаваемые смыслообразующими потребностями человека (единого с сущим, но вместе с тем отличного от него). «Я считаю, что характер эпистемологических дебатов не может быть полностью понят, если они не рассматриваются как выражение глубоких идеологических проблем в нашей культуре» [13, р. 55]. Влияние общества на развитие науки неоспоримо, но неверно поиск истины подменять идеологизированными конструктами, обеспечивающими практическую выгоду определенных социальных групп. Лишившись опоры на истинное знание законов природы и общества, научное познание неизбежно скатывается в релятивизм, когда научная рациональность подменяется социологией познания и заботой о выгоде определенных социальных групп. Конечно, представления о нормах научности исторически меняются, но это не является основанием отказа от рациональных норм истинности познания вообще, основанием для методологического анархизма, антинормативизма и дескриптивизма.

Целью данной статьи было показать, что практика определяет научную ценность тех или иных теоретических конструкций. Кун отмечал, что не существует «чистых фактов», что все исследуемые объекты в науке теоретически нагружены, то есть приобретают специфическую практическую значимость. Вне ценностного отношения факты для ученого не существуют. В этом смысле научная парадигма может пониматься как устоявшаяся и принятая научным сообществом форма реализации ценностного отношения, опирающаяся на сущностные

(независимые от субъекта познания и особенностей языковых конструкций) свойства физических объектов (когда мы говорим об естественных науках) или на специфически человеческие способы осмысления и восприятия сущего (в гуманитарных науках). Таким образом, ценность научных теорий, идеалов, концептов определяется прежде всего их использованием в познавательной практике. При смене парадигм в новой концепции могут использоваться концепты старой, но их смысл часто меняется коренным образом из-за смены способов его использования. Так, в истории науки не раз менялись представления об устройстве космоса, вместе с этим менялась интерпретация одних и тех же астрономических явлений.

В науке целеобразующим смыслом является получение знания, адекватного действительности и потребностям индивида, т.е. достижение истины. Неверно говорить о том, что истина открывается как нечто скрытое. Истина не существует как некая данность, а *становится* объективной, то есть она не задана, а создается и объективируется как результат и средство познания сущего. Истинное познание создает объективный мир (мир объектов), создает условия для использования сущего. При этом наука опирается на знание природных и социальных свойств объектов познания — качеств, задающих рамки использования объективной реальности. Истинность предполагает определенный смысл и способ отношения субъекта познания с сущим, но обязательно с опорой на сущее. Именно это отношение, определяемое нами как ценностное, фундирует наряду с самим сущим инвариантность «объективной» истины для разных ученых сообществ. Поэтому философская онтология, выявляющая самые общие основы мироустройства бытия сущего и тем самым предохраняющая научное сообщество от консервации парадигмальных различий, является, на наш взгляд, одной из важнейших общенаучных дисциплин. Объективность истины достигается в процессе познания, когда практика устраняет возможные иллюзии об истинном положении дел. На основе же релятивизма невозможно решать возникающие научные и социальные проблемы, так как релятивизм уничтожает поле и смысл такого решения — он утверждает: «что пусть все остается как есть».

Список литературы

1. Автономова Н.С. От языковых экспериментов к анализу апорийных ситуаций (о так называемом «постмодернистском релятивизме» в концепции Жака Деррида) // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. С. 265–298.

2. Борисов В.Н. Избранные труды по философии и методологии науки. Самара: НВФ «Сенсоры. Модули. Системы», 1999. 223 с.
3. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 399 с.
5. Дубровский Д.И. Относительное и абсолютное. К проблеме концептуального осмысления релятивизма // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. С. 41–60.
6. Лекторский В.А. Релятивизм и плюрализм в современной культуре // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. С. 5–31.
7. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 18. С. 7–384.
8. Макаров А.Б. Принцип дополнительности Бора и проблема его статуса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 98–109.
9. Севальников А.Ю. Философский анализ онтологии квантовой теории: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. 200 с.
10. Стёпин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Изд. дом «Миръ», 2009. С. 249–295.
11. Черткова Е.Л. Скептицизм и релятивизм: от искания истины к ее отрицанию // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. С. 104–136.
12. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
13. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1991. 211 p.
3. Gibson J.J. *Ekologicheskiy podkhod k zritel'nomu vospriyatiyu* [The ecological approach to visual perception]. Moscow, Progress Publ., 1988, 464 p. (In Russian).
4. Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [Crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004, 399 p. (In Russian).
5. Dubrovskiy D.I. [The relative and absolute. On the problem of conceptual understanding of relativism]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 41–60. (In Russian).
6. Lektorskiy V.A. [Relativism and pluralism in contemporary culture]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 5–31. (In Russian).
7. Lenin V.I. [Materialism and Empirio-criticism]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full composition of writings]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1968, vol. 18, pp. 7–384. (In Russian).
8. Makarov A.B. [Bohr's principle of complementarity and the problem of its status]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [The Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the UrD RAS], 2012, iss. 12. pp. 98–109. (In Russian).
9. Sevalnikov A.Yu. *Filosofskiy analiz ontologii kvantovoy teorii: dis. ... d-ra filos. nauk* [Philosophical analysis of the ontology of quantum theory: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy], Moscow, 2005, 200 p. (In Russian).
10. Stepin V.S. [Classical, non-classical, post-non-classical: distinguishing criteria]. *Postmeklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-non-classical: philosophy, science, culture], Saint Petersburg, Mir Publ., 2009, pp. 249–295. (In Russian).
11. Chertkova E.L. [The skepticism and relativism: from search for truth to its denial]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 104–136. (In Russian).
12. Frege F.L.G. *Logika i logicheskaya semantika. Sbornik trudov* [The logic and logical semantics. Collection of works]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000, 512 p. (In Russian).
13. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1991, 211 p. (In English).

Получено 03.03.2016

References

1. Avtonomova N.S. [From linguistic experiments to the analysis of aporia emergencies (about the so-called «postmodern relativism» in the concept of Jacques Derrida)]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 265–298. (In Russian).
2. Borisov V.N. *Izbrannye trudy po filosofii i metodologii nauki* [Selected works on philosophy and methodology of science]. Samara, NVF «Sensory. Moduli. Sistemy» Publ., 1999, 223 p. (In Russian).
3. Gibson J.J. *Ekologicheskiy podkhod k zritel'nomu vospriyatiyu* [The ecological approach to visual perception]. Moscow, Progress Publ., 1988, 464 p. (In Russian).
4. Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [Crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004, 399 p. (In Russian).
5. Dubrovskiy D.I. [The relative and absolute. On the problem of conceptual understanding of relativism]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 41–60. (In Russian).
6. Lektorskiy V.A. [Relativism and pluralism in contemporary culture]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 5–31. (In Russian).
7. Lenin V.I. [Materialism and Empirio-criticism]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full composition of writings]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1968, vol. 18, pp. 7–384. (In Russian).
8. Makarov A.B. [Bohr's principle of complementarity and the problem of its status]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [The Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the UrD RAS], 2012, iss. 12. pp. 98–109. (In Russian).
9. Sevalnikov A.Yu. *Filosofskiy analiz ontologii kvantovoy teorii: dis. ... d-ra filos. nauk* [Philosophical analysis of the ontology of quantum theory: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy], Moscow, 2005, 200 p. (In Russian).
10. Stepin V.S. [Classical, non-classical, post-non-classical: distinguishing criteria]. *Postmeklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-non-classical: philosophy, science, culture], Saint Petersburg, Mir Publ., 2009, pp. 249–295. (In Russian).
11. Chertkova E.L. [The skepticism and relativism: from search for truth to its denial]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 104–136. (In Russian).
12. Frege F.L.G. *Logika i logicheskaya semantika. Sbornik trudov* [The logic and logical semantics. Collection of works]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000, 512 p. (In Russian).
13. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1991, 211 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 03.03.2016

Об авторе

Клёцкин Михаил Васильевич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры истории
и философии науки

Самарский государственный аэрокосмический
университет им. акад. С.П. Королёва,
443086, Самара, Московское ш., 34;
e-mail: samkoms@mail.ru

About the author

Klyotskin Mikhail Vasil'evich

Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer
of the Department of History and Philosophy
of Science

Samara State Aerospace University named after
acad. S.P. Korolyov,
34, Moskovskoye hwy., Samara, 443086, Russia;
e-mail: samkoms@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Клёцкин М.В. Релятивизм в науке и ценностное отношение // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 50–56. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-50-56

Please cite this article in English as:

Klyotskin M.V. Relativism in science and valuable relations // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 50–56. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-50-56

УДК 115(470+571)

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-57-63

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Малова Ольга Вадимовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В статье дан обзор основных направлений интерпретации времени в первой половине XX в. в истории русской философии. Отмечена взаимосвязь темпоральных концепций с современными им достижениями физики, биологии, психологии и других наук. Обозначены основные подходы к изучению времени, дано их краткое описание, отмечены основные работы философов. Представлены различные трактовки понятия «время», рассмотрен контекст использования этого термина в разных теориях времени данного периода. Рассмотрены научно-философское, религиозномистическое и культурологическое направления. Отражены ключевые положения теорий хронотопа А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина, представлено время как «четвертая координата» (П.А. Флоренский), как «форма событий» (Н.О. Лосский), как «атрибут материи» (В.И. Ленин), рассмотрены темпоральная триада Н.А. Бердяева и «разумное время» В.Н. Муравьева. Прослежена история понятия «хронотоп», описаны изменения его трактовки различными мыслителями и применение в произведениях литературы. Особое внимание в статье уделено пониманию времени в русском космизме рассматриваемого периода. Данное направление представлено работами В.Н. Муравьева, последователя Н.Ф. Фёдорова, объединившего в своих трудах и естественнонаучный, и религиозномистический космизм.

Ключевые слова: время, пространство, физическое время, историческое время, биологическое время организма, хронотоп.

THE PROBLEM OF TIME IN RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

Olga V. Malova

Lomonosov Moscow State University

The paper briefly encounters the main interpretations of time in the first half of the 20th century in the history of Russian philosophy. The paper notes the interconnection of time conceptions and recent developments in physics, biology, psychology and other areas of science. As well as that, there is the note on the main approaches to studying time, their brief description and the list of the central philosophers' papers. The different renderings of the «time» concept are presented, along with the context analysis of its usage in various time theories of the given period. The papers also contemplates the science-philosophical, religious-mystical and cultural schools. The article also presents the key aspects of Uhtomskiy and Bakhtin theory of chronotope and further shows time as the «fourth coordinate» (P. Florenskiy), as the «shape of events» (N. Losskiy), and «matter attribute» (V. Lenin). As well as that, the paper depicts the temporal triad by N. Berdyayev and «intelligent time» by V. Muravyov. The history of the chronotope term is deduced, as well as its change by various thinkers and integration in literary writings. The special attention is given to time understanding in Russian cosmism of the same period. This determination is represented by the works of V. Muravyov, the adherent of N. Fedorov, who unified the natural-science and religious-mystical cosmism.

Keywords: time, space, physical time, historical time, organism biological time, chronotope.

Среди фундаментальных понятий, используемых в философии, есть категории, осмысление которых продолжается с незапамятных времен по сей день в самых различных философских направлениях и школах. К числу подобных категорий смело можно отнести «время». Проблема времени занимает умы

деятели искусства, науки, философии. Размышления о природе времени, попытки его описания, выделения сущностных характеристик и разделения его на виды присущи даже протофилософии. Например, можно вспомнить «джет» и «нехех» у египтян, соотнесенные с соответствующими богами

(Осирисом и богом Солнца), которые разделяют время исходя из критериев завершенности и изменчивости, потенциальности. Особую роль в начале XX в. сыграла теория относительности А. Эйнштейна, благодаря которой были внесены существенные корректировки в представления о времени. Научные дискуссии, посвященные исследованию данной проблемы, в основном отталкивались от нового взгляда, привнесенного этим великим ученым.

Для начала XX в. характерен разносторонний подход к изучению времени. Отдельно стоит выделить научно-философские поиски, связанные с уже упомянутой новой теорией из сферы физики, принесшей соответственно и новое видение в мир метафизический. Помимо высокой роли физики в исследовании времени важную роль играют такие науки, как биология и психология, также позволяющие отталкиваться при построении философских систем от появляющихся новых данных о человеке. К такому направлению можно отнести, например, хронобиологическую теорию А. Ухтомского, проводящую различие между физическим временем и временем организма человека.

Физиолог А.А. Ухтомский в 20-е гг. XX в. высказывает идеи о духовном возрасте и развитии, о различии между физическим временем и временем живого организма. По его мнению, между физическим временем и временем организма есть противоречие. Физическое время равномерно и необратимо, а время организма, биологическое время, обладает иными, противоположными, характеристиками, оно неравномерно и относительно обратимо. Это возможно благодаря наличию у человека памяти, разделяющей прошлое, настоящее и будущее. В 1924 г. ученым было сформулировано понятие «хронотоп» (от др. греч. χρόνος — «время» и τόπος — «место») — «закономерная связь пространственно-временных координат» [10, с. 347], комплекс пространственно-временных отношений предметов и явлений в физической среде, окружающей человека. А.А. Ухтомский заявляет о существовании биологического времени, собственного времени живого организма и подчеркивает единство и универсальность времени и пространства в мире и его объектах. Он переносит данные категории из физической и в биологическую сферу. Для изучения пространственно-временной организации биологических систем А.А. Ухтомский предлагал ввести специальный раздел биологии — хронотопобиологию. Также он высказывает предположение, что человек должен обладать определенными физиологическими системами для восприятия хронотопа среды, что означает индивидуальный характер восприятия.

А.А. Ухтомский опирается на научные исследования предшественников и современников. Например, на модель естественного объединения пространства и времени математика Г. Минковского, созданную в

1908 г. на основе специальной теории относительности А. Эйнштейна. Модель Г. Минковского он дополняет введением аспекта человеческого восприятия: «с точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [10, с. 342]. Хронотоп может связать две меры времени: физическую, единицей которой выступает секунда, и биологическую, биосферную у В.И. Вернадского, введшего понятие декамириады, служащей единицей для измерения времени медленных геологических событий.

В середине XX в. эти идеи А.А. Ухтомского о пространственно-временной организации биологических систем дальнейшего развития не получили. Однако учение о доминанте и хронотопе из сугубо физиологических исследований переросло в философское рассмотрение в рамках русской философской антропологии. Существенную роль в этом процессе сыграл М.М. Бахтин, создавший свою теорию хронотопа.

Философ и культуролог М.М. Бахтин переводит рассмотрение хронотопа в гуманитарное русло. Он называет хронотопом «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений» [1, с. 234]. М.М. Бахтин поясняет, что заимствует этот термин из математического естествознания, где он был введен благодаря теории относительности А. Эйнштейна, заимствует «почти как метафору» [1, с. 234], выделяя основную черту: выражение неразрывности пространства и времени. Осмыслению данного термина в гуманитарной сфере также поспособствовал доклад о хронотопе в биологии А.А. Ухтомского, на чтении которого летом 1925 г. присутствовал М.М. Бахтин. Это понятие применяется им в литературоведении, он анализирует проблему времени в произведениях литературы.

В 1937–1938 гг. он пишет работу «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике», где применяет данный термин в контексте литературоведения. «Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [1, с. 234]. Работа посвящена анализу типологически устойчивых хронотопов, которые определяют жанровые разновидности романа.

В «Заключительных замечаниях» к этой работе, написанных намного позже, в 1973 г., подытоживается значения хронотопа в литературоведении. М.М. Бахтин подчеркивает хронотопичность литературы и искусства, поясняя, что абстрактное мышление может разделять категории пространства и времени, но живое художественное созерцание вос-

принимает хронотоп только целостно. Им рассматриваются типичные литературные хронотопические ценности. Выделяются мистериальные хронотопы, как бы выпадающие из общего течения времени, но несущие особую смысловую нагрузку для понимания сути происходящего. Это, например, хронотопы лестницы, передней, коридора, улицы в произведениях Ф.М. Достоевского или биографическое время в романах Л.Н. Толстого. Остановившись подробно на разборах крупных хронотопов, автор обращает внимание, что каждый большой хронотоп может включать в себя множество мелких хронотопов. Также в произведениях литературы нам представлены хронотопы автора и слушателя-читателя, смешение которых в формате наивного реализма недопустимо. Реальный мир и мир, изображенный в произведении, не должны смешиваться, как и автор должен быть вне хронотопа произведения — по касательной к нему, как пишет М.М. Бахтин.

Для М.М. Бахтина хронотоп выражает определенный культурный или художественный смысл. При обращении к литературным произведениям он выделяет важную роль умения видеть время и выражать его художественными средствами. Здесь существенными становятся такие характеристики хронотопа, как его сюжетное и изобразительное значение. В гносеологическом аспекте хронотоп выражает единство и неразрывность пространства и времени.

Философ и богослов П.А. Флоренский также занимался изучением этого вопроса, но в совершенно ином контексте. Для него характерен разноплановый подход к рассмотрению проблемы времени. Оно упоминается им в связи с обращением к вопросам жизни и смерти, культуры, сознания и иным важным для автора понятиям. В его работе «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях» пространство и время представлены как символические формы мысли и культуры. Он рассматривает время как четвертую координату, или четвертое измерение действительности. П.А. Флоренский не испытывает никаких гносеологических сомнений и принимает категорию времени как нечто очевидное: действительность находится во времени, наше восприятие, соответственно, с ним связано. Однако он отмечает удивительный момент: «почти от всякого ускользает существенность этого проникновения всей действительности временем. Связь с временем представляется какой-то случайностью, от которой, сделав надлежащее усилие, можно было бы в случае надобности избавиться, подобно тому, как можно стереть с вещи слой насаженной на нее пыли. Время представляется — не в пример прочим трем координатам действительности, отрицать которые означало бы уход от действительности, — каким-то недоразумением, и попытка отвлечься от него — подходом к более точному знанию действительности» [11,

с. 97]. Каждая вещь обладает этой четвертой характеристикой, является четырехмерной за счет трех направлений пространства и толщины времени.

П.А. Флоренский в разделе «Время и Рок» не менее известной работы «Столп и утверждение истины» рассматривает время в контексте вопроса жизни и смерти: «Существование во времени по существу своему есть умирание, — медленное, но неуклонное, наступление Смерти. А Смерть — не что иное, как более напряженное, более эффективное время, более обращающее на себя внимание Время. Живя — умираем, умирая — живем. Умирание есть условие жизни. Не бывает настоящего без прошедшего; не бывает жизни без смерти. Смерть завит в акт рождения, и рождаемое — тленно. Рождение и смерть — полюс одного» [13, с. 530]. Смерть рассматривается им как акт перехода в жизнь вечную, как рождение для вечности.

Поскольку временная характеристика является неотъемлемой составляющей, то и человека можно рассматривать через форму его личности во времени. Каждая точка этой временной линии имеет свое значение, нельзя выделять какой-либо период как наиболее или наименее важный, важен облик человека в целом. Существует внутренне предначинанная линия времени рода, которая изменяется под воздействием внешних факторов, но должна возвращаться к своему пути, иначе род погибнет. Помимо времени человека он использует понятие внешнего времени, т.е. времени бездушных вещей. Исходя из подобного видения осмысленного временного содержания жизни, П.А. Флоренский критикует дарвинизм, упрекая его в представлении мира как безвременного [11].

Еще одна работа П.А. Флоренского «Иконостас» содержит обращение к вопросу о времени в связи с рассмотрением сновидений: «Едва ли не правильно то толкование сновидений, по которому они соответствуют в строгом смысле слова мгновенному переходу из одной сферы душевной жизни в другую и лишь потом, в воспоминании, т.е. при транспозиции в дневное сознание, разворачиваются в наш, видимого мира, временной ряд, сами же по себе имеют особую, не сравнимую с дневною, меру времени, “трансцендентальную”» [12, с. 1]. Он обращает внимание на несоответствие течения времени во сне реальному времени. Во сне можно, например, за короткий промежуток времени прожить существенно более длительный период времени, даже целую жизнь. Время может «течь с бесконечной скоростью и даже, выворачиваясь через себя самого, по переходе через бесконечную скорость, получать обратный смысл своего течения» [12, с. 1]. П.А. Флоренский пишет о мнимом или обращенном течении времени, времени, которое «от будущего к прошедшему, от следствий к причинам, телеологическим, и это бывает тогда, когда наша жизнь от видимого пе-

реходит в невидимое, от действительного — в мнимое» [12, с. 1].

Уплотнение времени, увеличение его удельного веса возможно и через искусство. Деятельность человеческого сознания способна осуществлять этот процесс. Через изобразительное произведение происходит передача времени, его организация. Необходимо различать время, присутствующее в произведении, и время, в котором находится произведение как вещь. П.А. Флоренский отмечает кинематографический прием, с помощью которого вводится время в произведение: «организация времени всегда и неизбежно достигается расчленением, т.е. прерывностью» [11, с. 163].

Проблема времени является ключевой проблемой и для экзистенциальной философии Н.А. Бердяева. Время рассматривается им в тесной взаимосвязи с понятием вечности. Он придерживается субъективистской позиции, считая время не координатой или формой мира, а продуктом объективации человеком внеположенной реальности. Образует время не физическая реальность, а «трансцендирующий субъект». Существенную роль в формировании подобной позиции сыграли идеи А. Бергсона и М. Хайдеггера, в которых время представлено как форма отношения человека к самому себе и окружающему миру. Еще одним ключевым понятием для философии Н.А. Бердяева является понятие творчества. Эти понятия в его концепции тесно связаны идеей творческого преодоления временной обусловленности бытия.

Для характеристики подхода к времени Н.А. Бердяева используется темпоральная триада: время «космическое», время «историческое», время «экзистенциальное». Это понимание данной проблематики корректно для описания позднего периода его творчества. В ранних работах, например, в «Философии свободы», написанной в 1911 г., время рассматривается им в культурологическом ключе, как символ конечности существования, порождающий желание найти способы преодоления бренности бытия. Время противопоставляется вечности как вневременному совершению. Здесь возникает понятие «испорченного» времени, так автор называет время, потерявшее свою цельность. В эсхатологическом ключе ему близки идеи обратимости времени, изложенные Н.Ф. Фёдоровым, но «идея творческого изменения мира, с точки зрения Бердяева, нуждается в теоретическом корректировании. В персонализме Н.А. Бердяева проективная концепция Н.Ф. Фёдорова рассматривается как процесс духовного развития личности» [9].

В работе следующего периода его творчества «Смысл истории» (1923 г.) появляется еще один тип времени: «небесное», или «ноуменальное» время вселенского развития, лишённое деления на прошлое, настоящее и будущее: «целостная жизнь, ко-

торая совмещает прошлое, настоящее и будущее в едином целостном всеединстве, поэтому действительность, отошедшая в прошлое, не есть умершая историческая действительность; не менее реальна она, чем та, которая свершается в данное мгновение или та, которая будет свершаться в будущем. Каждый может быть приобщен к истории постольку, поскольку он существует в этой зоне мировой действительности. Христианское учение открывает эту вечность» [2, с. 88].

Если время космическое является равномерным и измеримым метрически, то историческое время, хоть и включается в структуру космического, обладает векторной характеристикой, направлено в будущее. Оно раздроблено на прошлое, настоящее и будущее, разбито на множество моментов, которые образуют не вечностный, а временный план существования бытия, исторический. Экзистенциальное время, рассматриваемое им в субъективно-антропологическом ключе, невозможно измерить метрически, оно связано с чувственным миром человека длительностью его переживаний. В работе «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (1934 г.) Н.А. Бердяев рассматривает время как «болезнь к смерти», осознание всех событий как преходящих приводит к этой «болезненности» восприятия времени человеком. Страх перед смертью, перед законами существующего мира рассматривается им в контексте его персоналистского подхода, где время также фигурирует во взаимосвязи с понятием объективации, из-за которой человек подчиняется власти времени [3].

Темпоральная триада Н.А. Бердяева выстроена на основе его концепции трех реальностей: природы, истории и внутреннего мира человека. Человек находится во всех перечисленных реальностях, каждая из них имеет свое значение для него.

Один из основателей интуитивизма, Н.О. Лосский, также рассматривал проблематику времени в своих работах. В его онтологической модели человек является сверхвременным и сверхпространственным бытием, тесно взаимодействующим с миром, рассматриваемым им как некое органическое целое.

Время рассматривается им как форма событий, понимаемых им как состояния вещей, возникающие во времени и через различные промежутки времени уходящие в прошлое, это изменение состояния вещей. Время представляет собой ряд элементов-мгновений, он непрерывен, делим до бесконечности. События учитываются им как физические, так и психические, соответственно он разделяет физическое и психическое время. Еще один вывод делает Н.О. Лосский: пустого времени не бывает, оно всегда содержательно и связано с определенными явлениями.

Н.О. Лосский изучает отношения, возникающие между событиями. Они тесно связаны с временной

характеристикой, т.к. происходят прежде, после или одновременно. Поскольку «сама временная последовательность вневременна», временные отношения есть «суть моменты конкретного целого, не временные», а «временность принадлежит конкретным целым вещам и событиям» [6, с. 363–364], то должно быть связующее начало для всего происходящего во времени. Таким сверхвременным началом является субстанция, «сверхвременное существо, творящее свои проявления во времени и являющееся носителем их ... творческий источник своих проявлений» [5, с. 24], такое существо он называет субстанциональным деятелем. Время для Н.О. Лосского как раз является результатом творчества таких субстанциальных деятелей: «Мир не находится во времени и пространстве: наоборот, время и пространство находятся в мире, поскольку деятели придают своим проявлениям эти формы» [6, с. 217].

Понятию «время» уделено место и в получившей в этот исторический период широкое развитие марксистской философии. В.И. Ленин (Ульянов), например, говорил о времени как о атрибуте материи. Материя рассматривается им как объективная действительность, которая существует в пространстве и времени независимо от человеческого сознания, обладает самодвижением. Подобный подход к осмыслению реальности исключает из объективной действительности всякого рода «духов», которые могли бы существовать вне общих законов, обусловленных рамками пространства и времени. Независимость материи от сознания исключает субъективно-идеалистическое толкование материи как явления человеческого, животного или божественного сознания. В.И. Ленин писал: «В мире не существует ничего, кроме движущейся материи, и эта движущаяся материя не может двигаться иначе как в пространстве и во времени» [4, с. 181]. Материя объективно и независимо от человека, его сознания, возможностей ее познания и восприятия существует в форме вещества и поля. В.И. Ленин выделял и абсолютность, и относительность наших представлений о пространстве и времени. С одной стороны, они абсолютны, т.к. связаны с признанием объективной реальности пространства и времени как основных форм существования движущейся материи. С другой стороны, одновременно можно отметить и их относительность: человеческие представления о пространстве и времени историчны, неполны, изменчивы, зависят от естественнонаучных данных. Пространство и время в рамках данного подхода рассматриваются исключительно как формы существования материи, что обуславливает их определенные качества: объективность, независимость от сознания, вечность существования (ведь материя вечна), безграничность и бесконечность.

Не утрачивает свои позиции и русский космизм, возникший еще в середине XIX в., рассматриваю-

щий проблему времени в общепланетарном масштабе, во взаимодействии макрокосмоса и микрокосмоса-человека. К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский (представители естественнонаучного космизма) формируют отдельное направление, отличное от изначального религиозномистического космизма Н.Ф. Фёдорова, также получившего широкое распространение в этот период через его последователей. Во многом это связано с уже по-смертной публикацией корпуса его текстов, произведенной в 1906–1913 гг. его учениками В.А. Кожевниковым и Н.П. Петерсоном. В рамках русского космизма учениками и последователями Н.Ф. Фёдорова расширяется круг вопросов, поднятых им. Пристальное внимание уделяется и проблеме времени, собственный взгляд на которую изложил один из последователей Н.Ф. Фёдорова — В.Н. Муравьев.

«Овладение временем как основная задача организации труда» В.Н. Муравьева является его наиболее известным произведением, успешно преодолевшем советскую цензуру (опубликовано в 1924 г.), это единственная крупная прижизненная публикация. Данная работа была адаптирована для возможности публикации в условиях существующей в тот период идеологии. Если объединить его взгляды, отраженные в ней, с корпусом иных текстов, не изданных при жизни автора, то возможно представить целостное видение им времени. Тема времени рассматривается им в различных контекстах, неразрывно связана с пониманием пространства, всеобщего воскрешения, соборности, мессианского акта, активной апокалиптики и иными ключевыми для него понятиями.

В.Н. Муравьев прямо поясняет свое понимание времени, не оставляя возможностей для сомнений, догадок и искажающих суть толкований: «мы называем овладением временем всякое вообще сознательно и целесообразно произведенное изменение в природе, поскольку оно создает или воссоздает реальность, согласно имеющемуся образцу» [8, с. 31]. Под овладением временем понимается процесс использования времени, переходящий в овладение. «Цель организации культуры в результате осознания проблемы времени есть преобразование мира в смысле победы людей над слепыми и косными его силами», — поясняет он [8, с. 7]. Овладение временем не сводится к смыслу жизни человека, но рассматривается как одна из первоочередных задач человека, разумных его целей.

Человек как творец явлений владеет их временем. Задача же людей «изучить законы такой времяобразующей деятельности отдельных людей и в особенности человеческих групп и рассмотреть, какие реальные изменения такое действие вносит в мир» [8, с. 16]. Деятельность эта сводится к обыденным жизненным процессам, которые происходят с нами ежедневно. В.Н. Муравьев заявляет, что каждый день мы овладеваем временем и осуществляем

его обращение, ведь «власть наша над временем весьма реальна и постоянно нами применяется» [8, с. 30]. Каждое перемещение элемента и связанные с ним изменения в системе являются изменением времени, возникающим в результате взаимоотношений данных элементов. Чтобы воздействовать на время, — делает вывод В.Н. Муравьев, — необходимо знать систему и воздействовать на ее элементы, т.к. «от движений и деятельности элементов меняется время системы» [8, с. 49].

Он обращается и к научным исследованиям времени. Например, называет «одним из наиболее ценных достижений современной физики и математики» понимание времени как множественного и разнообразного, ссылаясь на А. Эйнштейна и Г. Минковского. Однако несмотря на множественность времени и даже множественность истории как конкретного времени, В.Н. Муравьев считает, что «можно говорить об объединении временных систем в одну систему всеобщего времени» [7, с. 260]. Здесь уместно провести аналогию с дискуссией А. Эйнштейна и А. Бергсона о множественности времени и признании его одним, просто зависящим от системы отсчета, о важности субъективного опыта переживания времени, о «здравом смысле», который верит в единое время.

Отдельно В.Н. Муравьев рассматривает овладение временем в «сознательных» системах, т.е. объединенных общим сознанием. Поскольку изменение отношений между элементами ведет к изменению времени, то в подобных системах прослеживается разумное изменение времени, т.е. овладение им. Несознательные элементы просто участвуют в процессе изменений, сознательные же хоть и подвластны сами времени, но могут его сами творить. Он поясняет, что это не кантовское понимание времени, не существующего без познающего субъекта. В.Н. Муравьев не приравнивает время к форме сознания, но выделяет действия из всеобщих действий, которые происходят по разумной воле сознающего разумного субъекта действия, создающего время. В ситуациях, когда нет такого субъекта, речь идет не о конкретном частном действии субъекта, а о всеобщем времени мирового целого без отдельных временных существований отдельных существ.

Таким образом, элемент как член системы может существовать одновременно с двумя системами времени: временем, подвластным ему, и общим временем, внешним, принудительным, зависящим от совокупности действующих сил в мире [8].

Здесь фигурирует и тема воскрешения, являющаяся лейтмотивом творчества его учителя Н.Ф. Фёдорова, только она применяется не относительно аспекта воскрешения предков в религиозно-мистическом смысле, а в связи с проблемой времени, власть над которым «дает мне также способность воскрешения, повторяя какую-нибудь быв-

шую последовательность событий, я воскрешаю и бывшие явления. Расширение сферы этого подвластного мне явления и есть завладение большим кругом временности...» [8, с. 54].

«Овладение временем как основная задача организации труда» завершается словами: «...надо перестать надеяться на готовую вечность и начать делать время. По всем признакам пора такой человеческой победы приближается. Слепое неразумное время корчится и трепещет в судорогах своих предсмертных убийств. А за ним грядет новое, исполненное совершенства разумное время — произведение будущей общемировой культуры» [8, с. 113]. Ключевой задачей ставится «преодоление случайного и слепого времени и замена его временем намеренным, разумным» [8, с. 59].

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-PRESS, 1969. С. 78–92.
3. *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 191 с.
4. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 18. 526 с.
5. *Лосский Н.О.* Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 416 с.
6. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 400 с.
7. *Муравьев В.Н.* Материалы к работе «Овладение историей» // Сочинения: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Кн. 2. С. 240–275.
8. *Муравьев В.Н.* Овладение временем как основная задача организации труда // Сочинения: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Кн. 2. С. 3–120.
9. *Савицьев В.И.* Проблема времени в персонализме Н.А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2006. 167 с.
10. *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
11. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 321 с.
12. *Флоренский П.А.* Иконостас // Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил–Русская книга, 1993. С. 309–316.
13. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. 492 с.

Получено 12.02.2016

References

1. Bakhtin M.M. [Forms of time and the chronotope in the novel. Sketches of historical poetics]. *Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki*. [Issues of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russian).
2. Berdyaev N.A. *Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoj sud'by* [The meaning of history]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1969, pp. 78–92. (In Russian).
3. Berdyaev N.A. [I and the worlds of objects]. *Berdyaev N.A. Filosofija svobodnogo duha* [Open esprit philosophy]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 191 p. (In Russian).
4. Lenin V.I. [Materialism and empiriocriticism]. *Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd.* [Omnibus edition. 5th ed.]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1968, vol. 18, 526 p. (In Russian).
5. Losskiy N.O. *Mir kak osushhestvlenie krasoty. Osnovy jestetiki*. [The world as the realization of beauty]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 1998, 416 p. (In Russian).
6. Losskiy N.O. *Chuvstvennaja, intellektual'naja i misticheskaja intuicija*. [Sensuous, intellectual and mystical intuition.]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 400 p. (In Russian).
7. Muravyov V.N. [The conquest of history. Documents] *Sochineniya: v 2 kn.* [Oeuvre: in 2 books]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011, book 2, pp. 240–275. (In Russian).
8. Muravyov V.N. [The conquest of time as objective of work setup]. *Sochineniya: v 2 kn.* [Oeuvre: in 2 books]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011, book 2, pp. 3–120. (In Russian).
9. Savincev V.I. *Problema vremeni v personalizme N.A. Berdyaeva*. [The problem of time in the personalism N.A. Berdyaev]. Dissertation, Kaliningrad, 2006, 167 p. (In Russian).
10. Uhtomskiy A.A. *Dominanta*. [Dominant]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002, 448 p. (In Russian).
11. Florenskiy P.A. *Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedenijah* [Spatiality and time assay in art-graphic products]. Moscow, Progress Publ., 1993, 321 p. (In Russian).
12. Florenskiy P.A. [Iconostasis]. *Izbrannye trudy po iskusstvu* [Selection of art compositions]. Saint Petersburg, Mifril–Russkaja kniga Publ., 1993, pp. 309–316. (In Russian).
13. Florenskiy P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny* [The pillar and ground of the truth]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 492 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 12.02.2016

Об авторе

Малова Ольга Вадимовна

аспирант кафедры истории русской философии

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова,

119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;

e-mail: olga.ma-lo-va@yandex.ru

About the author

Malova Olga Vadimovna

Ph.D. Student of the Department of History of Russian Philosophy

Lomonosov Moscow State University,

27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;

e-mail: olga.ma-lo-va@yandex.ru

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Малова О.В. Проблема времени в русской философии первой половины XX в. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 57–63. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-57-63

Please cite this article in English as:

Malova O.V. The problem of time in Russian philosophy in the first half of the 20th century // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 57–63. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-57-63

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-64-75

АКТИВНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА*Волочков Андрей Александрович, Митрофанова Елена Николаевна**Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет*

Статья продолжает «пермские» традиции системного изучения индивидуальности человека и его активности. Методологической базой представленного исследования являются труды В.С. Мерлина, Л.Я. Дорфмана, А.А. Волочкова, прежде всего интегративная концепция целостной активности жизнедеятельности. Активность индивидуальности при этом рассматривается как системное динамическое образование, характеризующее меру субъектного взаимодействия индивидуальности с ее миром, интегративно представляющее синтез активности разных уровней интегральной индивидуальности. Эмпирическими основаниями организованного и представленного в статье исследования структуры активности индивидуальности являются работы А.А. Волочкова (2007, 2015), Е.Ю. Росляковой (2009), А.Ю. Попова (2010, 2015).

В статье предлагается подтверждающая модель целостной активности индивидуальности. Такая модель впервые получена в эмпирическом исследовании взаимодействия различных видов активности на разных уровнях интегральной индивидуальности. Сам факт получения данной модели и ее характеристики поддерживают дедуктивную гипотезу о существовании «общей», единой активности индивидуальности, в которой на разных уровнях взаимодействуют ее многочисленные проявления. Установлено, что наибольший вклад в общую активность индивидуальности вносит активность вышележащих уровней интегральной индивидуальности (активность личности и субъекта). Вместе с тем достаточно значим в полученной подтверждающей модели активности индивидуальности вклад активности ее диспозиционных характеристик (активность темперамента).

Область применения результатов: для специалистов высшего профессионального образования.

Ключевые слова: активность, индивидуальность, интегральная индивидуальность, субъект, уровни интегральной индивидуальности.

INDIVIDUALITY ACTIVITY: CONCEPT AND STRUCTURE*Andrey A. Volochkov, Elena N. Mitrofanova**Perm State Humanitarian-Pedagogical University*

The article is based on Perm school tradition of systematic study of human individuality and activity. Methodological base of the research are the works of V.S. Merlin, L.Y. Dorfman, A.A. Volochkov, above all, integrative conception of holistic life-sustaining activity. The activity of the individual is regarded as a dynamic system formation, which characterizes the measure of subjective individuality interaction with its world, representing a synthesis of integrative activity of different levels of integral individuality. Empirical basis of studies of the structure of activity of the individual, organized and presented in the article are the works of A.A. Volochkov (2007; 2015) E.Y. Roslyakova (2009), A.Y. Popov (2010; 2015).

The article presents a confirmatory model for holistic activity of the individuality. This model was for the first time ever obtained in the empirical study of the interaction of different types of activities at different levels of integrated individuality. The fact of receipt of this model and its characteristics support the deductive hypothesis of the existence of a «general» activity of a single individual, in which its numerous manifestations interact at different levels. It was found that the greatest contribution to the overall activity of the individual makes the activity of the higher levels of integrated individuality (the activity of the person and the subject). However, confirmatory model of activity of the individuality has significant contribution of activity of its dispositional characteristics (temperament, activity).

Application of the results: for specialists of higher professional education.

Keywords: activity, individuality, integral individuality, subject, levels of integral individuality.

Исследования активности в Пермской научной школе психологов: от отдельных видов к активности индивидуальности

Важнейшей методологической посылкой в изучении активности применительно к индивидуальности человека является положение В.С. Мерлина о том, что вся интегральная индивидуальность является субъектом активности: «...все практические проблемы оптимизации деятельности человека в обучении, труде, спорте, организации коллектива наиболее успешно разрешаются тогда, когда в качестве субъекта активности рассматривается вся интегральная индивидуальность, а не отдельные ее уровни» [19, с. 212].

Категорию активность в 1992 г. в понятийный аппарат интегрального исследования индивидуальности ввел Б.А. Вяткин [8]. Отметим ряд особенностей «пермского подхода» к исследованию активности человека:

1. Связь исследований активности с проблематикой интегральной индивидуальности и ее стиля.
2. Отрицание «чистой» активности и реактивности, равно как и отрицание абсолютной субъектности и объектности. Активность в таком понимании всегда представляет собой ситуативную либо типичную (результатирующую многочисленными ситуативными проявлениями) меру субъектности, «точку» в континууме активность – реактивность [1, 5, 6, 11, 20].
3. Использование в исследованиях активности двух «линий» — С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева — в решении проблемы соотношения категорий активность и деятельность, поставленной в российской психологии [5, 6]. Эти две линии позволяют анализировать феномен активности в двух основных планах: 1) человек *проявляет* активность, и в этом случае на первый план выходит качественная сторона феномена: формы и способы взаимодействий субъекта с миром, среди которых предметная деятельность, познание, общение, созерцание и поведение; 2) человек *действует* активно, и в этом случае акцент в понимании активности смещается к мере взаимодействия, к мере субъектности, авторства своего бытия. Данный аспект акцентирует количественную сторону феномена и позволяет проводить эмпирические исследования активности, например, активности в конкретных видах деятельности, познания, общения и т.д. [6].
4. Большое число системных эмпирических исследований разнообразных видов и прояв-

лений активности индивидуальности: активность субъекта бытия (А.А. Волочков), волевая активность (Ю.Я. Горбунов), эмоциональная активность (П.В. Токарев), моторная активность (И.Е. Праведникава), коммуникативная активность (С.А. Васюра и Д.С. Корниенко), религиозная активность (Д.О. Смирнов), целостная активность субъекта бытия (Е.С. Рослякова), активность субъекта (А.Ю. Попов), смыслообразующая активность (А.Ю. Калугин), профессиональная активность (А.В. Краснов) и др.

5. Переход от поэлементного, экстенсивного изучения отдельных проявлений к интегративным концепциям целостной активности человека [5, 6].

Условно исследования активности в школе В.С. Мерлина можно разделить на 1) теоретические и 2) теоретико-экспериментальные [22]. К теоретическому направлению относятся работы Л.Я. Дорфмана. Именно он в своих исследованиях впервые вводит понятие «активность индивидуальности» и подчеркивает, что «индивидуальность как система в самой себе содержит источники детерминации ее активности и одновременно является носителем этой активности; индивидуальность как подсистема также является носителем активности, но источники ее детерминации локализуются во взаимодействующих с ней системах, то есть в объектах мира» [12]. Автор вводит положение о двойственности качественной определенности, диалектической, двойной детерминации активности индивидуальности — внутренними и внешними источниками. В концепции Л.Я. Дорфмана индивидуальность существует во взаимодействии с Миром, представляя, транслируя себя не только «здесь и теперь», но и в актах инобытия: «...в актах инобытия центральное место занимают события, происходящие на полюсе объектов мира, в том числе в результате направляемой на них активности индивидуальности... Человеческое инобытие есть такая форма существования человека, когда он оставляет какие-то следы, отпечатки в других людях, предметах, вещах, произведениях искусства и т.п.» [12].

В работах Л.Я. Дорфмана мы находим исходные теоретические предпосылки для изучения активности индивидуальности. Активность индивидуальности в его работах выступает, с одной стороны, как обобщенная философская категория, описывающая всеобщий способ взаимодействия интегральной индивидуальности с миром [11]. С другой стороны, эмпирические исследования автора показывают воплощения активности индивидуальности в субмодальностях Я [13].

К теоретико-экспериментальному направлению относится ряд исследований, выполненных под руководством Б.А. Вяткина с конца 1980-х. Задачей этих исследований было изучение индивидуального стиля активности в различных видах деятельности, предполагающих волевую регуляцию и выход за пределы собственно требований деятельности [8, 9, 22].

В этом направлении условно можно выделить три этапа:

Первый этап: экстенсивное, поэтапное изучение стилей отдельных видов активности человека в спортивной, учебной, коммуникативной и иных видах деятельности. В частности, было организовано коллективное интегральное исследование стилей активности в спорте: волевой [10], эмоциональной [26] и моторной активности [21]. В этих исследованиях была показана системообразующая функция индивидуального стиля активности, опосредующего разноуровневые связи структуры интегральной индивидуальности, и высказана гипотеза о существовании ведущих для разных возрастов видов активности [8].

Второй этап — переходный этап исследования активности в научной школе В.С. Мерлина — Б.А. Вяткина. Появляются работы, по сути, изучающие активность личности: религиозную [24], профессиональную [17], смыслообразующую [14, 15].

Третий этап: интегративные исследования активности человека. Речь идет о переходе от изучения отдельных проявлений активности человека на отдельных уровнях его индивидуальности к исследованиям самой активности как сложной динамической системы, синтезирующей в себе ее отдельные «потoki» и проявления. Прежде всего это исследования активности субъекта бытия (А.А. Волочкова, Е.С. Рослякова, А.Ю. Попов). В них все более объединяются принципы системного, интегративного исследования, характерного для Пермской научной школы, с общей проблематикой активности субъекта, активности бытия, активности индивидуальности. Данный этап характеризуется пониманием активности как целостной активности субъекта с возможным существованием одного или нескольких латентных факторов активности, а также необходимостью построения экспериментальных планов изучения целостной активности субъекта бытия (или активности индивидуальности).

Подробнее остановимся на концепции активности субъекта бытия А.А. Волочкова. Активность, по А.А. Волочкову, понимается как «всеобщий способ, форма и мера взаимодействия, обеспечивающая единство, развитие и взаимопереходы материального и идеального... В психологии активность может быть определена как универсальный способ, форма и мера природно-социальных взаимодействий, в ходе которой человек развивается и проявляется преимуще-

ственно как их субъект» [5, с. 5–6]. При этом отчетливо наблюдается переход от понятия «активность субъекта бытия» к понятию «активность индивидуальности». В рамках данного подхода сформулирована проблема необходимости перехода от экстенсивных исследований частных проявлений, видов и форм активности человека к системным исследованиям активности в целом. Активность конкретного человека в этой концепции представляет собой «единый поток взаимодействий, обеспечивающий целостность и постоянное развитие его как субъекта бытия» [5, с. 5–6]. Кроме того, в рамках этой концепции сформулированы положения о ряде функций активности — функции обеспечения целостности самой индивидуальности в ходе активного взаимодействия ее уровней и подуровней, функции взаимодействия индивидуальности с ее миром, прошлым, настоящим и будущим [6]. Соответствующие положения и гипотезы проверяются на одной из наиболее типичных сфер жизнедеятельности — сфере учебных взаимодействий. Речь идет об учебной активности, которую автор рассматривает как специфический вид активности, в которой человек может реализовывать себя как субъект жизнедеятельности. Стиль деятельности и стиль активности в этих работах также впервые рассматриваются как особая форма активности субъекта в конкретной сфере жизнедеятельности. В более поздних работах А.А. Волочкова [5, 6, 7] очевиден переход от категорий «активность субъекта», «активность жизнедеятельности» к категории «активности индивидуальности».

В работах Е.Ю. Росляковой впервые проведено эмпирическое исследование структуры диагностических маркеров активности индивидуальности, которую автор понимает как целостную активность субъекта [23]. Автор рассматривала целостную активность субъекта жизнедеятельности в ранней юности (16–17 лет). В результате факторного анализа были выделены пять основных сфер жизнедеятельности: смыслообразующая активность (сфера созерцания), коммуникативная активность (сфера коммуникации), познавательная активность (сфера познания), произвольная саморегуляция поведения, учебная активность (сфера предметной деятельности). Автор обнаружил, что «взаимосвязи образуют непротиворечивый и устойчивый набор симптомокомплексов проявлений наиболее типичных видов активности» [23, с. 411]. С помощью вычисления факторных оценок был получен единый фактор, объединяющий пять проявлений активности. «В итоге все пять индексов активности образовали один фактор, в составе которого доминируют... “произвольная регуляция поведения”, “смыслообразующая активность” и “коммуникативная активность”. Этот фактор, на наш взгляд, отражает единство различных проявлений активности, а соответ-

ствующий фактору индекс может интерпретироваться как индекс целостной активности субъекта жизнедеятельности» [23, с. 411]. По результатам регрессионного анализа автор делает вывод о том, что в юношестве наибольший вклад в общий индекс целостной активности субъекта жизнедеятельности вносит «смыслообразующая активность».

Первые попытки создания интегративного диагностического инструментария измерения целостной активности субъекта были предприняты А.Ю. Поповым под руководством А.А. Волоčkова. Ими был разработан и представлен диагностический комплекс «Диагностика активности студента» [7]. Психометрическая проверка диагностического комплекса проводилась в рамках интегративной концепции целостной активности субъекта бытия с помощью новейших методов агентного моделирования. В ходе этой проверки авторами в числе прочих сделаны следующие выводы: (1) «Динамика развития системы активности (по крайней мере у студентов) практически не зависит от условий внешней среды, ... субъект жизни всегда создаст ту систему активности, к которой он предрасположен, даже если возможности для того сильно ограничены» [7, с. 53]; (2) «...вывод о том, что виды активности, которые появляются в “онтогенезе” активностной системы первыми, имеют неожиданно большое влияние на становление системы активности в целом» [7, с. 53]. Таким образом, перед исследователями активности встают вопросы не только изучения ее наличного уровня, но и диагностики причин конкретного, индивидуального варианта структуры, направленности и возможного развития. В исследованиях А.Ю. Попова подтверждается трехкомпонентная структура активности как меры субъектности в процессе взаимодействия: потребность во взаимодействии – волевой контроль – удовлетворенность результатами взаимодействия. Данная структура устойчива и инвариантна для различных сфер взаимодействия. При исследовании студенческой выборки доминантами структуры активности субъекта жизни являются активность в сфере познания и активность в сфере рефлексии [7].

Активность индивидуальности рассматривается как система проявлений активности на различных уровнях и подуровнях интегральной индивидуальности. В нашем исследовании затрагиваются нейродинамические, формально-динамические (темпераментальные), а также личностные проявления активности в наиболее общих, по А.В. Брушлинскому, сферах жизни: коммуникативной, познавательной, учебной, а также в созерцании и рефлексии [4]. Тем самым в конкретном исследовании реализован переход от экстенсивного, поэлементного изучения различных проявлений активности к интегративному исследованию активности индивидуальности. В

этом плане понятие активность индивидуальности соотносится с понятиями активность субъекта бытия, активность субъекта жизнедеятельности [5, 6].

Активность индивидуальности, с одной стороны, определяется как целостная система проявлений активности различных уровней и подуровней интегральной индивидуальности, с другой стороны, как мера субъектности взаимодействия индивидуальности с миром, которая отражает соотношения субъектного и объектного в каждой конкретной ситуации полисистемного взаимодействия [7]. При этом выделяются три самостоятельные, но взаимосвязанные меры субъектности в соответствии с этапами развертывания взаимодействия: 1) меры субъектности выбора взаимодействия (потребность во взаимодействии); 2) меры субъектности контроля реализации взаимодействия (волевая регуляция); 3) меры субъектности в результатах взаимодействия (удовлетворенность) результатами взаимодействия индивидуальности с миром [5, 6].

Проблема исследования

Существует огромное многообразие форм, видов и проявлений активности человека. Вместе с тем ряд эмпирических исследований показывает статистически достоверные взаимосвязи этих многочисленных проявлений [2, 5, 7, 8, 14, 23]. Наличие взаимосвязей многочисленных видов и проявлений активности позволяет формулировать гипотезы о возможном существовании единого «генерального» фактора активности либо о нескольких обобщенных факторах, способных интегративно выражать наиболее существенные векторы многочисленных активностных проявлений.

В логике интегрального исследования индивидуальности и ее активности (активности индивидуальности) представляется возможным изучение взаимосвязи и взаимодействия *разноуровневых* проявлений активности. Например, проявлений активности на уровне нейродинамики, активности как формально-динамического, «темпераментального» свойства, активности личности и, наконец, коммуникативной активности межличностных взаимодействий. Взаимодействие разноуровневых проявлений активности остается мало изученным, несмотря на уже указанный призыв В.С. Мерлина в качестве субъекта активности рассматривать всю интегральную индивидуальность, а не отдельные ее уровни [19, с. 212].

Представленное исследование активности индивидуальности является одним из первых шагов по восполнению указанного пробела.

Гипотезы исследования

1. Разноуровневые проявления активности интегральной индивидуальности (нейродинамические, темпераментальные, личностные) образуют единый

генеральный фактор активности индивидуальности, т.е. тенденция связности, «централизации» разноразличных проявлений активности индивидуальности преобладает над их «автономией» (гипотеза о строгой централизации разноразличных проявлений активности индивидуальности).

2. Разноразличные проявления активности интегральной индивидуальности не образуют единого латентного фактора и не взаимосвязаны, что свидетельствует о преобладании их «уровневой автономии» над связностью и «централизацией» (альтернативная гипотеза — об автономии проявлений активности в рамках «своего» уровня интегральной индивидуальности).

3. Разноразличные проявления активности взаимосвязаны, но не образуют единого латентного фактора (гипотеза о нестрогой централизации разноразличных проявлений активности).

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 188 студентов высших учебных заведений г. Перми и Чайковского, из них 128 девушек, 60 юношей; возрастной диапазон — от 18 до 25 лет ($M = 20,7$; $SD = 1,9$).

Активность индивидуальности представлена на двух уровнях: индивидуальном и личностном. Индивидуальный уровень представлен параметрами нейродинамических основ поведения (опросник Грея–Уилсона) и формально-динамическими (темпераментальными) проявлениями активности (по Я. Стреляу). Активность личностного уровня интегральной индивидуальности представлена параметрами общей активности личности (опросник «Диа-

гностика активности студентов», А.А. Волочков, А.Ю. Попов), а также активностью проявлений различных модальностей Я во взаимодействии с миром (Пермский вопросник Я, Л.Я. Дорфман).

Всего в анализ данных были включены 12 переменных — первичных шкал опросников, характеризующих активность индивидуальности на ее разных уровнях. В ходе анализа эмпирических данных использовались статистические программы STATISTICA 10.0 корпорации Stat Soft, IBM SPSS 20 и AMOS 20 корпорации IBM Statistics.

Результаты и их обсуждение

В целях проверки гипотезы о наличии единого генерального фактора разноразличных проявлений активности индивидуальности (АИ) была построена конфирматорная модель с одним латентным фактором. В таблице она обозначена как «полная однофакторная». В ней все 12 эндогенных переменных объединялись в один латентный фактор. Данная модель показывает достаточно высокие индексы пригодности, несмотря на то что две переменные (СТП — сила торможения активности, по Грею–Уилсону, и субмодальность Я-Воплощенное, по Л.Я. Дорфману) имеют нулевые корреляции с латентным фактором, но коррелируют с другими эндогенными переменными. Поэтому из дальнейшего анализа эти две переменные были исключены, а три конкурирующие модели без указанных переменных обозначались как «краткие».

Все четыре модели (одна полная и три кратких) представлены в таблице в порядке снижения их пригодности по критерию Эйкейка (AIC).

Индексы пригодности четырех конфирматорных моделей активности индивидуальности

№	Модель	χ^2	df	p	χ^2/df	RMSEA	CFI	GFI	AGFI	AIC
1	Один латентный фактор (К)	17,4	24	0,83	0,73	0,00 (0,00–0,04)	1,00	0,98	0,96	79,4
2	Три связанных фактора по трем уровням ИИ (К)	60,86	29	0,00	2,1	0,08 (0,05–0,1)	0,91	0,94	0,89	112,86
3	Один латентный фактор (П)	29,46	36	0,77	0,82	0,00 (0,00–0,04)	1,00	0,97	0,95	113,46
4	Три автономных фактора по трем уровням ИИ (К)	108,64	31	0,00	3,50	0,12 (0,09–0,14)	0,77	0,91	0,83	156,6

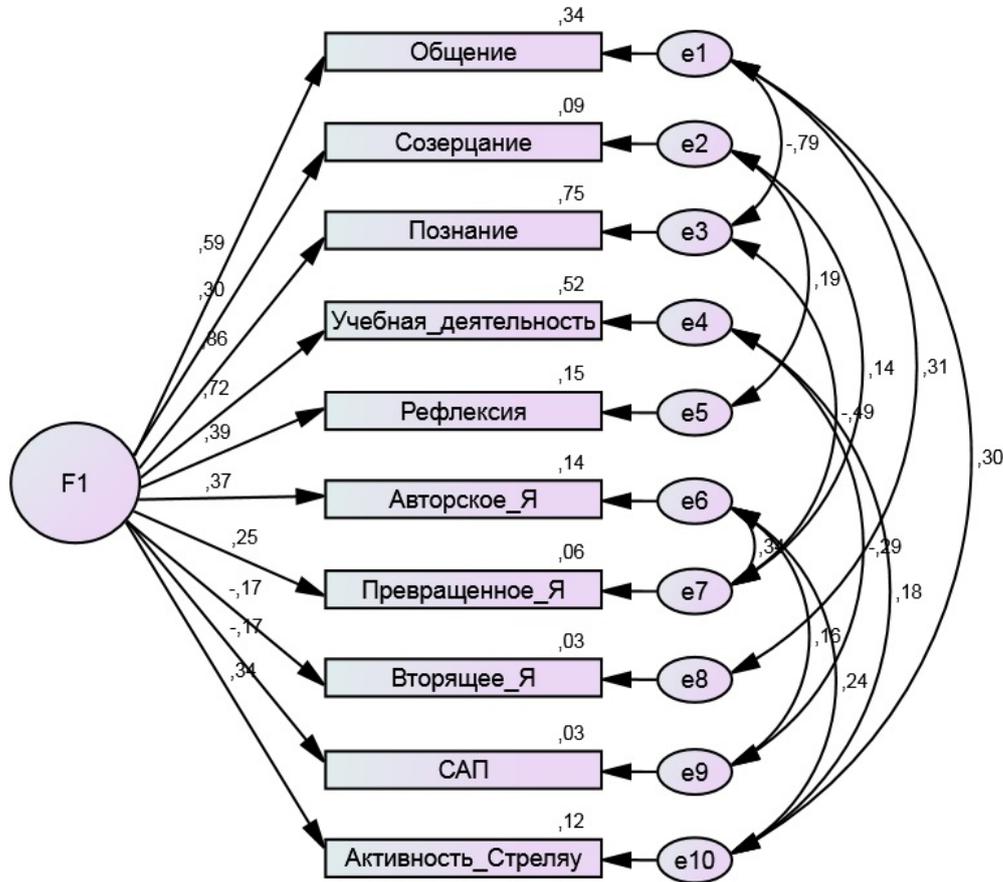
Примечание: индексы К и П обозначают краткие (10 переменных) или полную (12 переменных) модели.

Пригодность моделей оценивалась прежде всего по индексам: соотношения χ^2/df («хорошее» соотношение ниже 2), робастному индексу RMSEA (пригодны модели должны иметь RMSEA от 0,05 и ниже с пограничным значением 0,08). Кроме того, преимущества моделей при их сравнении определялись по индексу AIC — критерию Эйкейка (Akaike Information Criterion), который позволяет оценить

экономичность модели и сравнить модели с разным количеством латентных факторов и регрессионных направляющих. При этом меньшие значения AIC свидетельствуют о наилучшем соответствии модели [28]. Именно по критерию Эйкейка выстроена иерархия пригодности тестируемых нами конфирматорных моделей (таблица).

Обе конфирматорные модели с одним латентным фактором (полная и в особенности краткая) показали высокую пригодность и конкурентоспособность. Именно они лидируют по соотношению X^2/df , индексу RMSEA и по другим индексам пригодности. Вместе с тем «полная» модель с одним фактором по

критерию Эйкейка уступает более экономичной краткой модели и поэтому располагается на третьем месте. Краткая модель с одним латентным фактором абсолютно лидирует по всем параметрам, поэтому остановимся на ней подробнее (рисунок).

Конфирматорная модель активности индивидуальности с одним латентным фактором (n = 188):
САП — система активации поведения по Грейю-Уилсону

В моделях с одним латентным фактором специфицированы строго централизованные взаимосвязи, при которых каждый элемент более низкого порядка относится лишь к одному элементу более высокого порядка. В соответствии с современными вариантами общей теории систем [3, 16] при возрастании централизации возрастает целостность, что характеризует заявленную модель активности субъекта жизни как целостную, обладающую значительными системными эффектами. В данном случае выраженность системных эффектов означает, что даже незначительные изменения в центральном компоненте системы (генеральном факторе) будут ассоциироваться с изменением всех остальных (нецентральных) структурных компонентов [5].

Прямые эффекты (direct effects) латентного фактора F1 на эндогенные переменные разноразноуровневых

проявлений активности индивидуальности однонаправленные, за исключением двух переменных (САП — сила импульсивной нейродинамической активации поведения и Я-Воплощенное, по Л.Я. Дорфману). Наибольший эффект «генерального фактора» АИ зафиксирован на активность личности в сфере познания и учебной деятельности. Фактор объясняет 75 % и 52 % дисперсии этих переменных. Влиятельным данный фактор оказывается также по отношению к коммуникативной активности (34 % дисперсии). Далее со значительным отрывом «следуют» активность в сфере рефлексии, активность, выраженная переменной Я-Авторское (14 %), и индекс общей темпераментальной активности по Я. Стреляю (12 %).

В свою очередь, сами эндогенные переменные статистически достоверно взаимосвязаны, при этом

мы видим настоящую «полифонию активности» (в терминах Л.Я. Дорфмана), в которой разнообразные и порой разнонаправленные взаимосвязи, тем не менее, образуют единый поток активности индивидуальности. Так, активность в сфере общения обратно пропорциональна активности в сфере познания, а активность в сфере созерцания обратно пропорционально коррелирует с субмодальностью Я-превращенное. На наш взгляд, эти связи ожидаемы и для студенческой выборки достаточно логичны.

Альтернативная конфирматорная модель (таблица, модель № 4), в которой на каждом уровне (подуровне) интегральной индивидуальности соответствующие виды активности автономны и «замкнуты» на внутриуровневом взаимодействии, оказалась наименее информативной и непригодной по большинству индексов. Таким образом, гипотеза 2 об отсутствии единого латентного фактора и об автономии проявлений активности в рамках «своего» уровня интегральной индивидуальности не нашла эмпирического подтверждения.

Конфирматорная модель структуры АИ с тремя связанными факторами (таблица, модель № 2), соответствующими трем уровням и подуровням ИИ (нейродинамика и темперамент на индивидуальном уровне и уровень свойств личности), имеет пограничные индексы пригодности и в целом значительно уступает моделям с одним латентным, генеральным фактором разноуровневых проявлений активности индивидуальности. Таким образом, гипотеза о нестройной централизации разноуровневых проявлений активности индивидуальности, которые взаимосвязаны, но не образуют единого латентного фактора, также не нашла эмпирической поддержки.

Детализируем вклады активности отдельных уровней интегральной индивидуальности и соответствующих им диагностических шкал, обнаруженные в рамках наиболее пригодной конфирматорной модели структуры разноуровневых проявлений активности индивидуальности — с одним латентным (генеральным) фактором. Итак, в генеральный фактор активности индивидуальности вошли следующие взаимосвязанные проявления активности:

На индивидуальном уровне:

1. Наиболее близкими к собственно индивидуальным характеристикам в нашем исследовании являются нейродинамические шкалы опросника Грея–Уилсона: САП (система активации поведения) и СТП (система торможения поведения). Как уже отмечалось, показатель СТП, обратно пропорционально и значимо связанный с темпераментальной шкалой активности по Я. Стреляу и шкалой активности в сфере познания, оказался не связанным непосредственно с латентным, генеральным фактором АИ и по этой причине в краткой конфирматорной модели был исключен. Шкала САП (общая система активации

поведения) уже представлена, хоть и минимально, значимым регрессионным коэффициентом в полученной конфирматорной модели. В целом же можно сделать вывод о том, что представленные в нашем исследовании нейродинамические шкалы СТП и САП ожидаемо и непротиворечиво коррелируют с латентным генеральным фактором АИ (полная конфирматорная модель), но латентный фактор нагружает (и объясняет) их, по сравнению с показателями «темпераментальной» и личностной активности, в наименьшей степени.

2. По сравнению с нейродинамическими характеристиками вклад *темпераментальных (формально-динамических) проявлений активности* по опроснику FCB-Ti Я. Стреляу в конфирматорную модель с генеральным фактором резко возрастает — регрессионный коэффициент достигает 0,35. Вероятно, это свидетельствует о представленности в активности индивидуальности общего энергетически потенциала человека, что соответствует гипотезе В. Вундта о возможном существовании общей энергетической основы психики и в целом жизнедеятельности человека: «Описание темперамента в терминах энергетики и времени восходит еще к В. Вундту, характеризовавшему четыре античных темперамента в терминах силы и варибельности эмоциональной сферы. Эти же конструкты можно выделить и в павловской типологии. Сила и уравновешенность нервной системы относятся к энергетическим характеристикам центральной нервной системы, а лабильность нервных процессов — к ее временным характеристикам» [25, с. 45]. В дальнейшем развитие этого подхода к исследованию природы общей психической активности прослеживается в трудах А.Ф. Лазурского [18], а также Я. Стреляу и Б. Завадского в рамках регуляторной теории темперамента [25].

3. Наиболее значимо в однофакторной конфирматорной модели представлены шкалы активности личности, измеряемые вопросниками ДАС («Диагностика активности студента», по А.А. Волочкову и А.Ю. Попову), а также рядом шкал «Пермского вопросника субмодальностей Я» (по Л.Я. Дорфману). *На личностном уровне* (в порядке уменьшения значений регрессионных коэффициентов и доли объяснимой латентным фактором дисперсии переменных в наиболее пригодной конфирматорной модели структуры АИ преобладают:

1) активность в сфере познания (познавательная активность), которая объясняется общим латентным фактором на 75 %. Данная переменная имеет наибольший регрессионный коэффициент (0,86).

2) активность в сфере учебной деятельности (учебная активность) объясняется общим фактором АИ на 52 %, и также имеет высокий коэффициент регрессии латентного фактора (0,72).

Полученные данные поддерживают гипотезу Б.А. Вяткина о ведущей активности, определяющей особенности развития интегральной индивидуальности на разных возрастных этапах [7]. Для студенческой выборки в нашем исследовании такой ведущей активностью является учебно-познавательная.

Латентный фактор АИ в наиболее пригодной конфирматорной модели объясняет 31 % дисперсии переменной «активность в сфере общения» (коммуникативная активность личности), регрессионный коэффициент 0,59. Это свидетельствует о том, что активность индивидуальности студента в значительной мере нагружена не только учебно-познавательной активностью, но также коммуникацией, инициативой в сфере общения, способностью длительно поддерживать контакты.

Активность в сфере рефлексии объясняется общим фактором АИ на 15 % при коэффициенте регрессии фактора на переменную 0,39. В исследовании структуры целостной активности субъекта жизни А.Ю. Попова [7] именно активность в сфере рефлексии доминировала в структуре активностных проявлений. Рефлексия в данном исследовании обладает двумя особенностями. Во-первых, речь идет о специальной организации своего времени для осуществления процесса рефлексии, т.е. это рефлексия, возникающая не спонтанно во время какого-либо другого, основного взаимодействия, а специально организованная рефлексия «ради нее самой». Во-вторых, это всегда рефлексия по поводу себя и своего места в мире, т.е. личностная. В эти «полчаса наедине с собой», которые можно провести поразному (с разной мерой субъектности), наиболее ярко и глубоко проявляется смыслообразующая активность. Наиболее близким к такому пониманию оказывается понятие саморефлексии (self-reflection), предложенное А.М. Грантом [7, 27]. Активность индивидуальности в значительной мере предполагает и наличие смыслообразующей активности, рефлексии человека по поводу своих качеств и своего места в мире. В репликационном исследовании структуры целостной активности жизни [7] активность в сфере рефлексии уступает лидерству учебно-познавательной активности. В нашем исследовании «рефлексивная активность» также несколько отстает от учебной и познавательной активности по вкладу в структуру АИ.

Активность личности в нашем исследовании представлена не только шкалами опросника ДАС (Диагностика активности студента), но также Пермским вопросником Я, по Л.Я. Дорфману. При этом прежде всего ожидалось «особые отношения» латентного фактора активности индивидуальности с шкалой Авторское Я – субмодальность Я, где «ментально репрезентируется индивидуальность как системное качество системы “Индивидуальность”»

[13, с. 112]. Эта шкала в наибольшей мере характеризует самодетерминацию, автономность, независимость личности. В нашем исследовании дисперсия данной переменной объясняется латентным фактором АИ на 13 %, коэффициент регрессии 0,37. Такое место в структуре активности индивидуальности сопоставимо с местом шкалы активности личности в сфере рефлексии.

Таким образом, наиболее пригодная конфирматорная модель структуры разноуровневых проявлений активности индивидуальности студента предполагает в первую очередь активность в учебно-познавательной сфере (все, что связано с обучением и познанием в целом), далее коммуникативную (множество и длительность контактов) и смыслообразующую активность (активная рефлексия, осознание своего места в мире), авторство (независимость поступков и суждений) и созерцание (культурное развитие). Важное место в этой структуре также занимает общий энергетический потенциал темперамента.

В целом же наибольший вклад в структуру «генерального фактора» АИ вносит активность личности, в наименьшей — активность на индивидуальном уровне (в нашем исследовании нейродинамические характеристики активности).

Выводы

1. Многочисленные проявления активности человека могут быть отнесены к определенным уровням и подуровням структуры интегральной индивидуальности. Это отражает очевидную активность ее отдельных уровней и подуровней, направленную на взаимодействие друг с другом, а также на взаимодействие интегральной индивидуальности с «внешним» миром.

2. Система проявлений активности на различных уровнях и подуровнях интегральной индивидуальности (разноуровневых проявлений активности) характеризует активность индивидуальности.

3. Активность интегральной индивидуальности, по В.С. Мерлину, не замыкается на отдельных автономных уровнях и подуровнях, но характеризует ее как целостного субъекта активности. Активность уровней и подуровней интегральной индивидуальности и отдельных их видов не проявляется рядоположено и одновременно. Эти разнообразные виды и проявления образуют единый поток активности индивидуальности. Соответствующие предположения хорошо известны в рамках Пермской научной школы психологов [5, 7, 11] Однако эмпирически отношения разноуровневых проявлений активности индивидуальности, содержание и характер этой целостности остаются мало изученными.

4. Конфирматорная модель структуры разноуровневых проявлений активности индивидуальности с одним латентным фактором показала наибольшую

пригодность. Данная модель акцентирует строго централизованные взаимосвязи, при которых каждый элемент более низкого порядка относится лишь к одному элементу более высокого порядка. Такая «централизация» характеризует заявленную модель активности индивидуальности как целостную, обладающую значительными системными эффектами. В данном случае выраженность системных эффектов означает, что даже незначительные изменения в центральном компоненте системы (генеральном факторе активности индивидуальности) будут ассоциироваться с изменением всех остальных (нецентральных) структурных компонентов.

5. Альтернативная конфирматорная модель, в которой на каждом уровне (подуровне) интегральной индивидуальности соответствующие виды активности автономны и «замкнуты» на внутриуровневом взаимодействии, оказалась наименее информативной и непригодной по большинству индексов, т.е. альтернативная гипотеза — об отсутствии единого латентного фактора и доминанте автономии проявлений активности в рамках «своего» уровня или подуровня индивидуальности — не нашла эмпирического подтверждения.

6. Наибольший вклад в структуру «генерального фактора» активности индивидуальности вносят активность личности, затем — формально-динамические (темпераментальные) проявления активности, а в наименьшей — активность на индивидуальном уровне (нейродинамические характеристики активности).

7. Наиболее пригодная конфирматорная модель структуры разноуровневых проявлений активности индивидуальности студента акцентирует в первую очередь активность в учебно-познавательной сфере (все, что связано с обучением и познанием в целом), далее коммуникативную (множество и длительность контактов) и смыслообразующую активность (активная рефлексия, осознание своего места в мире), авторство (независимость поступков и суждений) и созерцание (культурное развитие). Важное место в этой структуре также занимает общий энергетический потенциал темперамента.

8. Доминанта учебно-познавательной активности в структуре активности индивидуальности, вероятно, характеризует соответствующие сферы активности как ведущие в студенческом возрасте. Данный эмпирический факт находит подтверждение в других исследованиях соотношения различных видов активности.

Дальнейшие исследования активности индивидуальности, представляющей интегральную индивидуальность как субъекта активности, представляются перспективными и могут быть направлены на тестирование гипотезы о наличии генерального фактора активности индивидуальности, на выявление

функций активности индивидуальности во взаимодействиях индивидуальности с ее миром, на выявление возрастных доминант в ее структуре, а также на разработку диагностического инструментария интегративного измерения целостной активности индивидуальности.

Список литературы

1. *Абульханова К.А.* Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избр. психол. труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. 224 с.
2. *Белан Е.А.* Психология активности: совладание личности с трудными жизненными ситуациями: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008. 130 с.
3. *Берталанфи Л.* Общая теория систем // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
4. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994. 109 с.
5. *Волочков А.А.* Активность субъекта бытия: Интегративный подход / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2007. 76 с.
6. *Волочков А.А.* Активность субъекта сферы жизни: теоретическая модель и эмпирика (на примере профессиональной активности учителя) // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 1. С. 12–45.
7. *Волочков А.А., Попов А.Ю.* Активность студента: структура и диагностика // Активность, ценностная направленность и психологическое здоровье студенчества / под ред. А.А. Волочкова; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь. 2015. С. 5–53.
8. *Вяткин Б.А.* Стиль активности как фактор развития интегральной индивидуальности // Интегральное исследование индивидуальности: стиль деятельности и общения. Пермь, 1992. С. 36–55.
9. *Вяткин Б.А.* Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь: Звезда, 2000. 179 с.
10. *Горбунов Ю.Я.* Индивидуальный стиль волевой активности и его формирование у старших школьников: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 1992. 144 с.
11. *Дорфман Л.Я.* Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. М.: Смысл, 1993. 456 с.
12. *Дорфман Л.Я.* Воплощения и превращение как формы взаимодействия с миром // Психология ОНЛАЙН: Проект «Информационно-телекоммуникационная система проведения психологических исследований». М., 1996. URL: <http://www.psychological.ru/default.aspx?s=0&p=11&0a1=225&0o1=1&0s1=1> (дата обращения: 05.05.2016).
13. *Дорфман Л.Я.* Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность. М.: Смысл, 2004. 320 с.

14. *Калугин А.Ю.* Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности: структура, динамика и функции в структуре интегральной индивидуальности (на материале студенчества): дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2015. 179 с.
15. *Кирилова Н.А.* Ценностные ориентации в структуре интегральной индивидуальности на материале исследования старших школьников): дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 1997. 172 с.
16. *Крайнюченко И.В., Попов В.П.* Системное мировоззрение: теория и анализ. Пятигорск: ИНЭУ, 2005. 218 с.
17. *Краснов А.В.* Влияние профессиональной активности учителя начальных классов на личность и деятельность младших школьников // Индивидуальность растущего человека в условиях современной школы / под ред. Б.А. Вяткина. Пермь, 2015. С. 265–277.
18. *Лазурский А.Ф.* Избранные труды по общей психологии. К учению о психической активности. Программа исследования личности и другие работы / коммент., примеч., прилож. Е.В. Левченко. СПб.: Алетей, 2001. 192 с. (Российские психологи: Петербургская научная школа).
19. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
20. *Нартова-Бочавер С.К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
21. *Праведникова И.Е.* Стиль моторной активности в структуре интегральной индивидуальности человека: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 1993. 176 с.
22. *Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / сост. Б.А. Вяткин, Л.Я. Дорфман, М.Р. Щукин. М.: Смысл, 2011. 635 с.*
23. *Рослякова Е.Ю.* Целостная активность субъекта жизнедеятельности и ее особенности в ранней юности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 54. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tselostnaya-aktivnost-subekta-zhiznedeyatelnosti-i-ee-osobennosti-v-ranney-yunosti> (дата обращения: 16.05.2016).
24. *Смирнов Д.О.* Изучение религиозной активности в структуре интегральной индивидуальности старших школьников // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия 1: Психология. 2000. № 1–2. С. 71–80.
25. *Стреляу Я., Митина О., Завадский Б., Бабаева Ю., Менчук Т.* Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения). М.: Смысл, 2005. 104 с.
26. *Токарев П.В.* Индивидуальный стиль эмоциональной активности спортсмена в соревнованиях: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 1991. 139 с.
27. *Grant A.M., Franklin J., Langford P.* The self-reflection and Insight Scale: A new measure of private self-consciousness // *Social Behavior and Personality*. 2002. Vol. 30(8). P. 821–836. DOI: 10.2224/sbp.2002.30.8.821.
28. *Tabachnick B.G., Fidell L.S.* Using Multivariate Statistics. 5th Edition. Boston: Pearson, 2006. 1008 p.

Получено 18.06.2016

References

1. *Abul'hanova K.A. Psihologija i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovanija real'noj lichnosti): Izbrannye psihologicheskie trudy* [Psychology and personality consciousness (problems of methodology, theories and reserach of real personality): selective psychology works]. Moscow, Moscow Psychology and Social Institute Publ.; Voronezh, NPO «MODJeK» Publ., 1999, 224 p. (In Russian).
2. *Belan E.A. Psihologija aktivnosti: sovladanie lichnosti s trudnymi zhiznennymi situacijami: monografija* [Psychology of activity: personality coping with hardship: monograph]. Krasnodar: Kuban State University Publ., 2008, 130 p. (In Russian).
3. *Bertalanfi L. [General theory of systems]. Sistemnye issledovaniya: Ezhegodnik* [Systems Research: Yearbook]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 30–54. (In Russian).
4. *Brushlinskij A.V. Problemy psihologii sub'jekta* [Problems of subject's psychology]. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 1994, 109 p. (In Russian).
5. *Volochkov A.A. Aktivnost' sub'jekta bytija: Integrativnyj podhod* [Subject's of being activity: integrative approach]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2007, 76 p. (In Russian).
6. *Volochkov A.A. [Activity of a sphere of life subject: theoretical model and empirics (by example of professional activity of a teacher)]. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. 2010, vol. 7, no 1, pp. 12–45. (In Russian).
7. *Volochkov A.A., Popov A.Ju. [Activity of a student: structure and diagnostics]. Aktivnost', cennostnaja napravlennost' i psihologicheskoe zdorov'e studentchestva* [Activity, axiological orientation and psychological health of studentship]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2015, pp. 5–53. (In Russian).
8. *Vjatkin B.A. [Activity style as integral individuality development factor]. Integral'noe issledovanie individual'nosti: stil' dejatel'nosti i obshhenija* [Integral research of individuality: activity and communication style]. Perm, 1992, pp. 36–55. (In Russian).
9. *Vjatkin B.A. Lekcii po psihologii integral'noj individual'nosti cheloveka* [Lectures on psychology of integral individuality of a man]. Perm, Zvezda Publ., 2000, pp. 87–103. (In Russian).

10. Gorbunov Ju.Ja. *Individual'nyj stil' volevoj aktivnosti i ego formirovanie u starshih shkol'nikov: dis. ... kand. psihol. nauk* [Individual style of volitive activity and its formation at high school: dissertation of candidate of psychological sciences]. Perm, 1992, 144 p. (In Russian).
11. Dorfman L.Ja. *Metaindividual'nyj mir: metodologicheskie i teoreticheskie problemy* [Metaindividual world: methodological and theoretical problems]. Moscow, Smysl Publ., 1993, 456 p. (In Russian).
12. Dorfman L.Ja. [Embodiment and transforation as ways of interaction with the world]. *Psihologija ONLAIN: Proekt «Informacionno-telekommunikacionnaja sistema provedenija psihologicheskikh issledovanij»* [Psychology ONLAIN: Project «Information and telecommunication system of psychological research implementation»]. Moscow, 1996. Available at: <http://www.psychological.ru/default.aspx?s=0&p=11&0a1=225&0o1=1&0s1=1> (accessed: 05.05.2016). (In Russian).
13. Dorfman L.Ja. *Integral'naja individual'nost', Ja-koncepcija, lichnost'* [Integral individuality, I-conception, personality]. Moscow, Smysl Publ., 2004, 320 p. (In Russian).
14. Kalugin A.Ju. *Cennostnaja napravlennost' lichnosti kak vyrazhenie smysloobrazujushhej aktivnosti: struktura, dinamika i funkcii v strukture integral'noj individual'nosti (na materiale studenchestva): dis. ... kand. psihol. nauk* [Axiological approach of personality as expression of sense-making activity: structure, dynamics and functions in structure of integral individuality (a case study of studentship): dissertation of candidate of psychological sciences]. Ekaterinburg, 2015, 179 p. (In Russian).
15. Kirilova N.A. *Cennostnye orientacii v strukture integral'noj individual'nosti (na materiale issledovanija starshih shkol'nikov): dis. ... kand. psihol. nauk* [Axiological orientations in the structure of integral individuality (a case study of senior school)]. Perm, 1997, 172 p. (In Russian).
16. Krajnjuchenko I.V. *Sistemnoe mirovozzrenie: teorija i analiz* [System world view: theory and analysis]. Pjatigorsk: INJeU Publ., 2005, 218 p. (In Russian).
17. Krasnov A.V. [Primary school teacher professional activity influence on personality and activity of junior pupils]. *Individual'nost' rastushhego cheloveka v uslovijah sovremennoj shkoly* [Individuality of growing human in odern school]. Perm, 2015, pp. 265–277. (In Russian).
18. Lazurskij A.F. *Izbrannye trudy po obshhej psihologii. K ucheniju o psihicheskoj aktivnosti. Programma issledovanija lichnosti i drugie raboty* [Selective studies on general psychology. On doctrine of psychic activity. Program of personality study and other works]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2001, 192 p. (Russian psychologists: Petersburg scientific school). (In Russian).
19. Merlin V.S. *Ocherk integral'nogo issledovanija individual'nosti* [Sketch of integral research of individuality]. Moscow, Pedagogika Publ., 1986, 256 p. (In Russian).
20. Nartova-Bochaver S.K. *Chelovek suverennoj: psihologicheskoe issledovanie sub'ekta v ego bytii* [A sovran man: psychological study of a subject in its being]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008, 400 p. (In Russian).
21. Pravednikova I.E. *Stil' motornoj aktivnosti v strukture integral'noj individual'nosti cheloveka: dis. ... kand. psihol. nauk* [Motor activity style in structure of integral individuality of a man: dissertation of candidate of psychological sciences]. Perm, 1993, 176 p. (In Russian).
22. *Psihologija integral'noj individual'nosti: Permskaja shkola* [Psychology of integral individuality: Perm school]. Moscow, Smysl Publ., 2011, 635 p. (In Russian).
23. Rosljakova E.Ju. [Holistic activity of a subject of life-sustaining activity and its peculiarities in early youth]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Tidings of Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen]. 2008, no 54. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/tselostnaya-aktivnost-subekta-zhiznedeyatelnosti-i-ee-osobennosti-v-ranney-yunosti> (accessed 16.05.2016). (In Russian).
24. Smirnov D.O. [Study of religious activity in structure of integral individuality of senior pupils]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija 1. Psihologija* [Perm State Pedagogical University Bulletin. Series 1. Psychology]. 2000, no 1–2, pp. 71–80. (In Russian).
25. Streljau Ja., Mitina O., Zavadskij B., Babaeva Ju., Menchuk T. *Metodika diagnostiki temperamenta (formal'no-dinamicheskikh harakteristik povedenija)* [Temperament (formal-dynamic characteristics of behaviour) diagnostics methodics]. Moscow, Smysl Publ., 2005, 104 p. (In Russian).
26. Tokarev P.V. *Individual'nyj stil' jemocional'noj aktivnosti sportsmena v sorevnovanijah: dis. ... kand. psihol. nauk* [Individual style of emotional activity of sportsman in competitions: dissertation of candidate of psychological studies]. Perm, 1991, 139 p. (In Russian).
27. Grant A.M., Franklin J., Langford P. The self-reflection and Insight Scale: A new measure of private self-consciousness. *Social Behavior and Personality*. 2002, vol. 30(8), pp. 821–836. DOI: 10.2224/sbp.2002.30.8.821. (In English).
28. *Tabachnick B.G., Fidell L.S. Using Multivariate Statistics*. 5th Edition. Boston: Pearson, 2006, 1008 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 18.06.2016

Об авторах

Волочков Андрей Александрович

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой практической психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: volochkov57@mail.ru

Митрофанова Елена Николаевна

аспирант, ассистент кафедры практической
психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: alenafox27@mail.ru

About the authors

Volochkov Andrey Alexandrovich

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: volochkov57@mail.ru

Mitrofanova Elena Nikolaevna

Ph.D. Student, Assistant Lecturer of the Department
of Practical Psychology

Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: alenafox27@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Волочков А.А., Митрофанова Е.Н. Активность индивидуальности: понятие и структура // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 64–75.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-64-75

Please cite this article in English as:

Volochkov A.A., Mitrofanova E.N. Individuality activity: concept and structure // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 64–75. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-64-75

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-76-80

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ МАТЕРЕЙ В ДИАДЕ «МАТЬ – МАЛОВЕСНЫЙ РЕБЕНОК»

Карпенко Алевтина Анатольевна

Воронежский государственный педагогический университет

В статье освещаются особенности личностного профиля матери и взаимоотношения в диаде, где дети при рождении имеют малый вес и появились на свет раньше срока. Актуальность темы обусловлена острой демографической ситуацией, которая продолжает оставаться очень значимой для нашей страны. Рассматриваются факторы, осложняющие становление материнства при преждевременных родах, влияние длительной психотравмирующей ситуации на диаду. Представлены результаты психологического исследования характерных черт личности матерей, родивших маловесных детей, даны их личностные характеристики. Прокомментированы такие важные психологические характеристики, как эмоциональная устойчивость, тревожность, уравновешенность, дисциплинированность, общительность, уверенность, фрустрированность, восприятие действительности, настроение, мотивированность женщин. Раскрываются личностные характеристики матерей в послеродовом периоде и то, каким образом различия личностных особенностей матерей влияют на отношения в диаде и обуславливают их. А также дана характеристика «синдрома родительской растерянности» и предпринята попытка проанализировать процесс становления материнства при рождении маловесного ребенка, трудности налаживания контакта в диаде «мать – маловесный ребенок». В статье рассмотрены методы и формы психологической помощи матери для оптимизации отношений в диаде.

Ключевые слова: личностные черты, материнский профиль, роженица, маловесный ребенок, характеристики личности, диада.

TYPICAL PERSONALITY TRAITS OF MOTHERS IN THE DYAD «MOTHER – UNDERWEIGHT CHILD»

Alevtina A. Karpenko

Voronezh State Pedagogical University

The article highlights the peculiarities of the personality profile of a mother and the relationship in the dyad, where children are born with low weight and born prematurely. The urgency is due to the acute demographic situation, which continues to be very important for our country. The article discusses the factors that complicate the formation of the mothers in preterm labour, the impact of prolonged traumatic situation in a dyad. The results of a psychological study of characteristic personality traits of mothers, who give birth to underweight children are presented, their personal characteristics are given. Such important psychological characteristics, as: emotional stability, uneasiness, steadiness, discipline, sociability, confidence, frustrirovannost, perception of reality, mood, motivation of women are commented. In article personal characteristics of mothers in the postnatal period and how distinctions of personal features of mothers influence the relations in a dyad reveal and cause them are revealed. And the characteristic of «a syndrome of parental confusion» is also given and an attempt to analyse process of formation of motherhood at the birth of the underweight baby, difficulties of establishing contact in a dyad «mother – the underweight baby» is made. In article methods and forms of psychological assistance of mother for optimization of the relations in a dyad are considered.

Keywords: personality traits, maternal profile, woman giving birth, underweight child, characteristics of the individual, dyad.

В настоящее время в нашей стране большое внимание уделяется вопросам оказания помощи матери и ребенку. В Послании президента РФ в 2012 г. В.В. Путин отметил, что «...наряду с развитием

здравоохранения, больше внимания следует уделять сбережению здоровья... Прежде всего речь идет о здоровье нации. На это должны быть направлены наши усилия». В последние десятилетия в России

отмечается тенденция к снижению численности населения. Несмотря на то, что в последнее время ситуация постепенно меняется, проблема снижения численности населения все еще достаточно острая. Позиция государства по отношению к детям демонстрирует уровень развития общества, его социальную направленность. Индикатором демографической ситуации в стране является показатель рождаемости — среднее число детей, рожденных женщинами репродуктивного возраста. Государство в последние годы пытается стимулировать социальными гарантиями роста этого показателя, тем не менее проблема находится на пике актуальности, а это значит, что необходимо бороться за жизнь каждого новорожденного. Проблема выхаживания маловесных, преждевременно появившихся на свет в результате ранних родов детей, стоит очень остро. По данным ВОЗ преждевременные роды — частое явление и в последние годы их количество увеличивается. В мире ежегодно насчитывается около 15 млн. детей, рожденных преждевременно и с малым весом. В нашей стране частота рождения маловесных детей составляет ежегодно от 6 % до 12 % [7]. С малым весом чаще всего рождаются недоношенные дети. Условия вынашивания ребенка могут ухудшаться по разным причинам, в связи с этим на свет появляются дети раньше положенного срока (37 недель внутриутробного развития), весом меньше 2500 г, длиной менее 45 см.

Нельзя недооценивать роль матери и ту позицию, которую она занимает по отношению к своему новорожденному ребенку. В.С. Мухина отмечает: «Каждая женщина как уникальная личность сама может определять свое отношение к материнству. Но если у женщины специфически осложненные особенности, если она живет во времени, когда благодаря новым достижениям науки материнство вольно или невольно девальвируется, ей может быть чрезвычайно сложно обрести себя в материнстве» [3].

В природе существуют первичная и непосредственная связь матери и ребенка — это диада «мать – дитя». Период сразу после рождения ребенка — это особое время, время повышенной чувствительности как для матери, так и для ее младенца. В сознании обоих прокладываются глубокие психологические «борозды», которые радикально воздействуют на последующее поведение, особенно на способность к материнству [5]. Послеродовой период может в некоторой степени влиять на отношение младенца к матери, что в свою очередь может повлиять в будущем на его отношения с другими людьми и с миром, его окружающим. От этого критического периода после родов может зависеть способность человека любить, испытывать привязанность к другим.

Ситуация рождения маловесного ребенка — своеобразный экзамен на психологическую готовность к материнству. Материнство — это система отношений, которая традиционно проявляется в воспитании детей. С позиций диадического подхода ребенок на ранних стадиях развития воспринимает внешний мир (и себя самого) и взаимодействует с миром не как самостоятельный субъект, а опосредованно, через взаимосвязь с матерью [2].

Анализ литературы показал, что исследование отношений в рамках диады «мать – маловесный ребенок» в нашей стране проводятся относительно недавно [1]. А личностные характеристики матерей, родивших маловесных детей, практически не изучались. В г. Воронеже на базе БУЗ ВО ВОКБ № 1 Перинатального центра консультативно-диагностического отделения работает служба оказания психологической помощи и поддержки беременным женщинам и роженицам. В период с 2014 по 2015 г. в отделении выхаживания новорожденных в (ОВН, 2 этапа) было проведено 2 этапа психологическое исследование женщин, родивших маловесных детей. Исследовались личностные черты и характеристики рожениц в диаде «мать – маловесный ребенок».

Предполагалось, что отношения в диаде зависят от личностных особенностей матерей и от различий их личностных особенностей, что обуславливает различия в отношениях в диаде. В исследовании участвовали 2 группы женщин: 1-я группа — женщины с доношенными и рожденными в срок детьми, но соматически нездоровыми (40 чел.); 2-я группа — женщины с недоношенными (рожденными до 37-й недели гестации) и маловесными (от 2000 до 2500 г) детьми (60 чел.).

По результатам методики 16-факторного личностного опросника Кеттелла, определяющего черты личности, обратили внимание на себя факторы 2-го порядка.

Для проверки статистической значимости использовался критерий Фишера. Критические значения φ^* , соответствующие принятым в психологии уровням статистической значимости:

$$\varphi^* = 1,69 \text{ (} p \leq 0,05 \text{),}$$

$$\varphi^* = 2,31 \text{ (} p \leq 0,01 \text{).}$$

После обработки данных по критерию Фишера φ^* получены такие результаты:

В 1-й группе достоверно больше выражены следующие характеристики:

факторы 2-го порядка:

Fэ — высокий, $\varphi^* = 1,52, p \leq 0,05;$

Fт — низкий, $\varphi^* = 3,07, p \leq 0,01.$

Роженицы 1-й группы хорошо устанавливают и поддерживают социальные контакты; жизнь в целом удовлетворяет их, они способны достичь желаемого, обладают низким уровнем тревожности.

Во 2-й группе достоверно больше выражены следующие характеристики:

факторы 2 порядка:

Гт — высокий, $\varphi^*=5,16, p \leq 0,01$.

2-я группа — матери маловесных детей. Они могут иметь плохую приспособляемость, высокая степень тревоги нарушает их деятельность, тревога может быть ситуационной, ощущается неудовлетворенность достигнутыми результатами.

В 1-й группе достоверно больше выражены следующие характеристики:

факторы группы «Я»:

С — высокий, $\varphi^*=5,9, p \leq 0,01$;

Г — средний, $\varphi^*=4,55, p \leq 0,01$.

Матери 1-й группы эмоционально устойчивы и выдержанны, спокойны и работоспособны, реально смотрят на вещи, эмоционально зрелы, реально оценивают обстановку и управляют ситуацией. Они добросовестны и степенны, уравновешенны и ответственные, эмоционально дисциплинированы.

Во 2-й группе достоверно больше выражены следующие характеристики:

факторы группы «Я»:

С — низкий, $\varphi^*=4,65, p \leq 0,01$;

Г — низкий, $\varphi^*=5,9, p \leq 0,01$.

Во 2-й группе матери эмоционально неустойчивы, находятся под влиянием чувств, а также переменчивы в настроении, их легко расстроить, а при расстройствах они теряют равновесие духа, становятся беспокойны и ипохондричны, быстро утомляются, стараются не вступать в споры в проблемных ситуациях. Женщины подвержены влиянию чувств, часто не согласны с общепринятыми моральными нормами и стандартами, они непостоянны и переменчивы, игнорируют обязанности, могут быть безответственны и неорганизованны.

В 1-й группе достоверно больше выражены следующие характеристики:

факторы доминантности:

Е — высокий, $\varphi^*=2,01, p \leq 0,05$;

Г — высокий, $\varphi^*=4,22, p \leq 0,01$;

Н — средний, $\varphi^*=4,75, p \leq 0,01$.

Матери, родившие доношенных детей, часто бывают самоуверенны, напористы и упрямы, независимы и доминируют. Они восторженны и жизнерадостны, подвижны и энергичны, разговорчивы и эмоциональны, динамичны в общении, веселы, проявляют энтузиазм, верят в удачу, социальные контакты для себя определяют как значимые. Их можно охарактеризовать как эмоционально выдержанных, умеющих «срезать углы».

Во 2-й группе достоверно больше выражены следующие характеристики:

факторы доминантности:

Е — низкий, $\varphi^*=1,69, p \leq 0,05$;

Г — средний, $\varphi^*=4,23, p \leq 0,01$;

Н — низкий, $\varphi^*=4,13, p \leq 0,01$.

Роженицы этой группы уступчивы и безропотны, пассивны и часто берут вину на себя, быстро подчиняются, их легко вывести из равновесия при авторитетном руководстве, они мягкие и кроткие, сильно зависят от окружения. Они молчаливы, склонны все усложнять, пессимистичны в восприятии действительности, беспокоятся о будущем, ожидают неудач, вялы и неразговорчивы. Их можно охарактеризовать как эмоционально несдержанных.

В 1-й группе достоверно больше выражены следующие характеристики:

факторы тревоги:

О — низкий, $\varphi^*=4,55, p \leq 0,01$;

О — средний, $\varphi^*=4,55, p \leq 0,01$;

Q4 — низкий, $\varphi^*=4,34, p \leq 0,01$;

Q4 — средний, $\varphi^*=2,54, p \leq 0,01$.

Матери доношенных детей самоуверенны и хладнокровны, жизнерадостны и энергичны. Они невозмутимы, сдержанны и спокойны, не фрустрируют.

Во 2-й группе достоверно больше выражены следующие характеристики:

факторы тревоги:

О — высокий, $\varphi^*=4,55, p \leq 0,01$;

Q4 — высокий, $\varphi^*=6,088, p \leq 0,01$.

Матери маловесных детей часто испытывают чувство вины, полны тревоги и предчувствий, не уверены в себе, ранимы, обеспокоены и депрессивны, подавлены, находятся во власти настроения, впечатлительны, легко могут заплакать, ипохондричны и погружены в мрачные раздумья, зачастую испытывают страх, у них ярко выражено чувство долга. Они раздражительны, несмотря на утомляемость, активны, имеют повышенную мотивацию и длительно могут находиться в возбужденном состоянии.

Таким образом, прерывание естественной, формирующейся еще в течение беременности психофизиологической связи между матерью и ребенком может стать серьезной угрозой для полноценного материнства. Еще одним фактором, осложняющим становление материнства, является то, что недоношенные и маловесные младенцы слабо реагируют на ласку взрослого, у них появляется напряженность, происходит отстранение от взрослого. У недоношенных и маловесных детей не обнаруживается поструральная адаптация, они не прижимаются ко взрослому, не принимают положения тела, удобного для удерживания на руках. Все эти проявления недоношенных и маловесных младенцев побуждают взрослых избегать контактов с ребенком, слабо или отрицательно отвечающих на заботу. Родители в такой ситуации склонны интерпретировать «неконтактность» ребенка как отвержение. Различные физические дефекты у ребенка и, как следствие, сниженная потребность в общении являются главными факторами, затрудняющими реализацию потребности матери в полноценном эмо-

циональном контакте с ребенком. В этом случае поведение родителя оказывается дезориентированным и дезорганизованным, так как сигналы взрослого не принимаются, блокируются ребенком вследствие дефекта и отсутствия потребности в общении. Для таких родителей характерен «синдром растерянности». В связи с этим у родителей складываются неправильные установки на взаимодействие со своим ребенком: стимульные ограничения из-за желания не перевозбудить слабого, больного младенца. Понятно, что в таких условиях родители часто испытывают чувство вины по поводу того, что не имеют возможности дать ему все необходимое для полноценного развития.

Своевременные психологическая поддержка и помощь могут существенно сгладить сложности первых дней и месяцев жизни маловесного ребенка и помочь матери при взаимодействии с ним [4].

Для родителей рождение ребенка раньше запланированного срока всегда серьезный стресс. Длительный стресс влияет прежде всего на эмоциональное состояние рожениц, это проявляется в снижении регулирующего самоконтроля, избирательности контактов (общение ограничивается кругом близких по ценностным ориентирам людей), значительными колебаниями самооценки, ощущением личностной непригодности, материнской некомпетентности [6]. Матерей переполняют тревога и страх за жизнь ребенка, к этому присоединяется волнение по поводу состояния его здоровья (боязнь получить «неполноценного ребенка») и дальнейшего прогноза развития младенца.

Недоношенный маловесный ребенок из-за раннего, преждевременного появления на свет не получает такой же стимуляции и опыта, которые получает доношенный ребенок после рождения: его не берут на руки, с ним не разговаривают, у него нет возможности телесного контакта с родителями, поэтому ему необходима дополнительная стимуляция. Ребенку, который находится в «инкубаторе», необходимо, чтобы его осторожно гладили, переворачивали, показывали ему игрушки, разговаривали с ним. Если же мать маловесного ребенка во власти ипохондрии, ожидает неудач, испытывает депрессию и эмоционально несдержанна, пребывает в состоянии тревоги и плохих предчувствий, она не может полноценно наладить взаимоотношения в диаде. Таким образом, отношения в диаде зависят от личностных особенностей матерей, именно они обуславливают различия в отношениях в диаде «мать – маловесный ребенок».

Матери маловесных детей нуждаются в психологической помощи. Она может проявляться в виде объяснения поведения ребенка, его особенностей, того, как с ним лучше общаться, как способствовать его развитию (лекционные формы занятий). У неко-

торых матерей силен страх утраты ребенка (особенно если младенец длительно не набирает вес), он остается доминирующим в отношениях с младенцем достаточно большой промежуток времени. Матери могут относиться к своему ребенку как к больному, чрезмерно опекать его. Все возникающие проблемы могут восприниматься как последствия маловесности и связанных с этим трудностей. Постоянное ожидание чего-то нехорошего, опасного, что может произойти с ребенком, формирует довольно высокий уровень тревоги у матерей. Бывает, что такая тревога приводит к «психологическим срывам». Все это может осложнить развитие младенца. Одним из поводов для беспокойства является психомоторное развитие маловесного ребенка, особенно в первый год жизни. Матери часто сравнивают навыки своего маловесного младенца с навыками доношенного ребенка такого же возраста и переживают вследствие «задержки» в его развитии. Важно обсудить с ними, что недоношенный и маловесный ребенок развивается своими темпами, по своему «графику» и оценивать его развитие следует с учетом недоношенности и маловесности (предоставление информационно-наглядного материала). Очень важной для младенцев является среда, в которой они находятся, и поэтому так важно, насколько хорошо и адекватно матери взаимодействуют с ними и понимают их нужды в диаде (тренинговые упражнения).

Данные проведенного исследования помогут наметить ориентиры для разработки и реализации программы психологической помощи матерям в диаде «мать – маловесный ребенок» с учетом личностных черт характера рожениц.

Список литературы

1. Карпенко А.А. Специфика отношений в диаде «мать – маловесный ребенок» // Вестник Брянского государственного университета. 2015. Вып. 3(26). С. 61–63.
2. Клецина И.С. Гендерная психология. Практикум. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
3. Мухина В.С. Психологические проблемы материнства // Медико-психологические аспекты современной перинатологии: матер. IV Всерос. конгресса по пренатальной и перинатальной психологии, психотерапии и перинатологии с международным участием. М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. С. 7–10.
4. Современные аспекты организации неонатальной помощи: руководство для врачей / под ред. проф. Д.О. Иванова. СПб., 2011. 464 с.
5. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 240 с.
6. Филиппова Г.Г. Развитие материнского поведения в онтогенезе // Психология сегодня. ежегодник Рос. психол. общ-ва. М., 1996. Т. 2, вып. 3. С. 133.

7. Яцык Г.В., Бомбардинова Е.П., Тресорукова О.В. Выхаживание и ранняя реабилитация детей //Лечащий врач. 2007. № 7. С. 45–49.

Получено 19.04.2016

References

1. Karpenko A.A. [The specificity of relations in the dyad «mother – underweight child»]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University]. 2015, vol. 3(26), pp. 61–63. (In Russian).
2. Kletsina I.S. *Gendernaya psihologiya. Praktikum* [Psychology of gender. Workshop] Saint Petersburg, Piter Publ., 2009, 496 p. (In Russian).
3. Mukhina V.S. [The Psychological problems of motherhood] *Mediko-psihologicheskie aspekty sovremennoi perinatologii. Materialy IV Vserossiiskogo kongressa po prenatalnoi i perinatainoi psihologii, psihoterapii i perinatologii s mezhdunarodnim uchastiem* [Psychological aspects of modern Perinatology. Proceedings of the VI International

Congress on prenatal and perinatal psychology, psychotherapy and Perinatology with the international participation] Moscow, Institute of Psychotherapy Publ., 2003, pp. 7–10. (In Russian).

4. *Sovremennye aspekty organizatsii neonatalnoi pomoschi: rukovodstvo dlya vrachej* [Modern aspects of neonatal care: a guide for physicians]. Saint Petersburg, 2011, 464 p. (In Russian).
5. Filippova G.G. *Psihologiya materinstva* [Psychology of motherhood] Moscow, Institute of Psychotherapy Publ., 2002, 240 p. (In Russian).
6. Filippova G.G. [The development of maternal behavior in ontogenesis]. *Psihologiya segodnya. Ezhegodnik Rossijskogo psihologicheskogo obschestva* [Psychology today. Yearbook of Russian psychological society]. 1996, vol. 2, iss. 3, p. 133. (In Russian).
7. Yatsyk G.V. [Nursing and early rehabilitation of children]. *Lechaschij vrach* [Attending physician]. 2007, no 7, pp. 45–49. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 19.04.2016

Об авторе

Карпенко Алевтина Анатольевна

соискатель кафедры коррекционной психологии и педагогики

Воронежский государственный педагогический университет,
394043, Воронеж, ул. Ленина, 86;
e-mail: perinatalpsiholog@yandex.ru

About the author

Karpenko Alevtina Anatolyevna

Ph.D. Student of the Department of Correctional Psychology and Pedagogics

Voronezh State Pedagogical University,
86, Lenin str., Voronezh, 394043, Russia;
e-mail: perinatalpsiholog@yandex.ru

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Карпенко А.А. Характерные черты личности матерей в диаде «мать – маловесный ребенок» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 76–80. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-76-80

Please cite this article in English as:

Karpenko A.A. Typical personality traits of mothers in the dyad «mother – underweight child» // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 76–80. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-76-80

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 008.001(470.53)

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-81-90

**Тьюторство в культуре: новые образовательные
практики пермского культурного проекта****Игнатьева Оксана Валерьевна, Лысенко Олег Владиславович**Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет**Черникова Ирина Юрьевна**Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

В статье рассматривается одно из важных направлений Пермского культурного проекта, а именно проект открытого образования. Изначально в философском дискурсе открытое образование понималось как образование, соответствующее принципам открытого общества. С появлением Интернета открытое образование стали связывать с принципом доступности информации и образовательных ресурсов. Но в ходе развития Пермского культурного проекта появился новый смысл открытого образования, когда вся городская среда, насыщенная событиями, новыми, альтернативными институциями и коммуникативными площадками, стала пониматься как ресурс открытого образования. Тогда же в ходе обсуждений родилось новое направление тьюторского сопровождения — тьюторство в сфере культуры. Последнее следует рассматривать как альтернативный вариант традиционных форм образовательной деятельности, более подходящий для социализации и профессиональной ориентации старшеклассника. Идея тьюторства ближе к концепции культурной демократии, так как тьютор знакомит не с высокими образцами культуры, а с ресурсами достижения целей, сформулированных самим учеником. Для тьюторского сопровождения нет «высоких» и «низких» жанров, но есть культурные ресурсы. Тьютор помогает учащемуся сделать собственный выбор между ними, найти подходящий ресурс для каждого конкретного человека. Кроме того, тьютор мотивирует ученика не на потребление культуры, а на активное участие в творческих практиках. Поэтому культура здесь понимается уже не как закрытый перечень сфер деятельности (искусство, наука, литература), но как широкое поле деятельности по выработке смыслов и личных моделей поведения. Таким образом, тьюторское понимание открытого образования предполагает расширение образовательного пространства до масштабов социального мира, превращение города в среду, способную образовывать и воспитывать.

Ключевые слова: Пермский культурный проект, культурная политика, тьюторство, открытое образование.

**TUTORING IN THE CULTURE: A NEW EDUCATIONAL PRACTICE
OF THE PERM CULTURAL PROJECT***Oksana V. Ignatieva, Oleg V. Lysenko**Perm State Humanitarian-Pedagogical University**Irina Yu. Chernikova**Perm National Research Polytechnic University*

The article deals with one of the main directions of the «Perm cultural project», if to be more exact the Open education project. It is specially noted that initially, in philosophical discourse the open education was understood as corresponding to principles of open society. With the development of the Internet open education is connected with the principle of availability of educational resources. But in the process of development of the Perm cultural project the whole

* Данная статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России для Пермского национального исследовательского политехнического университета в 2016 г. (проект №27.170.2016/НМ).

urban environment with alternative institutions and new communication platforms became a resource for open education. It should be stressed that during the discussions a new direction of tutor support was born. Tutoring in the field of culture is an alternative version of the traditional form of the educational process. This type of tutoring is more suited for socialization and professional orientation of the senior pupil, than traditional methods of education.

The idea of tutoring is closer to concept of cultural democracy, because the tutor introduces the student with resources to achieve the objectives formulated by pupil rather than high culture. It is shown that in tutor support is not «high» and «low» genres, but there are cultural resources, which help the student to make his own choice between them and find appropriate resource for each person. In addition, tutor motivates the student to actively participate in creative practice, rather than on consumption of culture. In this case, the culture understood as a sphere for generating of meaning and personal behavior models, not as a closed list of spheres of activities (such as art, science, literature). Conclusions are drawn that understanding of the open education in tutoring involves the expansion of educational space to scale of the social world and transformation of the city in field, which can educate people.

Keywords: Perm cultural project, cultural policy, tutoring, open education.

«Открытое образование»: метафора или практика современного общества

Данная статья посвящена одному из важных, но не получивших должного освещения ни в научной, ни в публицистической литературе аспекта Пермской культурной революции, а именно образовательным планам и практикам. Само обращение к Пермскому культурному проекту (в дальнейшем ПКП) нам представляется и актуальным, и необходимым. Несмотря на то что с момента его сворачивания прошло уже 4 года, споры вокруг него не утихают. Самое простое подтверждение этому — прошедший в 2016 г. в рамках пермского общественного фестиваля «Мосты» круглый стол «Культурная революция: ревизия входов и последствий» [19]. Эксперты (в основном активно вовлеченные в баталии времен ПКП) попытались вновь осмыслить итоги и значение Пермской культурной революции. Продолжаются публикации о ПКП в отечественных и зарубежных журналах, не прекращаются отсылки к именам организаторов и идеологов ПКП [14]. В контексте заявленной темы нам важно обсудить, во-первых, те идеи в области образования, которые были вброшены в информационное пространство Перми культурной революцией, а во-вторых, возможности и перспективы развития новых образовательных практик, из этих идей проистекающих, в рамках городского пространства.

Однако прежде хотелось бы обозначить некий теоретический горизонт обсуждения как ПКП, так и его образовательной составляющей. На методологическом, парадигмальном, уровне мы предпочитаем парадигму социального конструктивизма в традиции, берущей свое начало в работах У. Томаса, А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана и продолженной в работах П. Бурдьё. На содержательном уровне нам близки трактовки современного общества, содержащиеся в трудах У. Бека и З. Баумана, но с одной оговоркой: без пафоса критицизма и скепсиса, представленного в их трудах. И та, и другая позиция достаточно хорошо описаны в литературе, чтобы подробно на ней останавливаться [1, 2, 3, 27, 28]. По-

этому сразу перейдем к некоторым самостоятельным тезисам, логично, на наш взгляд, вытекающим из работ перечисленных выше авторов.

По набору характеристик, применяемых к современному (то есть существующему в данный момент, наличествующему перед нами) обществу, мы без труда сможем уловить некий общий тренд: доминируют метафоры текучести, изменений, перемен. «Общество риска», «текущая модерность», *interregnum* (межцарствие) — вот далеко не полный ряд определений, через которые социальные мыслители пытаются осмыслить существующее положение дел [1, 2]. Из этого ряда образов следует достаточно простая установка: чтобы адаптироваться к этой современности, от человека требуется готовность постоянно меняться и постоянно учиться. Зигмунд Бауман в одной из своих лекций утверждал: «Наши отцы и деды считали, что непрерывное изменение условий жизни — это временное явление..., а потом придет время отдыха... Сегодня мы понимаем, что устойчивая экономика не является эффективной, и что мы ее в принципе никогда не достигнем по многим причинам... Рекомендуемая жизненная стратегия сегодня — это то, что на английском языке звучит как *flexibility* — гибкость и подозрение ко всем долговременным обязанностям» [1].

Однако несмотря на всю кажущуюся тривиальность такой постановки вопроса (действительно «все течет, все меняется» сказано более двух с половиной тысячи лет назад), на практике мы редко учитываем такую текучесть. Особенно это справедливо по отношению к образованию. Сформировавшись к концу XIX в., институты массового образования сохраняют удивительную устойчивость. И если в случае с престижным средним и высшим образованием консервацию старых форм еще можно объяснить некоторой претензией на элитарность (архаизация практик часто выступает признаком демонстративного поведения высших слоев общества) [4], то по отношению к ординарным школам, коих в нашем обществе абсолютное большинство, такое упорство удивительно.

Было бы ошибкой видеть в консерватизме образования только российскую специфику. «Из моей дочери получилась бы идеальная работница фабрики начала XIX в., — пишет американский футуролог и фантаст Брюс Стерлинг в своей публицистической книге “Будущее уже началось”, — современные школьники идут в школу к 8.00 утра, учатся в больших коллективах, питаются в больших столовых, носят униформу — совсем как служащие больших корпораций эпохи раннего модерна» [23, с. 22]. И тут же добавляет, что большинство их родителей ведут совсем иной образ жизни, потому что живут в постиндустриальном мире. Напомним, что эти слова были написаны в 2002 г. в США. Другой англо-американский писатель и педагог, Кен Робинсон, в 2010 г. выступая с лекцией «Новый взгляд на систему образования», утверждает, что основная проблема образования заключается в том, «что детей пытаются готовить к будущему, но старыми методами», а «существующая система образования разрабатывалась и создавалась для другой эпохи» — эпохи Просвещения и промышленной революции [22]. Его вывод почти дословно повторяет слова Брюса Стерлинга: «Школы до сих пор напоминают заводы. Звонки, гудки, отдельные корпуса, специализация по отдельным предметам» [22].

Пожалуй, никто так ярко не описал особенности становления современной системы образования в XVIII–XIX вв., как Мишель Фуко. Телесные и дискурсивные дисциплинарные практики, изначально заимствованные из монастырского образа жизни, предполагали «умерщвление» (термин И. Гофмана, означающий стремление нивелировать индивидуальные отличия в процессе внутриинституциональной социализации) отдельного человека во имя его «нормализации» [26]. Далее тему порождения социального порядка школьными институтами продолжил П. Бурдьё и его последователи, в особенности Луи Пэнто [20, 28].

Последний даже выделил несколько универсальных практик такого рода «умерщвления», особо подчеркнув, что они не являются специфическими для какого-либо одного института. И хотя он их приводит в армейском варианте, мы легко и узнаваемо их можем переложить на школьную жизнь. К этим практикам Л. Пэнто отнес следующее:

– Отрицание личной идентичности. Этому служит унификация произношения имени (имя и фамилия), школьная форма, принадлежность к классу («ученик 1В класса»), унификация школьных принадлежностей, которые должны быть у школьника (помимо, разве что карманов и самого школьного ранца).

– Ограничения во времени и пространстве, включая расписание звонков, регулирующих приход/уход ученика из школы, запрет на передвижение

во время уроков, регламентация местонахождения ученика в любое школьное время и даже вне самого помещения школы (не гулять допоздна, «комендантский час» для подростков и т.п.).

– Вербовки. Это процесс «институционального реклассирования», в результате которого человек усваивает привычку идентифицировать себя только с определенной группой (классом и школой), что делает его ответственным за все, что происходит внутри этого коллектива.

– Безусловное подчинение. Это привычка выполнять требования учителя и школы в целом без особого стремления сделать правила понятными и обоснованными в глазах самого ученика. Та же форма вводится не только вопреки воле учеников, но и с минимальным публичным обоснованием. Точнее, обоснование ношения школьной формы (равно как проведение классного мероприятия, урока, выдача домашнего задания) предназначено не для детей, но только для родителей, которые должны сотрудничать со школой в процессе обращения учеников в институционально послушных индивидов. Отдельно тут стоят персональные практики работы со строптивыми учениками, «умниками» и «горлопанами».

Итогом применения такого рода практик становится ученик, который «усвоил коллективный и деперсонализированный порядок в такой мере, что более не нуждается в эксплицитных указаниях, чтобы следовать объективным требованиям институции» [20, с. 30].

Особенно хотелось бы обратить внимание на практики ограничения времени и пространства, которые имеют тут принципиальный характер. Они направлены на создание абсолютно закрытой среды, «системы образования», за пределы которой не рекомендовано выходить ученику и внутрь которой попасть может только человек, этой системой уполномоченный. Поскольку современная школа не работает как интернат (за редким исключением), то требование ограничения пространства и времени выливается в стремление регламентировать время и перемещение ученика и за пределами школы, предписывая ему посещать кружки и секции и ни в коей мере не поддаваться влиянию «улицы». Сегодня школа остается неким микрокосмом, в котором в игровой (читай — симуляционной) форме взрослые заставляют ученика приобщаться к «взрослой» жизни.

Отдельно стоит сказать об идее профилизации, охватившей современную школу. Как известно, профиль обучения сегодня обязателен для третьей ступени школы, и это имеет свою логику. Выбору профиля предшествует профориентационная работа на уровне 8–9 класса, которая должна правильно сориентировать ученика на выбор. И тут срабатывает институциональная инертность закрытого обра-

зования. Декларация принципа учета личных наклонностей и способностей ученика на деле превращается в жесткие предписания, определения («специалистам виднее») и в сознательное сужение предстоящего выбора организационными возможностями школы.

Не трудно заметить, насколько практики, принятые в наиболее перспективных и быстрорастущих организациях, ориентированных на создание информационных технологий и инновационное производство, не похожи на школу [25]. Вместо отрицания личной идентичности в большем городе все большее распространение получает «биографизация» жизни, ценится личная уникальность. Вместо ограничения времени и пространства мы наблюдаем возрастающую мобильность как условие и результат успешной карьеры. Вместо вербовки в коллектив мы предпочитаем свободную ассоциацию с коллегами и учреждениями. Вместо безусловного подчинения мы ценим умение самостоятельно мыслить, готовность к работе по проектному принципу и взять на себя ответственности за решения.

Разрешить этот парадокс призваны новые, открытые системы образования, о которых речь ведется еще с 60-х гг. прошлого века [16]. Если говорить коротко, суть открытого образования состоит в том, чтобы вывести ученика (и учителя) за пределы жестких пространственно-временных рамок тотального института образования. Чтобы обосновать этот тезис, необходимо проанализировать понятие «открытое образование» и те смыслы, которые в него вкладываются разными агентами.

Понятие «открытое образование» широко используется в современной научной литературе и в средствах массовой информации, что свидетельствует об общественном запросе на смену образовательных парадигм. По мнению Т.Г. Галактионовой и Е.И. Казаковой, в научной литературе обозначены две трактовки понятия «открытое образование» [5]. Первую авторы называют информационно-технологической, она подразумевает под этим термином совокупность открытых образовательных ресурсов и дистанционное образование. Вторую трактовку обозначают как общепедагогическая, связывая ее с новой педагогической реальностью, открытостью образовательного пространства и школы [5].

Движение «Открытые образовательные ресурсы» появилось в конце 1990-х гг., а термин «открытые образовательные ресурсы» принят на конференции ЮНЕСКО в 2002 г. [27]. Под ними понимаются обучающие, учебные или научные ресурсы, размещенные в свободном доступе, либо выпущенные под лицензией, разрешающей их свободное использование или переработку [27, р. 4]. Открытые образовательные ресурсы включают в себя полные курсы, учебные материалы, модули, учебники, видео, тесты, про-

граммное обеспечение, а также любые другие средства, материалы или технологии, использованные для предоставления доступа к знаниям [11].

В Кейптаунской декларации открытого образования 2007 г., инициированной Фондом Shuttleworth и Институтом открытого общества, информационно-технологический подход получает дальнейшее развитие [10]. В ней говорится, что образование нельзя ограничивать только образовательными ресурсами. Оно должно быть связано с открытыми технологиями обучения, открытым обменом педагогическим опытом, открытой пропагандой новых образовательных возможностей. В Декларации обозначены три стратегии обогащения открытых образовательных ресурсов, а именно: активное участие педагогов и учеников в использовании открытых образовательных ресурсов; лицензирование новых ресурсов открытого образования для свободного доступа; открытая образовательная политика, направленная на популяризацию и доступность образовательных ресурсов [10].

Общепедагогическая трактовка «открытого образования» опирается не столько на международные декларации, сколько на идеи многих известных философов. Особенно хочется отметить значение работ К. Поппера для становления и развития философии открытого образования и педагогики «открытого общества» [18]. Как отмечают Т.Г. Галактионова и Е.И. Казакова, применительно к учебным заведениям термин «открытый» стал применяться еще с 1908 г., с года создания Московского открытого (народного) университета [5]. Движение за новую, открытую или антиавторитарную, систему образования в США и Западной Европе формируется на волне студенческих бунтов 1960-х гг. Именно в студенческой среде появляется массовый протест против сложившейся закрытой системы образования: «студенческое движение началось с восстания в университете против существующих структур университетов, которые во многом были архаичны — настолько, что преподавание, лекции и семинары имели целью только подготовку кадров для современной общественной системы, полезных членов капиталистического аппарата, против абстрактной и удаленной от реальности жизни университетов и совсем незначительных возможностей для получения образования» [29, S. 8–9].

Одним из идеологов открытости образования в 1960–1970-е гг. стал И. Иллич, написавший известную книгу «Общество без школы» («Deschooling Society») [9]. Согласно этому автору, обеспечение равных возможностей в получении образования можно достичь только ликвидировав институт школы. В противоположность «манипулирующим институтам», какими И. Иллич считает школу и университет, автор выдвигает альтернативу в виде раз-

вития «открытых» социальных институтов, развития личностного запроса и инициативы. Он выделяет четыре типа источников знаний: 1) вещи и материальная среда; 2) модели поведения; 3) помощь старших; 4) контакт со сверстниками. В соответствии с этими источниками знаний он предлагает «сетевую» модель образования, включающую людей, готовых делиться знаниями, профессиональные среды, учреждения культуры [9].

В 1970–1980-е гг. в США и странах Западной Европы появляются новые типы образовательных пространств, реализующих потенциал открытого образования: «открытые школы», «открытые университеты», «открытые классы», «учебные парки» и т.д. [16].

Крайнюю форму «открытости» образования в 1970–1980-е гг. связывают с идеями антипедагогика. Так, в 1975 г. вышла книга Е. Браунмюля «Антипедагогика. Очерки к упразднению образования», идеологами нового направления также являются Г. фон Шенебек и М. Маннони [16]. Свою концепцию антипедагогика они называют концепцией «открытого образования» и «самоопределяемого обучения». Главная цель антипедагогика определяется как «поддерживать, а не воспитывать» [16, с. 410].

В это же время П. Гудмен в своих работах назвал школу тюрьмой и концентрационным лагерем и потребовал ее ликвидировать [16]. Молодежь должна учиться «на улицах, в кафетериях, магазинах, по радио, в парках и фабриках» — во всех так называемых «уличных школах». Последователи П. Гудмена пытались построить модель обучения во всех сферах общества, прежде всего в повседневной жизни [16, с. 448].

Интеграция идей информационного общества и открытого образования с 1990-х гг. приводит к новому, глобальному запросу на открытость образования. В таких документах ЮНЕСКО, как «Образование: сокрытое сокровище. Основные положения Доклада Международной комиссии по образованию для XXI века», Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания», дается характеристика современного общества и перспектив его развития как общества знания, общества образования [15]. Образование рассматривается как ключевое направление в решении многих глобальных проблем. Особенное внимание уделяется образованию на протяжении всей жизни: «Истина заключается в том, что на протяжении всей общественной и личной жизни человеку есть чему поучиться. В этой связи возникает сильный соблазн уделить особое внимание именно этому аспекту, с тем, чтобы подчеркнуть образовательный потенциал современных средств коммуникации или профессиональной деятельности, а также культурной жизни и досуга» [15, с. 12]. Все возмож-

ности, предоставляемые обществом, могут и должны использоваться в образовании.

По сути, в данном документе задается новый вектор рассмотрения «открытого образования» как процесса, направленного на развитие человеческих способностей с помощью любых доступных образовательных ресурсов, что, в свою очередь, подразумевает и новую трактовку одаренности. Лучше всего она сформулирована К. Робинсоном: «Мы понимаем, что для вступления в новую эпоху нужна абсолютно другая парадигма человеческих способностей. Нам необходимо выработать новый взгляд на важность развития человеческих талантов и понять, что талант проявляется по-разному. Необходимо создавать такую среду — в школах, на рабочих местах и в государственных учреждениях, — где каждого человека поощряли бы развивать свой творческий потенциал» [21, с. 9–10].

Таким образом, обществу знания соответствует новый смысл открытого образования. С одной стороны, К. Робинсон включает открытость школ и университетов как необходимую предпосылку формирования нового отношения к непрерывному самообразованию и потребности в самосовершенствовании. С другой стороны, информационное общество создает глобальные возможности для образования через открытые образовательные ресурсы. С точки зрения антропологии образования образовательными ресурсами могут выступать любые события, люди, среда — все, что рассматривается самой личностью в качестве источника личностного роста [8].

Обществу знания соответствует и новое культурное поведение, проявляющееся в активном участии граждан в культуре информационного века.

Таким образом, культура, образование и общество оказываются связанными единой образовательной парадигмой. И здесь возникает третий смысл понятия открытого образования, который мы обозначим как тьюториальный.

Пермский проект «открытого образования»

Понятие «тьюториальность» как «открытое образование» возникает не случайно. Новое понимание «открытого образования» сформировалось в процессе реализации Пермского культурного проекта. В основе ПКП лежали новые принципы культурной политики, предлагавшие рассматривать культуру как ресурс развития территории в глобальном мире. «Задача формирования привлекательной, многомерной и динамичной культурной среды лежит в основе концепции культурной политики Пермского края», провозглашалось в «Концепции пермского проекта культурной политики», основополагающем документе ПКП [17, с. 15].

Если попытаться кратко обозначить логику рас- суждений авторов проекта, то получится следующая

смысловая цепочка: мир переходит к постиндустриальной экономике, «экономике переживаний и впечатлений, экономике творчества» [17, с. 12]. В этой экономике конкурируют не государства и страны, а территории и города. «Основные ресурсы, обеспечивающие благополучие территорий и городов, — информация, знания и творческая способность, то есть способность порождать новое» [17]. Чтобы привлечь в город людей, способных творить, необходимы культурное многообразие, культурная демократия, доступ различных агентов и институтов, участвующих в создании культуры, к государственным ресурсам на конкурсной основе, открытость городской среды [12]. Под культурной демократией вслед за Ч. Лэндри и Э. Гросжаном мы понимаем политику «обеспечения всех членов общества равными возможностями участия в создании и развитии современной культуры» в противовес «демократизации культуры», то есть политике предоставления возможности «большому количеству менее привилегированных граждан наслаждаться “культурным богатством”» [6]. Новая культурная политика, по мнению авторов ПКП, должна была потянуть за собой изменения городской среды, а вслед за этим и более широкие социальные и экономические изменения.

Такое понимание культурной политики легко согласовывалось с концепцией «открытого образования» как в информационно-технологическом, так и в общепедагогическом понимании. Не случайно в «Концепции культурной политики Пермского края» образовательный проект был отнесен к числу флагманских и включал следующие уровни реализации: «1) развитие системы повышения квалификации для работников культуры и творческих предпринимателей; 2) создание современной лицензированной образовательной программы в области менеджмента в культуре (от российской магистратуры до MBA и бакалавриата в области менеджмента современной культуры и искусства); 3) создание курсов эстетического и специализированного “образования для всех”, в том числе общедоступных курсов по направлениям “современная культура”, “современное искусство”, “творческое мышление”» [17, с. 37].

Наиболее полно и доступно суть образовательного проекта идеологи ПКП излагали в своих выступлениях и интервью. Так, Олег Ощепков, экс-министр культуры и один из проводников новой культурной политики, на семинаре муниципальных работников культуры в г. Кудымкаре (октябрь 2011 г.) утверждал следующее: «Мы привозим в Пермь на фестиваль “Белые Ночи” лучших мировых исполнителей, лучшие коллективы, чтобы вы смогли увидеть и научиться у них» [Личный архив авторов]. Этот мотив стал практически ведущим при организации и проведении многочисленных фестивалей театра, кино и литературы, а также в деятельности Музея современного искусства PERMM, Перм-

ского центра развития дизайна и иных культурных институций.

Характеризуя один из принципов ПКП «обучаем, действуя», авторы Концепции культурной политики писали: «Текущая практика и перспективные проекты (такие как Пермский открытый университет) — плацдарм для обучения и повышения квалификации, формирования новой генерации менеджеров, творцов, зрителей, меценатов [17]. В соответствии с принципом непрерывного образования все проекты включают в себя разнообразные образовательные компоненты (экскурсии, лекции, конференции и т.п.) и, в свою очередь, привлекают преподавательские, абитуриентские, студенческие, аспирантские ресурсы, предоставляют рабочие места дипломированным специалистам» [17, с. 16].

Но уже к 2010 г. идеологи ПКП стали понимать, что многое из реализуемого ими в сфере культуры остается непонятым и недоступным для большинства пермяков, включая работников культуры [14]. Последних, в силу ведомственного подчинения, можно было убедить или заставить включаться в реализацию культурной политики. Но для широкой публики, включая молодежь и подростков, необходимо было придумать иные механизмы вовлечения и ознакомления с культурными новациями. И одной из самых больших проблем пермского культурного проекта стали ведомственные барьеры между образованием и культурой.

В какой-то мере эту проблему стремились решить появлением посредника между культурой и образованием, тьютора. В октябре 2011 г. при поддержке Министерства образования РФ и Министерства культуры Пермского края (финансирование семинара) было решено провести Всероссийский методологический семинар «Театр, кино, музей — для новой школы» [24].

Целью семинара являлась координация деятельности учреждений культуры и образования в области тьюторских технологий, а задачами — выявление опыта тьюторского сопровождения в сфере образования, выявление опыта тьюторского сопровождения в сфере культуры и представление модели взаимодействия учреждений культуры и образования через тьюторские технологии. В итоговом документе семинара эксперты и участники отметили, что Пермский край в последние годы стал инициатором и лидером по продвижению новых форм культурной и образовательной деятельности, здесь существуют благоприятные условия для развития тьюторских технологий не только в сфере образования, но и культуры. Тут было впервые обозначено, что Пермский край может стать экспериментальной площадкой по отработке моделей подготовки тьюторов для сферы культуры и образования, а также моделей координации деятельности учреждений образования и культуры в сфере творческого образо-

вания молодежи. В том же 2011 г. был проведен двухдневный семинар «Культура и образование» с приглашением агентства «Творческие индустрии» [7, с. 46]. Итогом работы семинара стали «Карты культурных и образовательных инициатив города Перми». Наконец, опыт Пермского края в сфере тьюторского сопровождения был представлен на открытом заседании «Большого правительства», посвященного культурным аспектам регионального развития (Санкт-Петербург, 2011) [<http://maratguelman.livejournal.com/2415688.html>].

Заключительные замечания

Идея тьютора в сфере культуры на первый взгляд может показаться новым изданием традиционного похода класса в музей или театр. Однако это не так. Во-первых, тьютор выступает принципиально с иных позиций, нежели учитель мировой художественной культуры или литературы. Идея тьюторства ближе к концепции культурной демократии, в то время как «культурный поход» есть прямая реализация принципа демократизации культуры.

Тьютор знакомит не с высокими образцами культуры, а с ресурсами достижения целей, сформулированных самим учеником. Так, документальное кино может стать инструментом знакомства с профессиями или рефлексии над собственными жизненными горизонтами, а театральная школа — местом приобретения компетенций. Во-вторых, для тьютории нет «высоких» и «низких» жанров, но есть культурные ресурсы. Тьютор помогает учащемуся сделать собственный выбор в многообразии культуры, найти подходящий ресурс для каждого конкретного человека. Наконец, тьютор мотивирует ученика не на потребление культуры, а на активное участие в творческих практиках. Поэтому культура здесь понимается уже не как закрытый перечень сфер деятельности (искусство, наука, литература), но как широкое поле деятельности по выработке смыслов и личных моделей поведения.

Иначе говоря, тьюторское понимание «открытого образования» предполагает расширение образовательного пространства до масштабов социального мира, превращение города в среду, способную образовывать и воспитывать [8].

Чтобы лучше понять смысл «открытого образования», приведем несколько примеров. Многочисленные фестивали времен ПКП создали благоприятную возможность для студенческого и школьного волонтерства и различных вариантов исследовательской деятельности. Это оказалось значимым как для гуманитарных, так и естественнонаучных специальностей и профилей обучения. Например, в рамках фестиваля документального кино «Флаэртиана» возникает проект «Вуз–Флаэртиана», к которому присоединились школы и даже детские сады. Именно это образова-

тельное направление фестиваля получило особую оценку жюри и экспертов. Впоследствии из этого проекта вырос департамент медиаобразования «Пермкино», до сих пор активно ведущий свою деятельность в среднем образовании региона.

Студенты пермских вузов в рамках ПКП участвовали в конкурсах проектов социально-культурной направленности, таких как «Творческая музейная студенческая лаборатория» (2012 г., ПГГПУ) и Школа арт-менеджмента «SAM» (2012–2014 гг., ПГГПУ). Последний проект особенно примечателен, так как был направлен на школьников: студенты своими силами организовали школу выходного дня, в рамках которой несколько десятков старшеклассников получили профессиональные пробы как в области искусств, так и в продвижении себя в социальной среде. Кстати, многие выпускники Школы арт-менеджмента сегодня учатся на соответствующих вузовских факультетах в Москве и Санкт-Петербурге.

В ходе реализации ПКП были поддержаны такие образовательные инициативы, как театральная школа К. Хабенского, Пермская школа дизайна «Точка» (создана на базе общеобразовательной школы по инициативе Пермского центра развития дизайна и Э. Кагарова), Пермский открытый университет и др. Все они в той или иной сфере стали составными частями нового образовательного пространства, меняющего традиционные представления об образовании.

В заключение следует сказать о социальных последствиях новых образовательных практик, рассмотренных в этой статье, и перспективах их дальнейшего распространения. К числу первых можно, безусловно, отнести зарождение и постепенную институционализацию новых форм досуга горожан, в которых в разной пропорции смешаны самообразование, развлечение и потребление. Это не только сохранившиеся на территории края фестивали, поддерживаемые Министерством культуры, но и самостоятельные, общественные мероприятия, такие как ярмарки типа «Гагарин-маркет» и «Ред-маркет», гражданские фестивали «Пост-пилорама» (2015 г.) и «Мосты» (2016 г.), частные музеи и центры культуры.

В рамках этих форм заметно ускорилось формирование новой городской субкультуры, которую обычно связывают с креативным классом и «хипстерами». В связи с этим можно говорить о значительном проникновении новых образовательных форм и в традиционные образовательные институты, например, в среднее и высшее образование [13].

Думается, что через некоторое время это приведет к существенному изменению всей образовательной среды или хотя бы ее существенного сегмента. Впрочем, эта гипотеза нуждается в дополнительных исследованиях и проверках.

Список литературы

1. *Бауман З.* Текущая модернность: взгляд из 2011 года: лекция. URL: <http://polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman.html> (дата обращения: 01.07.2016).
2. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 383 с.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 354 с.
5. *Галактионова Т.Г., Казакова Е.И.* Об отражении понятия «открытое образование» в педагогической теории и практике // Эмиссия. Письма Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электрон. науч. журн. 2012. № 3. URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1752.htm> (дата обращения: 01.07.2016).
6. *Гросжан Э.* Культурная демократия: способы и средства // Экология культуры: информационный бюллетень / гл. ред. Л. Востряков; Комитет по культуре администрации Архангельской области. Архангельск: Ин-т экол. проблем Севера УрО РАН. 1997. С. 72–83.
7. *Игнатьева О.В.* Образование как новая культурная практика // Пермский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 43–48.
8. *Игнатьева О.В., Лысенко О.В., Черникова И.Ю.* Тьюторское сопровождение как фактор социализации одаренных детей. Пермь: Пушка, 2015. 134 с.
9. *Иллич И.* Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006. 160 с. URL: http://www.eusi.ru/lib/illic_osvobogdenie/index.php (дата обращения: 01.07.2016).
10. *Кейптаунская декларация открытого образования:* Открывая будущее открытым образовательным ресурсам. URL: <http://www.capetowndeclaration.org/translations/russian-translation> (дата обращения: 01.07.2016).
11. *Лэйн Э.* Глобальные тенденции в развитии и использовании открытых образовательных ресурсов и их роль в реформе образования. ИИТО ЮНЕСКО, 2010. URL: http://iite.unesco.org/files/policy_briefs/pdf/en/global_trends.pdf (дата обращения: 01.07.2016).
12. *Лэндри Ч.* Креативный город. М.: Классика–XXI, 2006. 399 с.
13. *Лысенко О.В.* Последствия Пермского культурного проекта (по материалам социологических исследований). Статья первая // Неприкосновенный запас. 2016. № 1. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6957#sthash.Tf7FQpgz.dpuf> (дата обращения: 01.07.2016).
14. *Лысенко О.В.* Патриоты и прогрессоры: конфликт как способ конструирования локальных дискурсов // Лабиринт. 2015. № 1. С. 91–119.
15. *Образование:* сокрытое сокровище. Основные положения доклада Международной комиссии по образованию для XXI века / ЮНЕСКО, 1996. URL: <http://www.ifap.ru/library/book201.pdf> (дата обращения: 01.07.2016).
16. *Огурцов А.П., Платонов В.В.* Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.
17. *Пермский проект.* Концепция пермской культурной политики. Пермь, 2010. 58 с.
18. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
19. *Программа общественного фестиваля «Мосты – 2016».* Пермь, 2016. URL: <http://mostly-fest.ru/wp-content/uploads/2016/05/0002.jpg> (дата обращения: 01.07.2016).
20. *Пэнто Л.* Личный опыт и научное требование объективности / Шампань П., Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л. Начала практической социологии. М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1996. 240 с.
21. *Робинсон К.* Призвание. Как найти то, для чего вы созданы, и жить в своей стихии / Кен Робинсон при участии Лу Ароники; пер. с англ. В. Кукушкиной. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. 304 с.
22. *Робинсон К.* Новый взгляд на систему образования. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1G3Куу_UbjQ (дата обращения: 01.07.2016).
23. *Стерлинг Б.* Будущее уже началось: Что ждет каждого из нас в XXI веке? Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 264 с.
24. *Театр, кино, музей — для новой школы: матер. Всерос. метод.семинара «Театр, кино, музей — для новой школы» (г. Пермь, 26–27 октября 2011 г.) /* отв. ред. О.В. Игнатьева / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2011. 172 с.
25. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2007. 355 с.
26. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2015. 416 с.
27. *Atkins D.E., Seely Brown J., Hammond A.L.* A Review of the Open Educational Resources (OER) Movement: Achievements, Challenges, and New Opportunities. A Report to The William and Flora Hewlett Foundation. 2007. URL: http://www.oerders.org/wp-content/uploads/2007/03/a-review-of-the-open-educational-resources-oer-movement_final.pdf (accessed: 01.07.2016).
28. *Bourdieu P., Saint Martin M.* Les categories de l'emendement professoral // Actes de la recherché en sciences sociales. 1975. № 3. P. 68–93.
29. *Marcuse H.* Intervju // Knjizevne novine. Belgrad, 1968. № 336. S. 8–9.

Получено 06.06.2016

References

1. Bauman Z. *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda: lektsiya* [The fluid modernity: a view from 2011: lecture]. Available at: <http://polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman.html> (accessed 01.07.2016). (In Russian).
2. Beck U. *Obschestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk society. Towards a new modernity]. Moscow, Progress–Traditsiya Publ., 2000, 383 p. (In Russian).
3. Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti* [The social construction of reality]. Moscow, Medium Publ., 1995, 323 p. (In Russian).
4. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of the leisure class]. Moscow, Progress Publ., 1984. 354 p. (In Russian).
5. Galaktionova T.G., Kazakova E. I. [The «open education» concepts reflection in pedagogical theory and practice]. *Emissiya. Pis'ma offlain* [The Emissia. Offline Letters]. 2012, № 3. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2012/1752.htm> (accessed 01.07.2016). (In Russian).
6. Groszhan E. [Cultural democracy: the ways and means]. *Ekologiya kultury: informatsionnyy byulleten* [Culture ecology: information bulletin]. Arkhangelsk, 1997, pp. 72–83. (In Russian).
7. Ignat'eva O.V. [Education as new culture practice]. *Permskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Perm pedagogic journal]. 2014, № 6, pp. 43–48. (In Russian).
8. Ignateva O.V., Lysenko O.V., Chernikova I.Yu. *Tyutorskoe soprovozhdeniye kak faktor sotsializatsii odarennykh detey* [Tutor support as a factor of socialization of gifted children] Perm, Pushka Publ., 2015, 134 p. (In Russian).
9. Illich I. *Osvobozhdeniye ot shkoly. Proportionalnost i sovremennyy mir* [Deschooling society. Proportionality and the Modern World]. Moscow, Prosvescheniye, 2006, 160 p. Available at: <http://www.eusi.ru/lib/illic-osvobozhdeniye/index.php> (accessed 01.07.2016). (In Russian).
10. *Keyptaunskaya deklaratsiya otkrytogo obrazovaniya: Otkryvaya budushee otkrytym obrazovatelnyim resursam* [The Cape Town Open Education Declaration: Opening the future open educational resources]. Available at: <http://www.capetowndeclaration.org/translations/russian-translation> (accessed 01.07.2016). (In Russian).
11. Leyn E. [Global trends in the development and use of open educational resources and their role in education reform]. IITO YuNESKO, 2010. Available at: http://iite.unesco.org/files/policy_briefs/pdf/en/global_trends.pdf (accessed 01.07.2016). (In Russian).
12. Lendri Ch. *Kreativnyy gorod* [Creative city]. Moscow, Klassika–XXI Publ., 2006, 399 p. (In Russian).
13. Lysenko O.V. [The Effects of the Perm cultural project (on materials of sociological research). Article first]. *Neprikosnovennyy zapas* [Reserve stock]. 2016. № 1. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/6957#sthash.Tf7FQPgz.dpuf> (accessed 01.07.2016). (In Russian).
14. Lysenko O.V. [Patriots and progressors: conflict as a way of constructing local discourses] *Labirint* [Labyrinth]. 2015, № 1, pp. 91–119. (In Russian).
15. *Obrazovanie: sokrytoe sokrovische. Osnovnyye polozeniya Doklada Mezhdunarodnoy komissii po obrazovaniyu dlya XXI veka* [Learning: The Treasure Within. The main provisions of the Report of the International Commission on education for the twenty-first century]. YuNESKO, 1996. Available at: <http://www.ifap.ru/library/book201.pdf> (accessed 01.07.2016). (In Russian).
16. Ogurtsov A.P., Platonov V.V. *Obrazy obrazovaniya. Zapadnaya filosofiya obrazovaniya. XX vek* [Images of education. Western philosophy of education] Saint Petersburg, RKhGI Publ., 2004, 520 p. (In Russian).
17. *Permskiy proekt. Kontseptsiya permskoy kulturnoy politiki* [The Perm project. The concept of cultural policy of Perm region] Perm, 2010, 58 p. (In Russian).
18. Popper K. *Otkrytoe obschestvo i ego vragi* [The open society and its enemies]. Moscow, Feniks Publ., Mezhdunarodnyy fond «Kulturnaya initsiativa» Publ., 1992, 528 p. (In Russian).
19. *Programma obschestvennogo festivalya «Mosty – 2016»* [The program of the public festival «Mosty – 2016»] Perm, 2016. Available at: <http://mosty-fest.ru/wp-content/uploads/2016/05/0002.jpg> (accessed 01.07.2016). (In Russian).
20. Pento L. [Personal experience and the scientific requirement of objectivity]. *Shampan P., Lenuar R., Merle D., Pento L. Nachala prakticheskoy sotsiologii* [Beginnings of practical sociology]. Moscow, Institut eksperimentalnoy sotsiologii Publ., 1996, 240 p. (In Russian).
21. Robinson K. *Prizvanie. Kak nayti to, dlya chego vy sozdany, i zhit v svoey stikhii* [The Element: How Finding Your Passion Changes Everything]. Moscow, Mann Publ., Ivanov i Ferber Publ., 2010, 304 p. (In Russian).
22. Robinson K. *Novyy vzglyad na sistemu obrazovaniya* [A new look at the education system]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=1G3Kyu_UbjQ (accessed 01.07.2016). (In Russian).
23. Sterling B. *Budushee uzhe nachalos: Chto zhdet kazhdogo iz nas v XXI veke?* [Tomorrow Now: Envisioning the next fifty years]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005, 264 p. (In Russian).
24. *Teatr, kino, muzey — dlya novoy shkoly. Materialy Vserossiyskogo metodicheskogo seminarina «Teatr, kino, muzey — dlya novoy shkoly» (g. Perm, 26 – 27 oktyabrya 2011 g.)* [Theatre, cinema, museum — for new school: Proceedings of All-Russia methodical workshop «Theatre, cinema, museum — for new school»]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2011, 172 p. (In Russian).

25. Florida R. *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushee* [Creative class: people that change the future]. Moscow, Klassika XXI Publ., 2007, 355 p. (In Russian).
26. Fuko M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison] Moscow, Ad Marginem Publ., 2015, 416 p. (In Russian).
27. Atkins D.E., Seely Brown J., Hammond A.L. *A Review of the Open Educational Resources (OER) Movement: Achievements, Challenges, and New Opportunities. A Report to The William and Flora Hewlett Foundation.* 2007. P. 4. Available at: http://www.oerders.org/wp-content/uploads/2007/03/a-review-of-the-open-educational-resources-oer-movement_final.pdf (accessed 01.07.2016). (In English).
28. Bourdieu P., Saint Martin M. Les categories de l'emendement professoral. *Actes de la recherche en sciences sociales.* 1975, № 3, pp. 68–93. (In French).
29. Marcuse H. Intervju. *Knjizevne novine.* Belgrad, 1968. № 336, S. 8–9. (In Serbian).
- The date of the manuscript receipt 06.06.2016

Об авторах

Игнатьева Оксана Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой культурологии

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: ignatieva2007@rambler.ru

Лысенко Олег Владиславович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры культурологии

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: oleg-lysenko@yandex.ru

Черникова Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент,
директор Института непрерывного образования

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: icher08@list.ru

About the authors

Ignatieva Oksana Valer'evna

Ph.D. in Historical Sciences, Docent,
Head of the Department of Cultural Studies

Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ignatieva2007@rambler.ru

Lysenko Oleg Vladislavovich

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Cultural Studies

Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: oleg-lysenko@yandex.ru

Chernikova Irina Yurievna

Ph.D. in Pedagogics, Associate Professor,
Head of the Institute of Continuing Education

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: icher08@list.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Игнатьева О.В., Лысенко О.В., Черникова И.Ю. Тьюторство в культуре: новые образовательные практики Пермского культурного проекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 81–90. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-81-90

Please cite this article in English as:

Ignatieva O.V., Lysenko O.V., Chernikova I.Yu. Tutoring in the culture: a new educational practice of the Perm cultural project // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 81–90. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-81-90

УДК 316.356.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-91-98

СТИМУЛИРОВАНИЕ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА НА ПЕРИНАТАЛЬНОЙ И МЛАДЕНЧЕСКОЙ СТАДИЯХ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА: АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРАКТИК*

Багирова Анна Петровна, Шутова Наталья Викторовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Статья посвящена относительно новой категории в социологии — категории родительского труда. Данный вид труда рассматривается как деятельность по рождению, уходу, воспитанию, обучению и развитию детей, их социализации и дальнейшей профессионализации, направленная на формирование и развитие человеческого капитала и выполняемая родителями и другими субъектами труда.

Предметом исследования являются ключевые параметры родительского труда, реализуемого на перинатальной стадии. Цель работы — выявить сходства и отличия государственных социальных политик ряда стран, направленных на стимулирование родительского труда на этой стадии. Проанализированы меры поддержки в Новой Зеландии, Хорватии, Швеции, Исландии и России.

В результате проведенного исследования выявлена дифференциация стран по следующим параметрам стимулирования родительского труда на перинатальной стадии: субъект родительского труда, труд которого стимулируется; наличие / отсутствие мер стимулирования факта рождения ребенка; наличие / отсутствие мер стимулирования подготовки к реализации качественного труда на перинатальной стадии; наличие / отсутствие поддержки решения субъекта труда о совмещении родительского и профессионального труда; наличие в государственной политике мер, направленных на сохранение рабочего места в сфере профессионального труда на период реализации родительского труда. Выявлены преимущества и недостатки реализуемых в настоящее время мер поддержки родительского труда на перинатальной стадии.

Результаты проведенного исследования углубляют понимание феномена родительского труда в социологии семьи, социологии труда, демографии. Они могут быть полезны специалистам сферы государственного и муниципального управления, занимающимся вопросами реализации семейной и демографической политики, развития человеческого капитала.

Ключевые слова: родительский труд, субъект родительского труда, государственная социальная политика, стимулирование родительского труда.

PARENTAL WORK STIMULATION AT PERINATAL AND INFANT PERIODS OF CHILD EVOLUTION: CONTEMPORARY PRACTICE ANALYSIS

Anna P. Bagirova, Natalia V. Shutova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article is devoted to a relatively new category in sociology — the category of parental work. This type of work is considered as an activity by birth, care, education, training and development of children, their socialization and further professionalisation. This activity aimed at the formation and development of human capital and performed by parents and other subjects of work.

The subject of research are the key parameters of parental work, implemented on the perinatal stage. Purpose the research — to identify the similarities and differences between state social policies of some countries, helping to stimulate parental work at this stage. In this article support measures that exist in New Zealand, Croatia, Sweden, Iceland and Russia are analysed.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ», № 16-32-00020).

As a result of the research, we have identified the differentiation of countries according to the following parameters to stimulate parental work on perinatal stage: the subject of parental work, whose work is stimulated; presence / absence of measures of stimulation of preparation for the implementation of quality work on the perinatal stage; presence / absence of support of the decision of the subject of work to combine the parental and professional work; presence of measures in state policy which aimed at the preservation of the workplace in the sphere of professional labor for the period of parental work. The advantages and disadvantages of currently implemented measures of support of parental work on the prenatal stage are revealed.

Results of the study develop an understanding of the phenomenon of parental work in sociology of family, sociology of labor and demography. In addition, they can be useful to specialists of the sphere of state and municipal government, concerned with the questions of family and demographic policy, development of human capital.

Keywords: parental work, the subject of parental work, state social policy, encouraging of parental work.

В последнее время одной из наиболее острых проблем в России является низкий уровень естественного прироста населения в стране. Даже несмотря на определенное улучшение в 2000-е г., связанное с относительным повышением уровня жизни и предпринимаемыми государством мерами по стимулированию рождаемости, а также на включение в 2014 г. в состав Российской Федерации большей части территории Крымского полуострова, демогра-

фический рост остается на низком уровне. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики численность населения, перестав сокращаться в 2009 г. и остановившись на отметке 142,7 млн. человек, начала несколько увеличиваться, достигнув в 2015 г. 146,3 млн. человек [3] (данные о динамике численности населения России с 2001 по 2015 г. представлены на рис. 1).

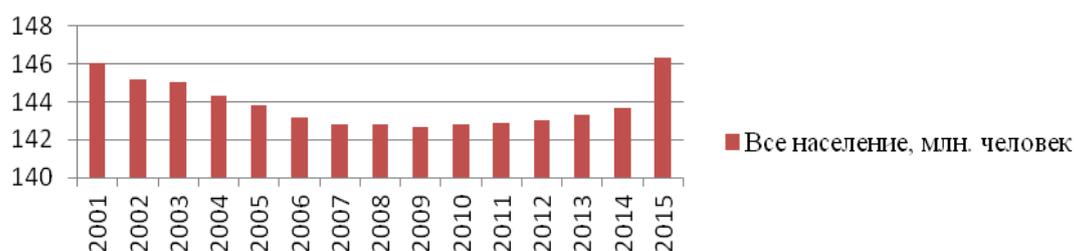

Рис. 1. Численность населения России с 2001 по 2015 г.

Однако несмотря на некоторое увеличение численности населения и наметившийся положительный естественный прирост (в 2013 г. составивший 24,0 тыс. чел., в 2014 г. — 30,3 тыс. чел.; до 2013 г. показатель был стабильно отрицательным), по прогнозам демографов, в перспективе сохранятся негативные тенденции, связанные со старением и сокращением численности населения России. Даже при наиболее благоприятных условиях в 2030 г. уровень смертности населения превысит уровень рождаемости; при любых вариантах прогноза естественный прирост населения будет отрицательным [4]. Демографический прогноз на 2030 г. представлен в табл. 1.

Снижение естественного прироста населения в России связано с изменениями, происходящими в экономической, политической и социокультурной сферах российского общества на протяжении последних десятилетий. Поэтому изучать причины демографических проблем и способы стимулирования

рождаемости в России необходимо с позиций разных дисциплин: экономики, социологии, психологии, политологии, юриспруденции и др. Одним из подходов может стать рассмотрение демографических проблем с позиции родительского труда, который позволяет учесть два важнейших аспекта сложившейся демографической ситуации в России — депопуляции и снижения качества населения. Подход с позиции родительского труда является междисциплинарным, поскольку учитывает несколько групп причин сегодняшней ситуации с рождаемостью — экономические, социальные, юридические, психологические и т.д. На данный момент феномен родительского труда стал актуальной исследовательской тематикой.

Таблица 1. Демографический прогноз на 2030 г. по показателям естественного движения населения: рождаемость, смертность, естественный прирост

Годы	Всего, человек			На 1000 населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
Низкий вариант прогноза						
2016	1828302	1877509	-49207	12,5	12,8	-0,3
2030	1200672	2059316	-858644	8,4	14,4	-6,0
Средний вариант прогноза						
2016	1879727	1828081	51646	12,8	12,5	0,4
2030	1419887	1923553	-503666	9,6	13,0	-3,4
Высокий вариант прогноза						
2016	1928604	1780738	147866	13,1	12,1	1,0
2030	1499120	1818237	-319117	9,9	12,0	-2,1

Что такое родительский труд?

Родительский труд рассматривается нами как «процесс сознательной, целесообразной деятельности людей, с помощью которой они формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала, удовлетворяя в процессе этого труда как общественные, так и личные потребности» [1]. В исследованиях М.М. Пшеничниковой под родительским трудом понимается «особый вид трудовой деятельности по рождению, уходу, воспитанию, обучению и развитию детей, их социализации и дальнейшей профессионализации, выполняемой родителями, родственниками и специалистами сферы социальной репродукции на всех стадиях воспроизводства человеческих ресурсов — от перинатальной до инкорпоративной» [1, 2].

В социологии перспективно появление таких исследовательских сюжетов, как отношение к родительскому труду общества и самих субъектов этого труда; изучение факторов, формирующих отношение к родительскому труду; проявление отношения к родительскому труду в мотивации и содержании труда; формирование мотивов родительского труда и специфика мотиваций в разных типах семей; оценка содержания и эффективности стимулов родительского труда; выявление и анализ взаимосвязи и характера взаимодействия мотивов и стимулов родительского труда; формирование установок на родительский труд; удовлетворенность процессом реализации и результатами родительского труда его субъектов.

Практическая значимость социологического изучения родительского труда связана с тем, что в современном российском обществе перед родительским трудом и трудом профессиональным стоят не только

индивидуальные, но и равнозначные по важности глобальные общественные задачи. Однако отношение общества к этим двум видам труда кардинально различается. Так, если сфера профессионального труда обеспечивает своим работникам определенный социально-экономический статус, то родительский труд считается значительно менее статусным, достойным гораздо меньшего вознаграждения (как материального, так и морального). Такое отношение в обществе к этому виду труда сформировало неудовлетворенность населения, связанную с несоответствием между его сложным содержанием и неэффективно работающей системой его стимулирования, слабой организацией и недостаточно развитыми условиями его осуществления. В свою очередь, все это сказалось и еще будет сказываться на объеме и качестве человеческого капитала.

Родительский труд многостадийен. Первой и одной из наиболее важных стадий в его структуре является перинатальная стадия, которая начинается с 28-й недели беременности и до конца первой недели жизни новорожденного. На этой стадии содержанием родительского труда является осуществление моральной и физической подготовки к родам, а также непосредственный уход за ребенком в первые дни после рождения. Перинатальную стадию родительского труда сменяет младенческая, содержанием которой являются не только уход, но и развитие ребенка в первые годы его жизни. Эти две стадии крайне важны, так как именно в это время закладывается будущее физическое и психическое развитие ребенка, т.е. будущего человеческого капитала. Рассмотрим особенности стимулирования родительского труда на ранних стадиях в Новой Зеландии, Хорватии, Швеции, Исландии и России.

Как государственная социальная политика стимулирует реализацию родительского труда на его ранних стадиях?

В современном мире согласно данным Международной организации труда (МОТ) в большинстве государств мира признается важность и значение процесса реализации родительского труда на его начальных стадиях. В последнем докладе МОТ «Материнство и отцовство в сфере труда: законодательство и правоприменительная практика во всем мире» сказано, что защита материнства является фундаментальным правом человека и важным элементом всеобщей политики в семейной и трудовой сферах. Отмечено также, что защита материнства положительно влияет на здоровье родителей и детей, позволяет устранять гендерную дискриминацию на рабочих местах [7].

В докладе МОТ говорится о том, что многие государства развивают или уже имеют социальную политику по защите субъектов родительского труда на перинатальной и младенческой стадиях, предоставляя различные виды отпусков как беременным женщинам, так и родителям — матерям и отцам (дородовой, послеродовой, отпуск по уходу за ребенком до достижения им определенного воз-

раста и т.д.), которые материально и морально стимулируют процесс реализации родительского труда на его первых стадиях. «Оплачиваемый отпуск для матерей является ключевым показателем здоровья и экономической защиты работающих женщин и их детей — будущего человеческого капитала» [7]. По последним данным МОТ «66 стран мира являются участниками, по крайней мере, одной из конвенций по защите материнства: Конвенция по защите материнства от 1919 г. (№ 3), Конвенция по охране материнства от 1952 г. (№ 103) и Конвенция по защите материнства от 2000 г. (№ 183)» [7].

На сегодняшний день в 98 государствах мира обеспечивается стимулирование родительского труда на перинатальной и младенческой стадиях путем предоставления отпусков матерям не менее 14 недель, что соответствует стандарту Международной организации труда [7]. В 42 странах предоставляется отпуск от 18 и более недель. Отпуск менее 12 недель предоставляется в странах Ближнего Востока и Африки. Данные по продолжительности предоставляемых отпусков, стимулирующих реализацию родительского труда на его ранних стадиях, представлены на рис. 2.

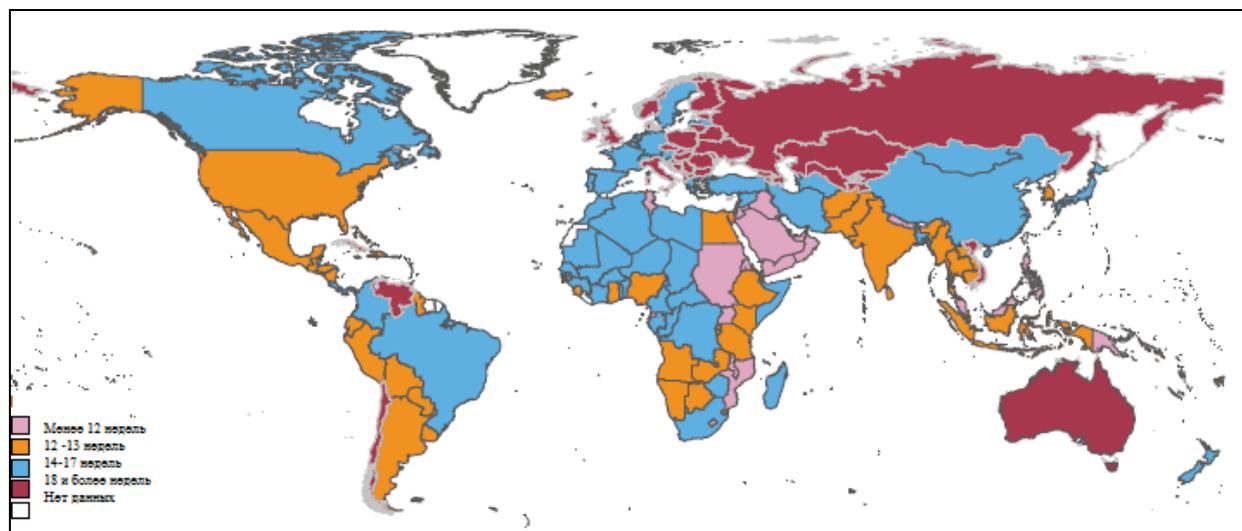

Рис. 2. Продолжительность материнских отпусков (источник: доклад МОТ, 2014)

Отдельной темой доклада МОТ стала материальная составляющая отпусков. Согласно последним данным только в трех странах мира — США, Омане и Папуа-Новой Гвинее государство не оплачивает отпуска, т.е. финансово не стимулирует процесс реализации родительского труда на его начальных стадиях. Во всех остальных исследуемых МОТ странах матери или отцы — субъекты родительского труда — получают выплаты за отпуска из государственного бюд-

жета или от работодателей (рис. 3). В 107 государствах стимулируют родительский труд на перинатальной стадии, финансируя выплату пособий через систему социального страхования. В 47 странах отпуска оплачивают работодатели, а в 29 действуют другие схемы выплат. В 74 странах родительский труд на перинатальной и младенческой стадиях стимулируется следующим образом: выплачивается пособие в размере минимум двух третей от заработной

платы за профессиональный труд в течение как минимум 14 недель. В 78 странах отцы имеют законное право на отпуск. В 70 странах этот отпуск оплачива-

ется, что отражает общую тенденцию к более активному вовлечению отцов в процесс реализации родительского труда на его первых стадиях [7].

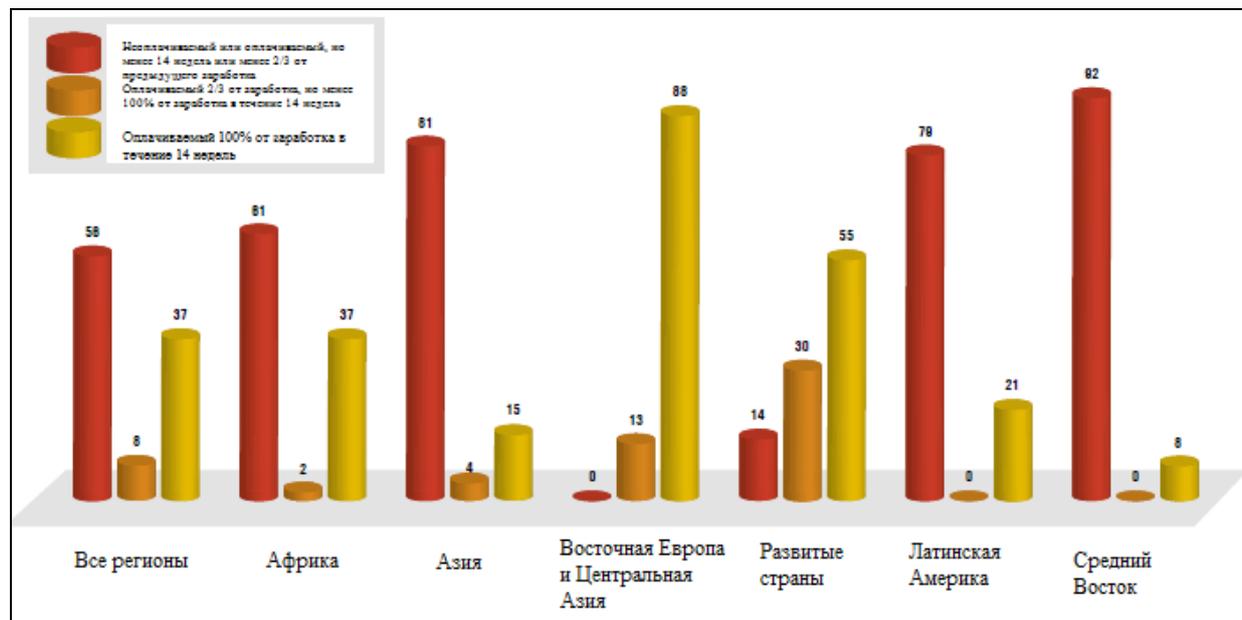

Рис. 3. Выплата денежных пособий по отпускам по регионам (источник: доклад МОТ, 2014)

Как стимулируется родительский труд на его начальных стадиях в разных странах?

На основании доклада Международной организации труда проведем анализ действующих в различных государствах мер по поддержке беременных женщин и родителей, стимулирующих родительский труд на перинатальной и младенческой стадиях.

В Новой Зеландии женщинам, работающим у одного работодателя не менее шести месяцев до предполагаемой даты родов, или не менее одного часа в неделю или 40 часов в месяц, полагается оплата отпуска в течение 14 недель в размере 100 % от заработка до максимальной выплаты в размере 400 \$ в неделю. Самозанятые женщины, проработавшие минимум шесть месяцев хотя бы 10 часов в неделю, получают 100 % от их среднего заработка за неделю или же 130 \$ в неделю в течение 14 недель. Также могут быть сделаны альтернативные выплаты всем безработным беременным женщинам, если они проживают на территории страны не менее двух лет [7].

В Хорватии беременные женщины, в том числе являющиеся стажерами, штатными учениками, работающими по временным контрактам или самозанятые, имеют право на отпуск по беременности и родам 58 недель. До конца отпуска по беременности и родам (до достижения ребенком 6-месячного возраста) выплачивается пособие в 100 % размере от заработка из Фонда медицинского страхования Хор-

ватии. Далее родительский труд на младенческой стадии стимулируется путем выплаты пособия до достижения ребенком возраста одного года по единой ставке — 300–450 \$ в месяц из бюджета государства [7].

Страны Северной Европы (Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция) являются «пионерами» в развитии политики родительских отпусков и здравоохранения [8, 9]. Например, в Исландии, Финляндии и Швеции с 1970-х г. XX в. обеспечивается процесс реализации родительского труда на младенческой стадии через оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком отцам.

В Швеции матери имеют право на 14 недель отпуска, из которых 2 недели являются обязательными. Отцам также положено давать 10 дней отпуска после рождения ребенка. Кроме того, шведские родители имеют право взять до 18 месяцев дополнительного родительского отпуска. Такие меры по стимулированию родительского труда были приняты с 1970-х г. XX в. для обеспечения гендерного равенства. Кроме того, до достижения ребенком возраста 8 лет шведские матери вправе требовать от работодателя частичной занятости либо гибкого рабочего графика [8].

В Исландии проводится другая политика предоставления отпусков, стимулирующих родительский труд на перинатальной и младенческой стадиях. Здесь семьи имеют право на 9 месяцев (36 недель) оплачиваемого отпуска (с 80 %-ной выплатой от за-

работной платы) на каждого ребенка. Из этих девяти месяцев три закрепляются за матерью и три — за отцом. Оставшиеся три месяца распределяются между родителями по их желанию, что дает им возможность планировать свой родительский труд [8]. Кроме того, при рождении ребенка каждая семья в Исландии получает 25 тысяч евро. Благодаря таким мерам по поддержке родительского труда на перинатальной и младенческой стадиях в Исландии согласно последним статистическим данным установилась самая высокая рождаемость в Европе [8].

В России право на отпуск по беременности и родам, стимулирующее реализацию родительского труда на перинатальной и младенческой стадиях, регулируется ст. 255 Трудового кодекса РФ. По действующему трудовому законодательству отпуск предоставляется женщинам по их заявлению и на основании выданного в установленном порядке листка нетрудоспособности продолжительностью 70 (в случае многоплодной беременности — 84) календарных дней до родов и 70 (в случае осложненных родов — 86, при рождении двух или более детей — 110) календарных дней после родов с выплатой пособия по государственному социальному страхованию в установленном федеральными законами размере. Отпуск по беременности и родам исчисляется суммарно и предоставляется женщине полностью, независимо от числа дней, фактически использованных ею до родов [5].

Согласно Федеральному закону «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995, размер пособия по беременности и родам зависит от статуса получательницы. Работающие женщины получают пособие в размере 100 % среднего заработка; женщины, уволенные в связи с ликвидацией организации, — в размере 300 руб.; студентки — в размере стипендии; военнослужащие-контрактницы — в размере денежного довольствия. Если стаж застрахованной женщины составляет менее шести месяцев, то она может рассчитывать на пособие в размере не выше минимального размера оплаты труда (в 2016 г. он составляет 6 204 руб.).

Кроме того, согласно тому же Федеральному закону женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности (до двенадцати недель), выплачивается единовременное пособие. В 2016 г. его размер составляет 300 руб. Также согласно ст. 11 ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» при рождении ребенка один из родителей либо лицо, его заменяющее, имеет право на получение единовременного пособия. Размер единовременного пособия при рождении ребенка в 2016 г. составляет 8 000 руб. [6].

Согласно ст. 256 ТК РФ после окончания отпуска по беременности и родам по заявлению женщины

ей предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Порядок и сроки выплаты пособия по государственному социальному страхованию в период указанного отпуска определяются федеральными законами, в частности ст. 15 ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». Отпуска по уходу за ребенком могут быть использованы полностью или по частям также другими субъектами родительского труда — отцом ребенка, бабушкой, дедом, другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком. По заявлению женщины или того, кто использует отпуск по уходу за ребенком, во время этого отпуска они могут работать на условиях неполного рабочего времени или на дому с сохранением права на получение пособия по государственному социальному страхованию. На период отпуска по уходу за ребенком за работником сохраняется место работы (должность) [5].

Анализ описанных государственных социальных политик Хорватии, Новой Зеландии, Швеции, Исландии и России, стимулирующих процесс реализации родительского труда на перинатальной и младенческой стадиях, представлен в табл. 2.

Подводя итог анализу различных существующих государственных социальных политик, стимулирующих процесс реализации родительского труда на его начальных стадиях, можно сделать следующие выводы. Выделяется несколько направлений стимулирования родительского труда на его ранних стадиях, на которых строятся различные государственные социальные политики:

1) оплачиваемые (или неоплачиваемые) отпуска в сфере профессионального труда, позволяющие сконцентрироваться на функциях исключительно родительского труда: дородовой, послеродовой, отпуск по воспитанию ребенка до определенного возраста и т.д., а также предоставление других поддерживающих пособий и выплат;

2) возможность совмещать два вида труда — родительский и профессиональный путем предоставления гибких графиков работы субъектам труда;

3) сохранение рабочего места, связанного с профессиональным трудом, на время активной реализации функций родительского труда;

4) возможность использовать отпуска от профессионального труда для ухода за ребенком не только матерям, но и другим субъектам родительского труда (отцам, бабушкам и т.д.).

На наш взгляд, подобные формы поддержки стимулируют не только увеличение рождаемости, но и родительский труд на перинатальной и младенческой стадиях, а также дают возможность родителям больше времени и внимания уделять детям, что положительно влияет на гармоничное развитие будущего человеческого капитала. Вместе с тем сле-

дует отметить, что существующие в настоящее время государственные социальные политики имеют целый ряд недостатков. Во-первых, большинство из них направлены на стимулирование родительского труда только на перинатальной стадии и практически никак не стимулируют родительский труд на других его стадиях. Во-вторых, предпринимаемые государствами меры стимулируют исключительно количественный результат родительского труда, а

это в перспективе неизбежно приведет к ухудшению качества человеческого капитала. В-третьих, большинство государственных социальных политик, экономически поощряя родительский труд лишь на перинатальной и младенческой стадиях, не рассматривают его в качестве сложного многоэтапного процесса, результатом которого является будущий человеческий капитал страны.

Таблица 2. Сравнительный анализ разных государственных социальных политик, стимулирующих реализацию родительского труда на перинатальной стадии

Параметры стимулирования родительского труда на перинатальной стадии	Хорватия	Новая Зеландия	Швеция	Исландия	Россия
1. Субъект родительского труда, труд которого стимулируется					
А) мать	+	+	+	+	+
Б) отец	-	-	+	+	+
В) другие родственники	-	-	-	-	+
2. Стимулирование факта рождения ребенка	-	-	-	+	+
3. Стимулирование подготовки к реализации качественного труда на перинатальной стадии	-	-	-	-	+
4. Поддержка решения субъекта труда о совмещении родительского и профессионального труда	-	-	+	-	+
5. Сохранение рабочего места в сфере профессионального труда на период реализации родительского труда	+	+	+	+	+

Список литературы

- Багирова А.П., Быкова Д.Г., Ворошилова А.И. и др. Родительский труд: условия реализации, мотивы и результаты: монография / под общ. ред. проф. А.П. Багировой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 171 с.
- Багирова А.П., Шубат О.М., Пшеничникова М.М. Родительский труд: специфика анализа и управления: монография. Екатеринбург: УрФУ, 2013. 206 с.
- Демографический ежегодник России. 2015: стат. сборник / под ред. М.А. Дианова, С.Ю. Никитиной и др. М.: Росстат, 2015. 263 с.
- Демографический прогноз до 2030 года. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 06.04.2016).
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015) / Доступ из Справ.-правов. системы «КонсультантПлюс»: Законодательство: Версия Проф. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (дата обращения: 09.03.2016).
- Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О государственных пособиях граждан, имеющих детей» / Доступ из Справ.-правов. системы «КонсультантПлюс»: Законодательство:

Версия Проф. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=191390/> (дата обращения: 09.03.2016).

- International Labour Organization. Maternity and Paternity at Work: Law and Practice across the World. Geneva: International Labour Office, 2014. 193 p.
- Sabattini L., Crosby F.J. Work-Life Policies, Programs and Practices: helping women, men and workplaces // Handbook on Well-Being of Working Women / ed. by M.L. Connerley, J. Wu. Dordrecht: Springer, 2016. 2016. P. 415–428. DOI: 10.1007/978-94-017-9897-6_24.
- Waldfoegel J., McLanahan S. Work and Family: Introducing the Issue // The Future of Children. 2011. Vol. 21, no. 2. P. 3–14. DOI: 10.1353/foc.2011.0011.

Получено 21.04.2016

References

- Bagirova A.P., Bykova D.G., Voroshilova A.I. et al. *Roditel'skiy trud: usloviya realizatsii, motivy i rezultaty* [Parental work: realization conditions, motives and results]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2015, 171 p. (In Russian).
- Bagirova A.P., Shubat O.M., Pshenichnikova M.M. *Roditel'skiy trud: spetsifika analiza i upravleniya* [Parental work: analysis and management specifics]. Eka-

- terinburg, Ural Federal University Publ., 2013, 206 p. (In Russian).
3. *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2015* [Demographic yearbook of Russia. 2015]. Moscow, Rosstat Publ., 2015, 263 p. (In Russian).
 4. Demograficheskiy prognoz do 2030 goda [Demographic forecast up to 2030]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 06.04.2016). (In Russian).
 5. *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 30.12.2015)* [Russian Federation Labour code of 30.12.2001 No 197-FZ (edited 30.12.2015)]. SPS KonsultantPlyus: Zakonodatelstvo: Versiya Prof. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (accessed 09.03.2016). (In Russian).
 6. *Federalnyy zakon ot 19.05.1995 № 81-FZ (red. ot 29.12.2015) O gosudarstvennykh posobiyakh grazhdan, imeyuschikh detey* [Federal law of 19.05.1995 No 81-FZ (edited 29.12.2015) On state benefits to citizens having children]. SPS KonsultantPlyus: Zakonodatelstvo: Versiya Prof. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW;n=191390> (accessed 09.03.2016). (In Russian).
 7. International Labour Organization. Maternity and Paternity at Work: Law and Practice across the World. Geneva: International Labour Office, 2014. 193 p. (In English).
 8. Sabattini L., Crosby F.J. Work-Life Policies, Programs and Practices: helping women, men and workplaces. *Handbook on Well-Being of Working Women* / ed. by M.L. Connerley, J. Wu. Dordrecht: Springer, 2016. 2016, pp. 415–428. DOI: 10.1007/978-94-017-9897-6_24. (In English).
 9. Waldfogel J., McLanahan S. Work and Family: Introducing the Issue. *The Future of Children*. 2011, vol. 21, no 2. pp. 3–14. DOI: 10.1353/foc.2011.0011. (In English).

The date of the manuscript receipt 21.04.2016

Об авторах

Багирова Анна Петровна

доктор экономических наук,
профессор кафедры социологии и технологий
государственного и муниципального управления

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Шутова Наталья Викторовна

аспирант кафедры социологии и технологий
государственного и муниципального управления

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: ShutovaNV@list.ru

About the authors

Bagirova Anna Petrovna

Doctor of Economic Sciences, Professor
of the Department of Sociology and Technologies
of Public Administration

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Shutova Natalia Victorovna

Ph.D. Student of the Department of Sociology
and Technologies of Public Administration

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: ShutovaNV@list.ru

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Багирова А.П., Шутова Н.В. Стимулирование родительского труда на перинатальной и младенческой стадиях развития ребенка: анализ существующих практик // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 91–98. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-91-98

Please cite this article in English as:

Bagirova A.P., Shutova N.V. Parental work stimulation at perinatal and infant periods of child evolution: contemporary practice analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 91–98. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-91-98

УДК 371.4

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-99-110

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ:
СПЕЦИФИКА И ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА)**

*Крестьянова Любовь Сабирдяновна, Патраков Эдуард Викторович,
Абдуллаева Самира Гейдар Кызы, Шапошникова Юлия Сергеевна
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Целью работы является определение специфики этносоциальной сферы образовательного учреждения для определения ключевых направлений и мероприятий по построению гармоничных межэтнических отношений в среде старших школьников, формирования толерантных установок у подрастающего поколения.

Выводы авторов сделаны на основе сопоставления результатов исследований в сфере межэтнических отношений, проведенных ими в 2011 г. в г. Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Алапаевске методом анкетного опроса представителей этнических общностей (708 опрошенных) и экспертного интервью (10 экспертов), в 2016 г. в образовательных учреждениях г. Екатеринбурга методом анкетного опроса с использованием выборочных шкал ценностного опросника Ш. Шварца (1248 учащихся 9–11 классов), а также посредством вторичного анализа данных исследований других авторов. Проведен анализ программ и планов мероприятий по формированию гармоничных межэтнических отношений на разных уровнях управления образовательным учреждением.

С точки зрения этносоциальных отношений особого внимания заслуживают старшие школьники. В данной возрастной группе имеется повышенный потенциал конфликтности, в том числе в этносоциальной сфере. Вместе с тем среди подростков установки на толерантность выше, чем в целом в молодежной среде. Отношение подростков к мигрантам является более индифферентным, чем у взрослых. В полиэтнических (поликультурных) образовательных учреждениях уровень этнической толерантности, как и уровень конфликтности на этнической почве, выше. Снижению межэтнической напряженности и конфликтности в среде школьников способствуют целенаправленные меры образовательного учреждения по развитию этнокультурной компетенции среди обучающихся, а также психолого-педагогические условия, дополнительно формируемые в таких образовательных учреждениях.

Выводы и рекомендации, сформулированные в данной работе, могут быть использованы для реализации национальной, этнокультурной политики как на уровне образовательного учреждения, так и на уровне региона.

Ключевые слова: этносоциальные отношения, образовательное учреждение, полиэтническая образовательная среда, подростковый возраст.

**ETHNOSOCIAL RELATIONS IN SCHOOLS:
SPECIFICS AND IMPACT TOOLS (ON MATERIALS OF EKATERINBURG)**

*Lubov S. Krestyanova, Eduard V. Patrakov, Samira H.Q. Abdullayeva, Yulia S. Shaposhnikova
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin*

The purpose of the work is identification and justification of the specifics of the ethnosocial sphere in educational organization. It is necessary to define key areas and activities to build a harmonious interethnic relations between pupils. And it is necessary to form tolerant attitudes in the younger generation.

The conclusions of the work are based on a comparison of the researches conducted by authors. First of them was conducted in 2011 in Ekaterinburg, Nizhny Tagil, Alapaevsk by method of questionnaire survey of ethnic communities (708 respondents) and also by expert interview (10 experts). The other research was conducted in 2016 in schools in Ekaterinburg by method of questionnaire survey using a sample of the scales of values of the S.Schwartz's questionnaire (1248 pupils in grades 9–11). The conclusions of the work also are based on secondary analysis of researches con-

ducted by other authors and analysis of programs and plans of forming harmonious interethnic relations in different levels of managing educational organizations.

Adolescents deserve a special attention in ethnosocial relations. In this age there is an increased potential of conflict, including, ethnosocial sphere. Meanwhile the installation tolerance of adolescents is higher than among the youth in general. The attitude of pupils towards migrants is more indifferent than of adults. In the polyethnic (multicultural) schools level of ethnic tolerance as the level of conflict in ethnic sphere is higher. Interethnic tensions and conflict in the environment of the pupils is reduced if the schools hold events for develop ethno-cultural competence of pupils and teachers and also additional creating psychological and pedagogical conditions in educational institutions.

The conclusions and recommendations of this work can be used to implement national, ethno-cultural policy at the school level and also at the region level.

Keywords: ethnosocial relations, educational organization, polyethnic educational environment, adolescence.

Введение

Этносоциальные отношения проникают во все сферы полиэтнического российского общества. Они способны оказать влияние на большинство общественных институтов, в то же время испытывая на себе воздействие различных факторов современного общества.

Особую роль в этом процессе играют образовательные учреждения, прежде всего школы. Особенностью этнокультурной сферы является то, что она связана с устойчивыми этническими и религиозными представлениями, ценностями и моделями поведения, поэтому основные результаты деятельности в данной сфере выражаются, как правило, в отложенном по времени социальном эффекте, в частности, в росте межнационального согласия (в наиболее желаемом варианте), изменении ценностных ориентаций и норм поведения людей. Система образования — один из ведущих субъектов формирования *характера* межэтнических отношений, обладающий уникальными инструментами воздействия.

Образовательные учреждения также подвержены влиянию негативных тенденций, происходящих в этнической сфере, и поэтому нуждаются в мероприятиях по предупреждению межэтнической напряженности, гармонизации межэтнических отношений.

Как на уровне Свердловской области, так и на уровне города Екатеринбурга имеются программы, содержащие мероприятия по гармонизации межэтнических отношений (к примеру, комплексная программа Свердловской области «Укрепление единства Российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих в Свердловской области»¹). При этом мероприятия носят преимущественно общий характер и не отражают специфики половозрастных особенностей отдельных социальных групп (за исключением некоторых мероприятий, специально ориентированных на молодежь).

Понимание специфики этносоциальной сферы образовательного учреждения позволит определить ключевые направления и мероприятия по постро-

нию гармоничных межэтнических отношений в среде школьников.

Несомненно, специфика образовательного учреждения обусловлена прежде всего аудиторией, на которую направлена деятельность данного социального института. В первую очередь это дети, а также учителя и родители.

Влияние возрастных особенностей на отношение к представителям других этнических общностей

Особого внимания заслуживают школьники подросткового возраста. Здесь ведущая роль отводится взаимоотношениям со сверстниками, месту ребенка в коллективе. По этой причине вопросы межэтнических отношений в среде подростков имеют первостепенное значение и нуждаются в особом контроле.

Среди характеристик данного возраста, важных с точки зрения влияния на характер межэтнических отношений, исследователи отмечают парадоксальность, противоречивость действий подростка [17], «пассивную меланхолию» и «агрессивную самозащиту» как типичные реакции и способы поведения подростков [8, 7], вызывавшие трудности в отношениях со взрослыми [16, 12]. Подростки в силу особенностей развития личности, связанных с изменением отношения к окружающему их миру, более остро реагируют на происходящее [11, 9]. Это, в свою очередь, способствует формированию интолерантных настроений, повышенному потенциалу конфликтности в подростковой среде.

Результаты исследования, проведенного нами в образовательных учреждениях города Екатеринбурга в 2016 г. (проведено на основе анкетного опроса, в качестве объекта выступили старшие школьники общеобразовательных учреждений г. Екатеринбурга, 1248 учащихся 16 образовательных учреждений, расположенных в 7 районах г. Екатеринбурга), служат подтверждением этому².

² Основанием для опроса являлся заказ Управления образования Администрации г. Екатеринбурга в адрес кафедры социальной безопасности УрФУ (исх. № 36.01-09/002/1799 от 08.12.2015). Таким образом, все этические и нормативные требования для проведения исследования были соблюдены.

¹ Утверждена постановлением Правительства Свердловской области от 24.12.2013 № 1605-ПП.

Несмотря на то что в целом подростки образовательных учреждений города Екатеринбурга не проявляют явных националистических установок, все-таки достаточно высок процент респондентов, при

ответе на вопрос «Какое утверждение Вам ближе?» выбравших вариант «Россия — для русских», т.е. почти четверть опрошенных (24,1 %) (табл. 1).

Таблица 1. Результаты ответа на вопрос «Какое утверждение Вам ближе?» (% к числу ответивших)

Вариант ответа	Количество ответивших
Россия — общий дом для всех ее народов	74,4
Россия — для русских	24,1
Не ответили	1,4
Итого	100,0

Сопоставление этих данных с результатами исследований, проведенных нами ранее, позволяет сделать вывод, что в среде старших школьников уровень толерантности ниже, чем у взрослых, но выше, чем в молодежной среде в целом.

Так, по итогам исследования, проведенного в 2011 г. в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и Алапаевске методом анкетного опроса (объем выборки 708 чел., опрошены представители 16 этнических общностей, проинтервьюированы 10 экспертов в сфере межэтнических отношений), подавляющее большинство респондентов (76,2 %) выбрали вариант «Россия — общий дом для всех ее народов» и почти четверть (23,8 %) — «Россия — для русских».

Среди молодежи от 18 до 30 лет 68 % лиц предпочитают утверждение «Россия — общий дом для всех ее народов». Следует особо отметить результаты в категории респондентов 18–19 лет: здесь каждый второй (51 %) предпочел утверждение «Россия для русских». Ответы лиц от 20 до 22 лет являются более толерантными: большинство (69 %) выбрали утверждение «Россия — общий дом для всех ее народов». Лица возрастных категорий 23–25 лет и 26–30 лет в подавляющем большинстве (72 % и 70 % соответственно) также предпочли утверждение «Россия — общий дом для всех ее народов». Соотношение ответов представлено на рис. 1.

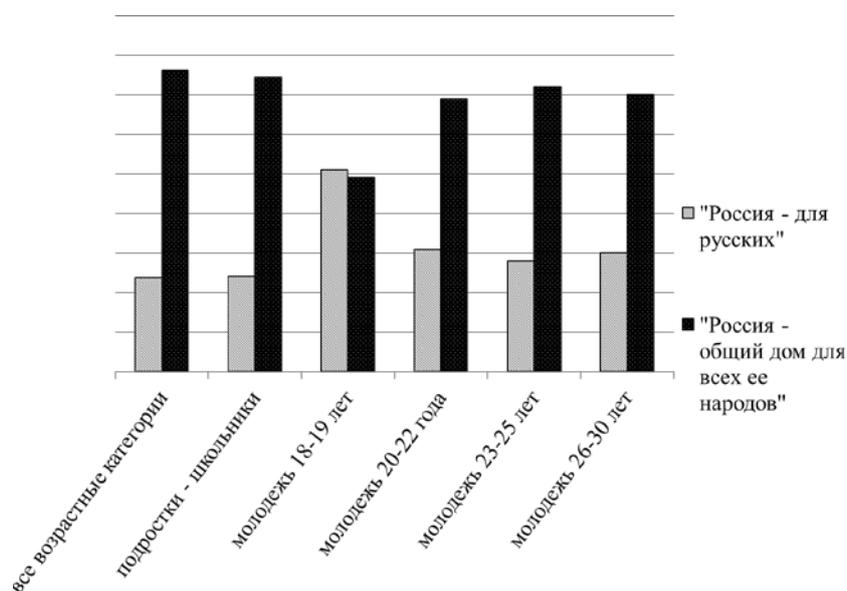

Рис. 1. Выбор утверждений респондентами разных возрастных групп

Подобные результаты можно наблюдать и при оценке отношения к людям другой этнической принадлежности.

Как правило, с уважением к представителям другой национальности относятся 39,5 % подростков-школьников. Без особого интереса — 46,6 %. Неприязненное отношение к представителям других

национальностей демонстрируют 7,8 % школьников, принявших участие в нашем исследовании в 2016 г.

По результатам исследования, проведенного в 2011 г. среди населения от 18 до 89 лет, как правило, с уважением к представителям другой этнической общности относятся 47,2 % респондентов. Без особого интереса — 35,4 %, как правило, с неприяз-

нию — 4,5 %, затруднились ответить 12,8 % респондентов. Анализ ответов респондентов от 18 до 30 лет показывает, что, как правило, с уважением к представителям другой этнической общности относятся только 34 % респондентов. Без особого интереса — 42 %. Как правило, с неприязнью — 9 %. Сравнение отношения респондентов разных возрастных групп представлено на рис. 2.

Таким образом, подростки-школьники по уровню этнической толерантности занимают позицию между взрослым населением и молодежью. Задача образовательного учреждения — сформировать толерантные установки на более длительную перспективу.

Рис. 2. Отношение респондентов разных возрастных групп к представителям других национальностей

Влияние возрастных особенностей на уровень конфликтности

У школьников отмечается высокий уровень конфликтности, что, в частности, обусловлено возрастной спецификой восприятия окружающего мира.

Среди подростков — участников исследования каждый пятый в течение последнего года принимал участие в конфликтах с представителями других национальностей. Причем 6,5 % учащихся отметили, что такие конфликты проходили на территории школы (табл. 2).

Для сравнения: по результатам опроса населения от 18 до 89 лет, проведенного в 2011 г., более 84 % респондентам за последний год вступать в конфликты с представителями других национальностей не приходилось. Среди лиц старше 30 лет доля таких граждан составляет 89 %.

В целом более половины подростков-школьников отметили наличие конфликтов между представителями разных этнических общностей в их образовательном учреждении (табл. 3).

Таблица 2. Результаты ответов на вопрос «Приходилось ли Вам за последний год вступать в конфликтные отношения с представителями других национальностей?» (% к числу ответивших)

Вариант ответа	Количество ответивших
Да, вне школы	14,1
Да, в школе	6,5
Нет	78,1
Не ответили	1,3
Итого	100,0

Таблица 3. Результаты ответов на вопрос «Имеют ли место конфликты между людьми разных национальностей в Вашей школе и как часто они случаются?» (% к числу ответивших)

Вариант ответа	Количество ответивших
Очень часто	5,9
Иногда	24,8
Крайне редко	23,0
Нет	30,3
Трудно сказать	15,1
Не ответили	0,9
Итого	100,0

Можно говорить о том, что инструменты формирования толерантных этнических установок в образовательных учреждениях в целом позволяют достигать своей цели, в то время как инструменты профилактики конфликтов, в том числе на этнической почве, на уровне образовательных учреждений города Екатеринбурга в настоящее время действуют недостаточно эффективно.

При этом можно наблюдать некоторое противоречие между оценкой респондентами уровня конфликтности на этнической почве и уровнем толерантности в образовательных учреждениях с полиэтничным составом и неполиэтническим составом.

Соотношение уровня конфликтности и толерантности

В образовательных учреждениях с полиэтничным составом конфликты, по оценкам респондентов, случаются чаще, чем в неполиэтнических школах (табл. 4).

Вместе с тем подростки-школьники из образовательных учреждений с полиэтничным составом демонстрируют более толерантные этнические установки (табл. 5).

Безусловно, особый интерес представляет отношение представителей этнического большинства (русских детей) к данному вопросу (табл. 6).

Русские дети в полиэтничных образовательных учреждениях выражают более толерантную позицию по отношению к представителям других этнических общностей, чем в неполиэтнических образовательных учреждениях (табл. 7).

Таким образом, в полиэтничных образовательных учреждениях в целом уровень толерантности среди обучающихся выше, одновременно выше и уровень конфликтности в оценках респондентов.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Имеют ли место конфликты между людьми разных национальностей в Вашей школе и как часто они случаются?» в зависимости от национального состава образовательного учреждения (% к числу ответивших)

Тип учреждения	Очень часто	Иногда	Крайне редко	Нет	Трудно сказать
Полиэтнические	8,1	30,1	23,1	25,9	12,8
Не полиэтничные	3,9	20,2	23,3	35,0	17,6

Таблица 5. Результаты ответов на вопрос «Какое утверждение Вам ближе?» в зависимости от типа образовательного учреждения (% к числу ответивших)

Тип учреждения	Россия — общий дом для всех ее народов	Россия — для русских
Полиэтнические	82,1	17,9
Не полиэтничные	69,4	30,6

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Какое утверждение Вам ближе?» в зависимости от типа образовательного учреждения и этнической принадлежности респондента (% к числу ответивших)

Этническая принадлежность респондента / тип образовательного учреждения	Количество ответивших	
	Россия — общий дом для всех ее народов	Россия — для русских
Русские в не полиэтничных образовательных учреждениях	67,0	33,0
Русские в полиэтничных образовательных учреждениях	77,8	22,2
Представители других национальностей в не полиэтничных образовательных учреждениях	79,8	20,2
Представители других национальностей в полиэтничных образовательных учреждениях	93,8	6,2

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к представителям другой национальности?» в зависимости от типа образовательного учреждения и этнической принадлежности респондента (% к числу ответивших)

Этническая принадлежность респондента / тип образовательного учреждения	Как правило, с уважением	Как правило, без особого интереса	Как правило, с неприязнью	Затрудняюсь ответить
Русские в не полиэтнических образовательных учреждениях	29,7	55,2	9,6	5,5
Русские в полиэтнических образовательных учреждениях	39,3	48,3	7,1	5,2
Представители других этнических общностей в не полиэтнических образовательных учреждениях	55,2	34,4	6,2	4,2
Представители других этнических общностей в полиэтнических образовательных учреждениях	69,5	22,9	2,3	5,3

С одной стороны, это может быть связано с более высоким уровнем этнокультурной компетенции детей, обучающихся в полиэтнических образовательных учреждениях, с формированием у них толерантности благодаря этнокультурным контактам с представителями иных этнических общностей. С другой стороны, большее количество контактов приводит и к большему количеству конфликтов.

В этом отношении хотелось бы согласиться с мнением В.С. Агеева, который, признавая в целом справедливыми положение о том, что прямые контакты разрушают и размывают этнические стереотипы, считает необходимым внести существенные оговорки и коррективы: «Далеко не всякое межэтническое общение разрушает межэтнические стереотипы. Этот эффект может быть снят лишь при соблюдении определенных условий организации контакта: признания безусловного равенства сторон, наличия обстановки открытости и доверия, принятия общих, значимых для обеих сторон целей, уважения к традициям, нормам и ценностям, правилам поведения, образу жизни друг друга и т.д.» [1, с. 138].

Этносоциальные отношения в условиях формирования групп

Не следует упускать из внимания еще одну специфику образовательного учреждения — это детский коллектив. Как любому коллективу ему свойственно формирование групп по различным признакам.

Г.К. Триандис в своих исследованиях отмечает, что люди ради группы, членами которой они являются (ин-группы), способны не только активно сотрудничать, но и пожертвовать собой ради реализации интересов своей группы [14]. В то же время лю-

ди будут активно противостоять внешним группам, к которым они себя не относят (аут-группы).

Именно такое деление особенно характерно для подросткового периода, когда особую роль играет построение и развитие взаимоотношений со сверстниками. При этом ин-группы объединяют людей на основе каких-либо одинаковых признаков, общих интересов. Соответственно принципом образования ин-группы может стать и этнокультурная принадлежность.

Зачастую, когда конфликт начинается исключительно как межличностный и на бытовой почве, при высоком уровне коллективизма ин-группы, он рискует перерасти в межгрупповой конфликт, а при условии, что ин-группа образована по принципу этнокультурной принадлежности, такой конфликт можно характеризовать как межэтнический.

Особой силой и устойчивостью обладают установки, принадлежащие целой группе [2, с. 189]. Стоит также отметить, что помимо разделения по принципу этнокультурной принадлежности, формирование аут-групповой дискриминации характерно по отношению к детям-мигрантам. В первую очередь это связано с соотношением общего и различного в традициях, образе жизни, менталитете народов, а также в освоении этносоциального контекста принимающей страны [4].

Установки на межэтническое взаимодействие в подростковой среде

Следует отметить, что в ходе проведенного нами исследования в образовательных учреждениях г. Екатеринбурга была выявлена еще одна особенность: подростки более открыты для взаимодействия с представителями других этнических общностей, в том числе с мигрантами.

Более трети респондентов, учащихся старших классов г. Екатеринбурга, отмечают, что им легко взаимодействовать с представителями других национальностей. Примерно столько же опрошенных указывают на то, что иногда им бывает сложно найти общий язык с представителями других национальностей. Среди причин, вызывающих сложности во взаимодействии, чаще всего указывались языковые проблемы: представители других национальностей «не понимают многих слов». Также многие респонденты назвали причины эстетического характера: «от них плохо пахнет», «они грязные».

Данная ситуация отличается от сложившейся в среде старшего поколения: по результатам исследования, проведенного в 2011 г., в целом установки на межэтническое сотрудничество, готовность к кооперативному взаимодействию наблюдаются только по отношению к трем категориям этнических общностей, наиболее близким в этнокультурном отношении к жителям Свердловской области [6].

Учащиеся же в целом настроены на развитие взаимодействия с представителями других этнических общностей (табл. 8).

Если рассматривать отношение учащихся непосредственно к мигрантам, то здесь складывается аналогичная ситуация — около половины респондентов (46 %) относятся безразлично к приезду людей другой национальности в их город для учебы и работы, а треть респондентов относится к данному факту положительно (табл. 9).

Стоит обратить внимание на то, что положительное отношение к мигрантам преобладает над отрицательным. Подобный обобщенный результат наблюдается как среди подростков — представителей доминирующей этнической общности (русские), так и среди подростков, представляющих другие этнические общности, хотя различия между этими категориями, безусловно, есть (табл. 10).

Таблица 8. Результаты ответов на вопрос «Легко ли Вам общаться с представителями других национальностей, приехавших из других стран?» (% к числу ответивших)

Вариант ответа	Количество ответивших
Да, так же, как с представителями моей национальности	35,2
Да, но мы не всегда можем понять друг друга	34,9
Нет, у нас разные взгляды на жизнь	13,1
Нет, по другим причинам	3,5
Затрудняюсь ответить	12,7
Не ответили	0,7
Итого	100,0

Таблица 9. Результаты ответов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что лица другой национальности приезжают в Ваш город для обучения, работы?» (% к числу ответивших)

Вариант ответа	Количество ответивших
Скорее положительно	33,6
Скорее отрицательно	14,8
Безразлично	46,1
Затрудняюсь ответить	4,4
Не ответили	1,1
Итого	100,0

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что лица другой национальности приезжают в Ваш город для обучения, работы?» в зависимости от национальной принадлежности (% к числу ответивших)

Этническая принадлежность	Вариант ответа			
	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Безразлично	Затрудняюсь ответить
Русские	28,5	17,6	49,4	4,4
Другие этнические общности	42,9	6,0	46,9	4,2

Если сравнить отношение к мигрантам данной возрастной группы и представителей более старшего поколения, то можно отметить существенную разницу: взрослые люди относятся к мигрантам скорее отрицательно. Например, по результатам исследования, проведенного в 2011 г. среди респондентов от 18 до 89 лет, почти половина опрошенных отрицательно отнеслись к возможности приезда представителей указанных этнических общностей.

Это может быть связано с тем, что для подростков-школьников не свойственны опасения миграционных процессов, характерные для старшего поколения: сокращение рабочих мест, усиление конкуренции на рынке труда и в сфере бизнеса, снижение качества жизни, рост преступности и другие [6].

Можно говорить и о том, что для взрослого населения негативное отношение к мигрантам **имеет социально-психологическую основу** — в наличии явных культурных и социальных границ принимающего социума и представителей этнических общностей мигрантов. Общности, образованные мигрантами, остаются зачастую закрытыми, слабо включенными в социально-культурные, экономические и иные процессы региона. В то время как в образовательном учреждении дети-мигранты так или иначе вовлечены в процессы взаимодействия. В условиях образовательного учреждения происходит организованный или хаотичный этнокультурный обмен.

Таким образом, проведение образовательным учреждением целенаправленной политики по фор-

мированию этнокультурной компетенции обучающихся, созданию условий для этнокультурных контактов, не только оправданно, но и необходимо.

Оценка роли мероприятий по гармонизации межэтнических отношений в образовательном учреждении

Такие мероприятия, как показывают результаты проведенного нами исследования, могут в том числе способствовать снижению конфликтов на этнической почве (табл. 11).

Таким образом, в целом в образовательных учреждениях, в которых проводятся мероприятия по формированию гармоничных межэтнических отношений, повышению уровня этнокультурной компетентности, школьники более толерантны по отношению к представителям других этнических общностей. В таких школах более 80 % учащихся предпочитают утверждение «Россия — общий дом для всех ее народов» (табл. 12).

Около 50 % учащихся, указавших, что в их школе проводятся мероприятия по формированию толерантности, отметили, что к представителям других национальностей они относятся с уважением.

Аналогичная ситуация наблюдается и в поведенческом аспекте — учащиеся, в школах которых проходят мероприятия по гармонизации межэтнических отношений, отмечают, что им легко общаться с представителями других национальностей.

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос «Имеют ли место конфликты между представителями разных национальностей в Вашей школе?» в зависимости от проведения в данной школе мероприятий, направленных на гармонизацию межэтнических отношений (% к числу ответивших)

Наличие/отсутствие мероприятий по гармонизации межэтнических отношений	Частота восприятия конфликтов				
	Очень часто	Иногда	Крайне редко	Нет	Трудно сказать
Мероприятия проводятся	3,8	22,7	23,4	37,7	12,4
Мероприятия не проводятся	6,9	30,5	21,3	26,7	14,6

Таблица 12. Распределение ответов на вопрос «Какое утверждение Вам ближе?» в зависимости от того, проводятся ли в данной школе мероприятия, направленные на гармонизацию межэтнических отношений (% к числу ответивших)

Наличие/отсутствие мероприятий по гармонизации межэтнических отношений	Вариант утверждения	
	Россия — общий дом для всех ее народов	Россия — для русских
Мероприятия проводятся	82,9	17,1
Мероприятия не проводятся	67,5	32,5

Результаты. Рекомендации

Следует учитывать, что этнокультурные контакты должны быть подготовлены, организованы, т.е. соблюдено требование безусловного равенства всех сторон, уважения к традициям, нормам и ценностям. Стихийный и бесконтрольный характер контактов способствует росту межэтнических конфликтов.

Требуются также меры по преодолению негативных последствий деления детей на ин-группы и аут-группы по этническому признаку. Необходимо вовлечение представителей разных этнических общностей в активное социальное взаимодействие с представителями других этнических общностей.

Объединение представителей разных этнических общностей в одну группу позволит сформировать у учащихся надэтнические установки, создать ситуацию позитивного межэтнического взаимодействия и этнокультурного обмена. Подобный опыт снимет напряженность в случае конфликтов между ин-группой и аут-группой, сформированными по этническому признаку. В качестве способа решения данной проблемы возможно вовлечение школьников в деятельность органов школьного самоуправления, в том числе путем создания новых организаций.

Кроме того, с целью предупреждения конфликтов в среде подростков необходима организация и проведение регулярного мониторинга состояния межэтнических отношений в среде старших школьников.

Одной из причин социальной напряженности в сфере межэтнических отношений исследователи [см., напр., 15] называют отсутствие четкого понимания норм и ценностей в молодежной среде, отсутствие общественного заказа на ценности и установки, что в значительной мере связано с деятельностью системы образования.

Стоит отметить, что задача формирования норм и ценностей толерантности, уважения к традициям и обычаям этнических общностей закреплена рядом стратегических документов Российской Федерации, в частности Федеральным государственным образовательным стандартом, в качестве одного из параметров «портрета выпускника».

Как отмечается рядом авторов [напр., 5, 16], именно в подростковом возрасте происходит усвоение нравственных образцов, формируются морально-этические качества и нормы социального поведения, такие как уважение к личности, равенство в отношениях, взаимопомощь, верность в дружбе и др.

В связи с этим образовательному учреждению стоит уделить особое внимание данному вопросу: предоставить подростку ориентир для подражания, т.е. артикулировать заказ, сформулированный государством, а также поощрять желаемое поведение.

Непосредственным образом это касается и уровня национального самосознания, и отношения детей

к своей Родине. Формирование надэтнических интегративных образов, таких как «россияне», «уральцы», позволяет преодолеть этнические барьеры и сформировать общность на основе объединяющих этнокультурных начал представителями различных этнических общностей.

По результатам исследования, проведенного нами среди школьников города Екатеринбурга, большая часть опрошенных отмечает свое положительное отношение к России (от 62,5 до 80,9 % в зависимости от национальной принадлежности и исторической родины). Стоит также отметить, что дети-мигранты демонстрируют более высокий уровень положительного отношения, чем коренные представители русской этнической общности. Отрицательное отношение демонстрируют от 0 до 14,5 % респондентов.

Образовательным учреждениям стоит продолжать работу по формированию патриотического воспитания среди школьников.

Говоря о специфике этносоциальных отношений в образовательном учреждении, необходимо отметить, что, с одной стороны, образовательное учреждение имеет собственную внутреннюю среду, охватывающую в том числе этносоциальные отношения, формирует, по-возможности, наиболее благоприятный климат. С другой стороны, игнорирование внешней среды может оказать существенное негативное влияние на инструменты формирования гармоничных этносоциальных отношений.

Необходимость учитывать условия внешней среды — специфику исторической эпохи, системно-структурные связи, существующие в обществе, их влияние на социальные отношения — отмечается рядом авторов [напр., 3, 10]. Можно говорить о том, что социальные отношения, возникающие в этнической сфере — межэтнические отношения, будут оказывать влияние на развитие отношений в социальной, политической, демографической и других сферах жизнедеятельности общества. И наоборот, социальные отношения, возникающие в экономической, политической и иных сферах, способны найти отражение в сфере межэтнических отношений.

В концепции П. Сорокина утверждается, что межэтническая напряженность в чистом виде не существует, т.е. расовые, этнические различия сами по себе не способны провоцировать повышенную конфликтность в отношениях индивидов и общностей. Тем не менее межэтнические конфликты происходят регулярно. П. Сорокин обращает внимание на то, что сама по себе этничность не является основанием конфликтного поведения. В качестве такого основания могут быть потребности или интересы отдельных индивидов или социальных общностей. Использование этнических или религиозных различий в этом случае становится значимым аргументом

в системе построения неравенства в доступе к общественным благам [13].

Таким образом, хотелось бы отметить, что формирование этносоциальных отношений в образовательном учреждении, это не только специально направленные на формирование толерантности мероприятия — дни народов, специальные беседы и классные часы — это повседневные практики взаимоотношений людей разных национальностей, оценка происходящих событий, знания, получаемые в ходе освоения школьной программы.

Большую роль в формировании этносоциальных установок в образовательном учреждении играют такие предметы, как история и обществознание. Необходимо учитывать, что явления могут оцениваться разными народами по-разному. Исторические события могут быть серьезными факторами влияния на межэтнические отношения, стать идеологией радикально настроенных этнических групп.

Образовательным учреждениям — как администрации, так и педагогам — стоит взвешенно и обдуманно подходить к оценке тех или иных фактов и событий, учитывать позиции отдельных этнических групп, чтобы избежать формирования напряженности в сфере межэтнических отношений.

Заключение

Можно говорить о том, что подростки-школьники — это социальная группа, которая требует особого подхода при формировании гармоничных этносоциальных отношений. По уровню этнической толерантности подростки-школьники занимают позицию между взрослым населением и молодежью. С переходом в более старшую возрастную группу наблюдается резкий рост интолерантных настроений. Это может быть связано с окончанием образовательного учреждения общего образования, а значит, с прекращением действия механизмов формирования гармоничных этносоциальных отношений. Задача образовательного учреждения — сформировать толерантные установки на более длительную перспективу.

В качестве специфики этносоциальной ситуации в образовательных учреждениях города Екатеринбурга можно отметить высокий уровень конфликтности, в том числе на этнической почве.

Если инструменты формирования толерантных этнических установок в образовательных учреждениях в целом позволяют достигать своей цели, то инструменты профилактики конфликтов, в том числе на этнической почве, на уровне образовательных учреждений города Екатеринбурга в настоящее время действуют недостаточно эффективно.

При этом в полиэтнических образовательных учреждениях уровень толерантных установок среди обучающихся выше, одновременно выше и уровень конфликтности в оценках респондентов.

С одной стороны, это может быть связано с более высоким уровнем этнокультурной компетенции детей, обучающихся в полиэтнических образовательных учреждениях, с формированием у них толерантности за счет этнокультурных контактов с представителями иных этнических общностей. С другой стороны, большее количество контактов приводит и к большему количеству конфликтов.

В качестве специфики этносоциальных отношений в образовательном учреждении можно отметить и более толерантное отношение детей к мигрантам, что также может быть связано с более интенсивным этнокультурным взаимодействием в условиях образовательного процесса.

Таким образом, проведение образовательным учреждением целенаправленной политики по формированию этнокультурной компетенции обучающихся, созданию условий для этнокультурных контактов является необходимым условием для гармонизации межэтнических отношений, формирования норм и ценностей толерантности в среде подрастающего поколения. Следует отметить, что межэтнические контакты, этнокультурное взаимодействие не должны проходить хаотично, неорганизованно. Требуется соблюдение равенства сторон взаимодействия, уважения к традициям и ценностям. Для этого учащиеся должны понимать, в чем заключается соблюдение равенства сторон, иметь четкое представление о нормах и образцах уважительного отношения как к своим собственным, так и к чужим традициям и ценностям.

Список литературы

1. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240 с.
2. *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. 416 с.
3. *Барулин В.С.* Диалектика сфер общественной жизни. М.: Изд-во МГУ, 2002. 230 с.
4. *Гуляева А.Н.* Социокультурная адаптация детей мигрантов // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. URL: <http://psyedu.ru/journal/2010/5/Gulyaeva.phtml> (дата обращения: 20.07.2016).
5. *Изучение мотивации поведения детей и подростков* / под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благоннадежиной. М.: Педагогика, 1972. 352 с.
6. *Карымова Л.С.* Отношения этнических общностей в условиях становления гражданского общества в современной России (региональный аспект): дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2012. 205 с.
7. *Ливехуд Б.* Кризисы жизни — шансы жизни / пер. Э. Радской. Калуга: Духовное познание, 2012. 224 с.
8. *Мид М.* Культура и мир детства: Избр. произведения / пер. с англ. М.: Наука, 1988. 429 с.
9. *Неночатых Е.П.* Социально-психологические аспекты формирования этнической толерантности

- учащихся городской школы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2004. 19 с.
10. Пaryгин Б.Д. Социально-психологический климат коллектива: пути и методы изучения / под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1981. 192 с.
 11. Патраков Э.В., Попов В.Д. Совместная профессиональная деятельность: синтез экономики и психологии // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2015. № 12–2. С. 55–62.
 12. *Психология подростка: хрестоматия* / под ред. Ю.И. Фролова. М.: Рос. пед. агентство, 1997. 526 с.
 13. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Соколова; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
 14. Триандис Г.К. Культура и социальное поведение / пер. В.А. Соснина. М.: Форум, 2007. 382 с.
 15. Хломов К.Д. Подросток на перекрестке жизненных дорог: социализация, анализ факторов изменения среды развития // *Психологическая наука и образование*. 2014. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Hlomov.phtml> (дата обращения: 21.06.2016). doi:10.17759/psyedu.2014060102
 16. Эльконин Д.Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / ред.-сост. Б.Д. Эльконин. 4-е изд., стереотип. М.: Академия, 2007. 384 с.
 17. Stanly Hall G. Adolescence: Its psychology and its relation to psychology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education. N.Y.: D. Appleton and Company, 1904. Vol. 2. 784 p.
 - Russia (regional aspect): the dissertation of the candidate of sociological sciences]. Ekaterinburg, 2012, 205 p. (In Russian).
 7. Lievegoed B. *Krizisy zhizni — shansy zhizni* [The crises of life — the chances of life]. Kaluga, Duhovnoe poznanie Publ., 2012, 224 p. (In Russian).
 8. Mead M. *Kul'tura i mir detstva: izbr.proizvedenija* [Culture and world of childhood]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 429 p. (In Russian).
 9. Nepochatyh E.P. *Social'no-psihologicheskie aspekty formirovanija etnicheskoj tolerantnosti uchashchisja gorodskoj shkoly: aftoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Socio-psychological aspects of formation of ethnic tolerance of pupils in urban schools: author's abstract for procuring a degree of candidate of psychological sciences]. Kursk, 2004, 19 p. (In Russian).
 10. Parygin B.D. *Social'no-psihologicheskij klimat kollektiva: puti i metody izuchenija* [Socio-psychological climate of the team: ways and methods of studying]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, 192 p. (In Russian).
 11. Patrakov E.V., Popov V.D. [Joint professional activity: the synthesis of Economics and psychology] *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniija v sovremennom mire* [Fundamental and applied studies in the modern world]. 2015, no 12–2, pp. 55–62. (In Russian).
 12. *Psihologija podrostka. Hrestomatija* [The psychology of an adolescent. The anthology]. Moscow, Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo Publ., 1997, 526 p. (In Russian).
 13. Sorokin P.A. *Chelovek. Civilizacija. Obshestvo* [Person. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992, 543 p. (In Russian).
 14. Triandis G.K. *Kul'tura i social'noe povedenie* [Culture and social behavior]. Moscow, Forum Publ., 2007, 382 p. (In Russian).
 15. Hlomov K.D. [Teenager at the crossroads of life: socialization, analysis of the factors of change environment development] *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological science and education]. 2014, no 1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Hlomov.phtml> (accessed 21.06.2016). (In Russian). doi:10.17759/psyedu.2014060102
 16. Elkonin D.B. *Detskaja psihologija: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij* [Child psychology: a textbook for students] Moscow, Academia Publ., 2007, 384 p. (In Russian).
 17. Stanly Hall G. Adolescence: Its psychology and its relation to psychology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education. N.Y.: D. Appleton and Company, 1904, vol. 2, 784 p. (In English).

Получено 31.08.2016

References

1. Ageev V.S. *Mezhgruppovoe vzaimodejstvie: social'no-psihologicheskie problemy* [Intergroup interaction: social and psychological problems]. Moscow, Moscow University Publ., 1990, 240 p. (In Russian).
2. Aries E. *Rebenok i semejnaya zhizn' pri starom porjadke* [Baby and family life at old regime]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 1999, 416 p. (In Russian).
3. Barulin V.S. *Dialektika sfer obshestvennoj zhizni* [The dialectics of spheres of public life]. Moscow, Moscow University Publ., 2002, 230 p. (In Russian).
4. Guljaeva A.N. [Sociocultural adaptation of migrant children]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological science and education]. 2010, № 5, Available at: <http://psyedu.ru/journal/2010/5/Gulyaeva.phtml> (accessed 20.07.2016). (In Russian).
5. *Izuchenie motivacii povedenija detej i podrostkov* [The study of motivation of behavior of children and adolescents]. Moscow, Pedagogika Publ., 1972, 352 p. (In Russian).
6. Karymova L.S. *Otnoshenija etnicheskih obshhnostej v uslovijah stanovlenija grazhdanskogo obshhestva v sovremennoj Rossii (regional'nyj aspekt): dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Relations between ethnic communities in the terms of development of civil society in modern

The date of the manuscript receipt 31.08.2016

Об авторах

Крестьянова Любовь Сабирдзяновна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной безопасности

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: gosslugashiy@yandex.ru

Патраков Эдуард Викторович
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой социальной безопасности

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: e.v.patrakov@urfu.ru

Абдуллаева Самира Гейдар Кызы
соискатель кафедры социальной безопасности

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: samira.abdullayeva.77@mail.ru

Шапошникова Юлия Сергеевна
магистрант Физико-технологического института

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: y.s.shaposhnikova@gmail.com

About the authors

Krestyanova Lubov Sabirdzyanovna
Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Social Security

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: gosslugashiy@yandex.ru

Patrakov Eduard Viktorovich
Ph.D. in Pedagogics, Docent,
Head of the Department of Social Security

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: e.v.patrakov@urfu.ru

Abdullayeva Samira Heydar Qizi
Ph.D. Student of the Department of Social Security

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: samira.abdullayeva.77@mail.ru

Shaposhnikova Yulia Sergeevna
Post-graduate student of the Institute
of Physics and Technology

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: y.s.shaposhnikova@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Крестьянова Л.С., Патраков Э.В., Абдуллаева С.Г.К., Шапошникова Ю.С. Этносоциальные отношения в общеобразовательном учреждении: специфика и инструменты воздействия (на примере города Екатеринбурга) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 99–110. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-99-110

Please cite this article in English as:

Krestyanova L.S., Patrakov E.V., Abdullayeva S.H.Q., Shaposhnikova Yu.S. Ethnosocial relations in schools: specifics and impact tools (on materials of Ekaterinburg) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 99–110. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-99-110

УДК 316.35-053.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-111-120

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ПЕРЕХОДНОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Безруков Антон Витальевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается категория «социальное самоопределение». Предлагается концептуальная модель трехкомпонентной структуры и функций социального самоопределения. На основе выделенных аксиологических противоречий дается классификация стратегий социального самоопределения молодых людей. В контексте предложенной модели раскрываются внутренние и внешние противоречия между активностью молодежи и сложившимся социальным порядком. Модель аксиологических противоречий показательно апробирована на материалах Европейского социального исследования. На основе вторичного анализа данных описываются тенденции изменения системы ценностей молодых людей в Российской Федерации, в частности в Пермском крае, рассматриваемом в качестве динамично развивающегося региона страны. Показаны различия аксиологических моделей между поколениями молодежи и взрослых. Зафиксированы различия в соотношении «ценностей изменения» и «ценностей сохранения» молодежи Пермского края на фоне Российской Федерации в целом. В заключение анализируется взаимосвязь свободы самоопределения молодежи с уровнем общественного развития. Акцентируется внимание на угрозе роста конформизма в молодежной среде, что связано с ростом удовлетворенности состоянием российской экономики, руководством страны, работой демократии и жизнью в целом. Делается вывод об аксиологической статичности и росте закрытости российского общества.

Ключевые слова: социальное самоопределение, молодежный куматойд, «смысловое ядро», «ценностная оболочка», стратегия самоопределения, «динамическое» общество, «статическое» общество.

STRATEGY OF SOCIAL SELF-DETERMINATION OF YOUTH IN THE FRAMEWORK OF AXIOLOGICAL CONTRADICTIONS OF RUSSIAN TRANSIENT SOCIETY

Anton V. Bezrukov

Perm State University

The article deals elaborates the category of «social self-determination», giving conceptual model of its three-components structure and functions. On the basis of the selected axiological contradictions classification of strategies of social self-determination of young people is given. On the basis of its expanded internal and external axiological contradictions between the activity of the youth and the social order are described. Model of axiological contradictions is revealing the materials tested on The European Social Survey. On the basis of secondary data analysis the article describes trends in young people's value system in the Russian Federation and the Perm region, considered as a dynamically developing region of country. Differences of intergenerational axiological models of youth and adults are shown. Reported differences in the ratio of «change of values» and «conservation values» youth of the Perm region against the backdrop of the Russian Federation as a whole are noted. Finally, it describes the relationship of freedom of self-determination of young people to the level of social development. The attention is focused on the threat of growing conformism among the youth, which is positively connected with the growth of contentment with the Russian economy, government, democracy and life in whole. It makes conclusion about axiological statics and growth of closeness of Russian society.

Keywords: social self-determination, youth kumatoid, «semantic core», «shell of values», self-determination strategy, «dynamic» society, «static» society.

Проблема, предмет и цель

В научной литературе закрепилось представление, согласно которому молодежь рассматривается как стратегический ресурс любого общества. Реагируя на изменения и инициируя инновационные тенденции, молодежь определяет направления будущего развития общества.

Как объект исследований современная российская молодежь, наоборот, отличается большей аморфностью и представляет собой своеобразный «социальный куматойд» [11, с. 80–89], не поддающийся четкой смысловой идентификации. Обладая способностью постоянного самообновления, молодежный куматойд, с одной стороны, активно впитывает общественные воздействия, ценности и идеалы, с другой — в силу ограниченного опыта не полностью включен в систему общественных отношений, в результате чего сталкивается с проблемой самоопределения.

В свою очередь российское общество находится в состоянии системной трансформации основных сфер общественной жизни, что усиливает неопределенность перспектив молодежи и стратегий ее самоопределения. Такие фундаментальные институты, как семья, образование, труд, государство, теряют функции регуляторов социальной жизни.

Таким образом, цель написания данной статьи — анализ стратегий самоопределения молодежи в контексте решения жизненных противоречий молодых людей с нормативной системой российского общества в целом.

Концептуализация категории «социальное самоопределение» молодежи

Процесс самоопределения выступает в роли связующего звена между личностью и обществом. Социальное самоопределение обосновывает идентичность молодого человека, оно состоит в его включении в сложившийся социальный порядок. Через обращение к концепции самости субъекта рассматривает процесс самоопределения немецкий философ и социолог, один из основателей франкфуртской школы неомарксизма Ю. Хабермас. В коммуникативном действии самоопределение представляется как выдвижение субъектом требования индивидуальности, посредством которого он может быть идентифицирован среди множества «других». Однако в основе такого требования лежит «желание получить признание у своих братьев» [13, с. 37].

Изучение социального самоопределения невозможно без учета смысловой системы общества. Именно ценностные ориентации выражают сознательное отношение человека к социальной действительности. Социальное самоопределение прежде

всего происходит в ценностной сфере. В этой связи структура самоопределения может представлять единство трех уровней: 1) устойчивого «смыслового ядра» самоопределения; 2) подчиненной ему, но более подвижной «ценностной оболочки»; 3) «социальной активности», т.е. непосредственной деятельности, основанной на аккумулированных в «ядре» ценностных смыслах.

Ось «ядро–оболочка» выполняет функцию системообразования [4, с. 189] личности молодого человека. Однако каждый из уровней имеет свое специфическое предназначение. Воплощая в себе скрытые безусловные смыслы деятельности субъекта, «ядро» выполняет функцию ориентирования, т.е. намечает главные направления преобразования среды и определяет жизненную позицию молодого человека. Функциями «оболочки» являются соотношение и адаптация ценностей «ядра» в широком социальном контексте.

Новый взгляд на социальное самоопределение предлагает британский социолог З. Бауман. Согласно его концепции «постмодернити», самоопределение субъекта в условиях прогрессирующей неопределенности становится не столько взаимодействием с обществом, сколько «биографическим разрешением системы противоречий» [2, с. 17].

Задача разрешения этих конституирующих идентичность молодого человека содержательных противоречий стоит перед «ядром» и «оболочкой». Первое — «внутреннее» противоречие можно сформулировать как «Я – отказ от Я». Второе — «внешнее» противоречие описывается дихотомией «свобода – зависимость» и отражает ту степень открытости и возможностей выбора, которую имеет субъект при самоопределении.

Поскольку свободной активности молодежи всегда противостоит консервативное настроенное общество старших поколений, немецкий философ Ф. Ницше (1844–1900) решает противоречия самоопределения в сторону свободы и самоутверждения. Сама жизнь, по Ф. Ницше, есть «желание быть чем-то другим», нежели окружающий мир, воплощенный прежде всего в морали. Сила общественной морали искажает, тормозит, ослепляет сознание человека, действует вредоносно на его самоопределение. Эта мораль — «мораль стадных животных» [9, с. 50], которая «ненавидит слишком большую свободу и насаждает в нас потребность в ограниченных горизонтах» [9, с. 44], воспитывая принципиальную вражду к «юности».

Результатом диалектического взаимодействия «смыслового ядра» и «ценностной оболочки» по разрешению аксиологических противоречий является выработка активной социальной позиции в различных сферах жизни общества. Социальная актив-

ность как своего рода апробация значимых принципов «ядра» на практике, в свою очередь, в случае успешной интеракции закрепляет эти принципы в «ядре», иначе — ставит перед «оболочкой» очередную задачу адаптации.

Интегральной характеристикой социального самоопределения личности является жизненная стратегия как способ самоосуществления человека в разных сферах его жизни [5]. Стратегия социального самоопределения детерминирует особенности согласования индивидуальности субъекта с запросами социокультурного окружения. В качестве основной задачи стратегии социального самоопределения выделяется свободное жизнетворчество, т.е. созидание ценностей своей жизни [1].

Поскольку сущностью социального самоопределения молодежи является разрешение «внутреннего» и «внешнего» противоречий, постольку уместно положить их в качестве основания классификации жизненных стратегий. В этом случае стратегия будет представлять собой способ, которым молодой человек разрешает возникающие жизненные конфликты между требованиями социальной среды и значимыми аспектами собственной идентичности. Разрешение «внутреннего» противоречия предполагает противоположные направленности на «самоутверждение» молодого человека или его «самоотречение» в пользу окружающих его «значимых других». В основе «стратегии самоотречения» лежит фаталистическое восприятие необходимости как долга, что в конечном счете приводит к отказу и утрате собственного «Я».

Разрешая «внешнее» противоречие при соотношении себя с окружающим миром условностей, молодой человек способен проявлять либо защитную конформистскую стратегию, ориентированную на стабильность социального порядка, либо стратегию активного жизнетворчества, связанную с определенной степенью риска. Суть «конформистской стратегии» заключается в стремлении личности сохранять себя и привычный образ жизни в изменившихся внешних условиях. Однако Ю.А. Зубок, анализируя диалектическую связь переменных «стабильность» и «риск», указывает, что сама ситуация риска в известной мере может способствовать раскрытию творческого потенциала молодежи и выступать значимым фактором самореализации [7]. Поэтому «стратегия жизнетворчества», наоборот, предполагает открытость новому и свободное всестороннее развитие личности молодого человека.

Таким образом, социальное самоопределение представляет процесс и результат внутренних изменений субъекта в результате внешнего активного приспособления в различных сферах жизни общества.

Эмпирический материал и способ его получения

Эмпирической основой данной статьи стали материалы Европейского социального исследования, в котором Россия принимает участие с 2006 г. Базы данных размещаются в открытом доступе на официальном сайте [6, 16]. При проведении 7-й волны исследований (2014 г.) выборка составила 2445 респондентов в возрастном диапазоне от 15 до 90 лет. Молодые люди в возрасте от 15 до 31 года составили 628 человек (26 %). Соотношение мужчин и женщин — 40 % и 60 % соответственно.

Для изучения ценностей в исследовании отводится целый блок вопросов по методике Шварца [14]: респондентам предлагается оценить свою схожесть с 21 ценностным описанием от «очень похож на меня» до «совершенно не похож на меня».

Дополнительным источником эмпирических данных стали результаты опроса, проведенного Центром социального партнерства и социологических исследований ПГНИУ в Пермском крае в 2014 г. по аналогичной методике. Выборка включала 385 представителей молодежи.

Применительно к описанной концептуальной модели эти данные позволили решить поставленные исследовательские задачи. Во-первых, рассмотреть структуру ценностей «ядра» и «оболочки» современной российской молодежи в целом и Пермского края, рассматриваемого в качестве самостоятельного региона, традиционно отличающегося определенным свободомыслием, приверженностью общественным изменениям и активным участием во внедрении социальных инноваций. Во-вторых, дать сравнительную характеристику ценностных ориентаций «молодежного куматоида» и общества взрослых. В-третьих, определить соотношение стратегий самоопределения молодежи и их вклад в развитие российского общества.

В основу непосредственного анализа из 21-го описания по методике Шварца легли 16, отражающих четыре пары противоположных ценностно-смысловых направленностей молодых людей: 1) свобода – зависимость; 2) риск – безопасность; 3) справедливость – влияние; 4) забота – достижение. Первые две дихотомии описывают содержание обозначенного в статье «внешнего» противоречия «ценностной оболочки», тогда как третья и четвертая — «внутреннего» противоречия «смыслового ядра». В целом полярная комбинация первой–второй и третьей–четвертой дихотомий содержательно характеризует выделенные в статье интегральные стратегии социального самоопределения (см. рис. 1).

Оценка релевантности обозначенных ценностей и стратегий самоопределения проводилась путем построения индексных показателей на четырех уровнях.

Частотные распределения по степени схожести с представленным списком из 16 описаний легли в основу расчета восьми пар так называемых ценностей первого уровня: 1) независимость (v^{111}) и креативность (v^{112}); 2) приключения (v^{121}) и неожиданности (v^{122}); 3) равенство (v^{231}) и понимание (v^{232}); 4) альтруизм (v^{241}) и верность (v^{242}); 5) покорность (v^{351}) и традиции (v^{352}); 6) безопасность (v^{361}) и скромность (v^{362}); 7) богатство (v^{471}) и власть (v^{472}); 8) слава (v^{481}) и успех (v^{482}). Каждая из пар описывает соответствующие четыре пары ценностей второго

уровня: 1) свобода (V^{11}) и риск (V^{12}); 2) справедливость (V^{21}) и забота (V^{22}); 3) зависимость (V^{31}) и безопасность (V^{32}); 4) влияние (V^{41}) и достижение (V^{42}). Наконец, каждая из пар ценностей второго уровня раскрывает содержание одной из четырех стратегий жизненного самоопределения: 1) стратегия жизнотворчества (S^1); 2) стратегия самоотречения (S^2); 3) стратегия конформизма (S^3); 4) стратегия самоутверждения (S^4) (см. рис. 1).

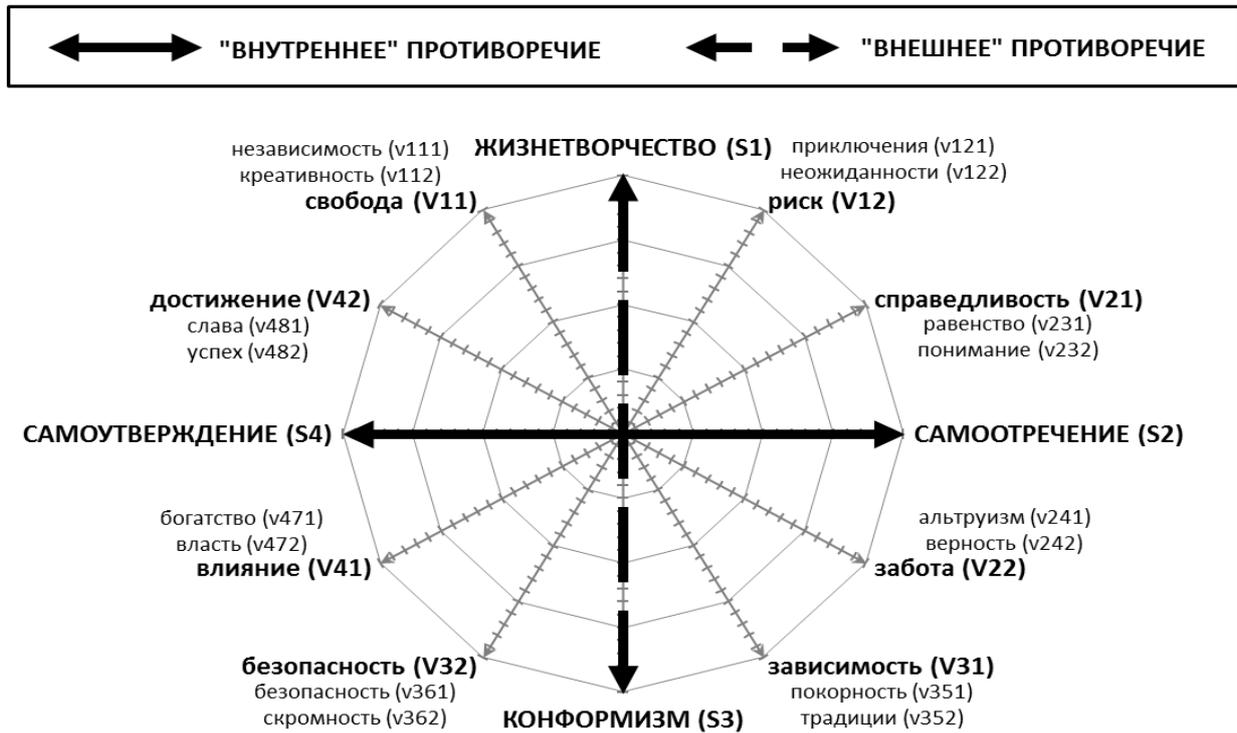

Рис. 1. Концептуальная модель аксиологических противоречий

Индекс по ценностям первого уровня вычислялся по формуле $v^{kji} = (2n_1 + n_2 - n_3 - 2n_4) / (n * 2)$, где v^{kji} — соответствующая ценность первого уровня, n_1 — число «очень похожих», n_2 — «немного похожих», n_3 — «непохожих», n_4 — «совсем непохожих», n — общее число респондентов. При этом с целью общей концептуальной направленности представленного анализа по типу «ценностных противоречий» исходные, согласно методике Шварца, шесть категорий были преобразованы в четыре. Были объединены в две градации положительного полюса категории «очень похож на меня» и «в значительной степени похож на меня», а также «немного похож на меня» и «чуть-чуть похож на меня». Значение индекса изменяется в пределах $[-1; 1]$.

Индекс по ценностям второго уровня вычислялся по формуле $V^{kj} = (v^{kj1} + v^{kj2}) / (2)$, где V^{kj} — соответствующая ценность второго уровня, v^{kj1} и v^{kj2} — соот-

ветствующие ценности первого уровня. Значение индекса изменяется в пределах $[-1; 1]$. Отрицательные значения свидетельствуют о большей выраженности в группе отсутствия приверженности анализируемым ценностям, а положительные — приверженность им, 0 означает равную численность групп.

На третьем этапе расчетов приверженность одной из четырех стратегий самоопределения проводилась через оценку того вклада, которые делают в нее составляющие ценности второго уровня, по формуле $S^k = V^{k1} * V^{k2}$, где S^k — определенная стратегия жизненного самоопределения, V^{k1} и V^{k2} — соответствующие ценности второго уровня. Значение индекса приверженности стратегии изменяется в пределах $[-1; 1]$, что отражает ее использование или отказ от нее.

В заключение, исходя из представлений о том, что те или иные ценности отражают «статичность» (зави-

симось, безопасность, влияние, забота, т.е. «ценности сохранения») или «динамичность» (свобода, риск, справедливость, достижение, т.е. «ценности изменения») общественной жизни, рассчитывался соответствующий индекс потенциальной аксиологической динамичности общественной жизни по формуле $D = (V^{11} + V^{12} + V^{21} + V^{42}) / (V^{22} + V^{31} + V^{32} + V^{41})$.

Концептуальная направленность представленной теоретической модели и эмпирического анализа по типу «ценностных противоречий» позволяют показательно представить рассчитанные индексы в виде лепестковых диаграмм.

Обсуждение и результаты

Индексные показатели по ценностям второго уровня и стратегиям жизненного самоопределения представлены в табл. 1. В нее не включены данные по четвертой (2008 г.) и шестой (2012 г.) волне Европейского социального исследования, поскольку индексы тех годов практически не отличаются от результатов, полученных в последующих за ними волнах.

Таблица 1. Ценности и стратегии самоопределения молодежи, индексы^{ранг}

Ценности и стратегии самоопределения		Российская Федерация			Пермский край
		2006 г.	2010 г.	2014 г.	2014 г.
1.1	свобода	0,76 ¹	0,73 ³	0,74 ²	0,74 ²
1	Жизнетворчество	0,40	0,42	0,41	0,47
1.2	риск	0,53 ⁷	0,57 ⁷	0,56 ⁷	0,69 ⁵
2.1	справедливость	0,65 ⁴	0,70 ⁴	0,71 ³	0,63 ⁴
2	Самоотречение	0,47	0,55	0,54	0,51
2.2	забота	0,77 ³	0,79 ¹	0,76 ¹	0,81 ¹
3.1	зависимость	0,40 ⁸	0,54 ⁸	0,55 ⁸	0,31 ⁸
3	Конформизм	0,22	0,34	0,37	0,15
3.2	безопасность	0,57 ⁶	0,64 ⁶	0,66 ⁵	0,48 ⁷
4.1.	влияние	0,64 ⁵	0,69 ⁵	0,65 ⁶	0,57 ⁶
4	Самоутверждение	0,48	0,51	0,47	0,40
4.2	достижение	0,75 ²	0,73 ²	0,70 ⁴	0,71 ³
Индекс динамичности молодежи		1,16	1,03	1,03	1,24
Индекс динамичности взрослых		0,70	0,77	0,78	0,95
Индекс динамичности по выборке		0,82	0,84	0,84	1,05

Социально-философский подход делает необходимым рассмотрение развития в качестве существенной характеристики молодежи, поэтому следует обратиться к анализу динамики ценностных трансформаций (см. рис. 2). Можно отметить достаточно стабильную, но вместе с тем противоречивую систему оценок взаимоисключающих ценностей, что отражает характерные для молодого поколения аксиологический релятивизм и неопределенность. Заметен рост значимости таких ценностей, как зависимость от господствующих норм и безопасность.

Внутреннее противоречие молодого поколения проходит по линии «самоутверждение–самоотречение», ценности заботы и достижения представлены практически в равной степени значимости. Наоборот, внешнее противоречие «свобода–зависимость» решается однозначно в пользу первой.

Если говорить о межпоколенческих различиях, то на диаграмме хорошо прослеживается основное

внешнее противоречие между молодежным куматидом и обществом взрослых, проходящее по линии «свобода–зависимость». На ней представлены индексные показатели по взрослому населению только за 2014 г., соответствующие как общероссийской выборке, так и выборке по Пермскому краю, поскольку они практически не отличаются друг от друга и от результатов предыдущих годов измерений, т.е. представляют собой достаточно стабильную систему оценок. Молодежь демонстрирует заметно большую приверженность ценностям риска, достижения, свободы и влияния, т.е., если исходить из представленной модели, является фактором динамичного развития российского общества. Взрослое население, наоборот, аккумулирует в себе ценности статичного общества (см. рис. 3).

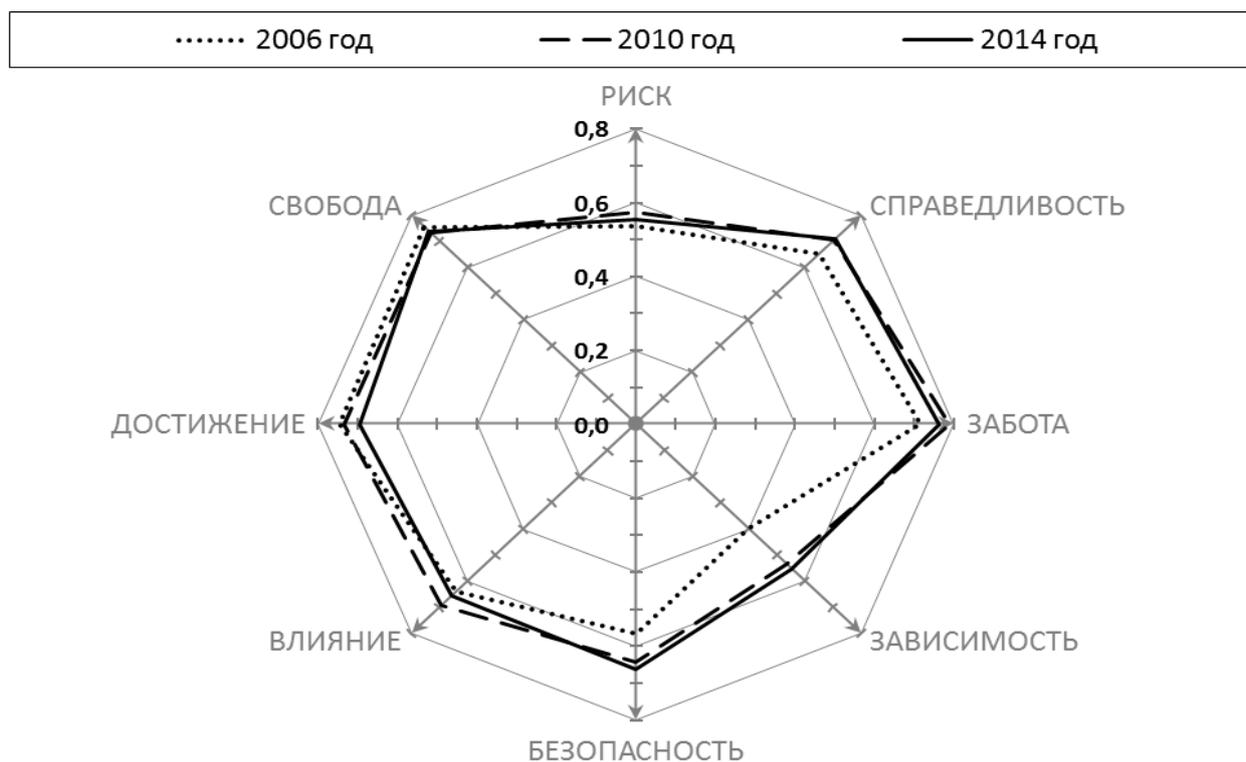

Рис. 2. Динамика ценностных ориентаций молодежи

Рис. 3. Сравнение ценностных ориентаций молодого и взрослого поколений

Кроме того, различаются индексные показатели ценностных ориентаций молодежи Пермского края и Российской Федерации. Первая отличается существенно меньшей зависимостью от господствующих норм и правил и, наоборот, более склонна инициировать социальные изменения.

Говоря о стратегиях жизненного самоопределения молодежи, стоит отметить, что в целом значи-

тельное влияние на их изменение за восемь лет измерений оказало смещение в сторону приверженности традициям и безопасности. В этой связи на диаграмме заметно прослеживается тенденция к усилению конформистской стратегии самоопределения, что в свою очередь несет угрозу роста статичности российского общества (см. рис. 4).

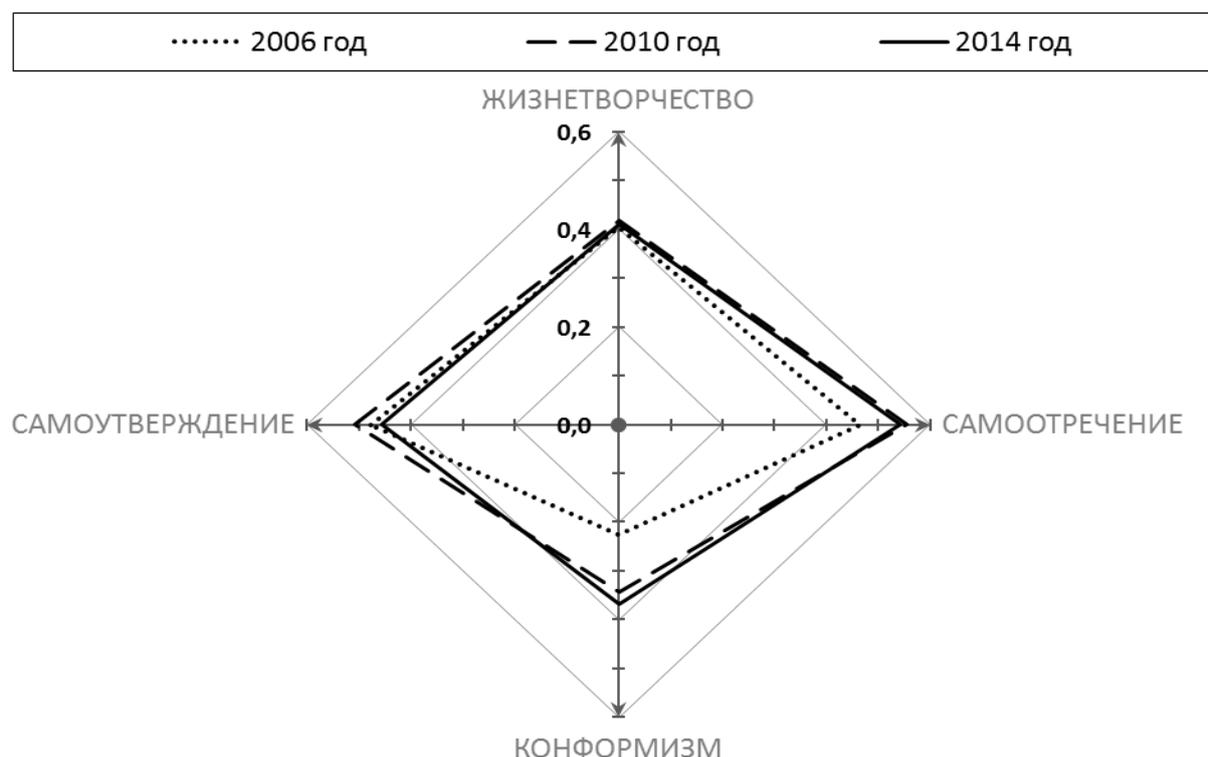

Рис. 4. Динамика приверженности стратегиям самоопределения молодежи

Аналогично прослеживаются и внешние различия в избранных стратегиях самоопределения. Если взрослое население страны наряду с самоотречением отдает предпочтение конформистской стратегии, то молодежь, практически в равной степени — стратегиям самоутверждения и жизнотворчества, при приоритете стратегии самоотречения (см. рис. 5).

Наконец, весьма показательна, что индекс ценностей динамичности выше индекса ценностей статичности в группе молодежи, тогда как в обществе взрослых он, наоборот, значительно ниже (см. табл. 1). В Пермском крае эти различия меньше, т.к. молодежь Пермского края демонстрирует меньшую приверженность традициям и в большей мере ценит социальные изменения. Таким образом, именно молодежь делает основной вклад в развитие динамического общества.

Говоря о последствиях избранной стратегии, необходимо также отметить, что усиление конформизма в молодежной среде сопровождалось повы-

шением общего уровня удовлетворенности руководством страны, работой демократии и жизнью в целом. По-прежнему на низком уровне находится удовлетворенность молодых людей состоянием российской экономики — более половины (54%) им не удовлетворены, что отражает ее кризисное положение (см. табл. 2). В такой ситуации стоит отметить, что более 60% молодых людей согласны с тем, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми. При этом данные показывают весьма пассивную гражданскую активность молодежи. Показательны в этом контексте избранные каналы гражданской активности. Самыми популярными среди них оказались подписываемые петиции и обращения. На втором месте — участие в работе неправительственных общественных организаций. Намного реже используются каналы непосредственного взаимодействия с властью, политическими партиями и демонстрации.

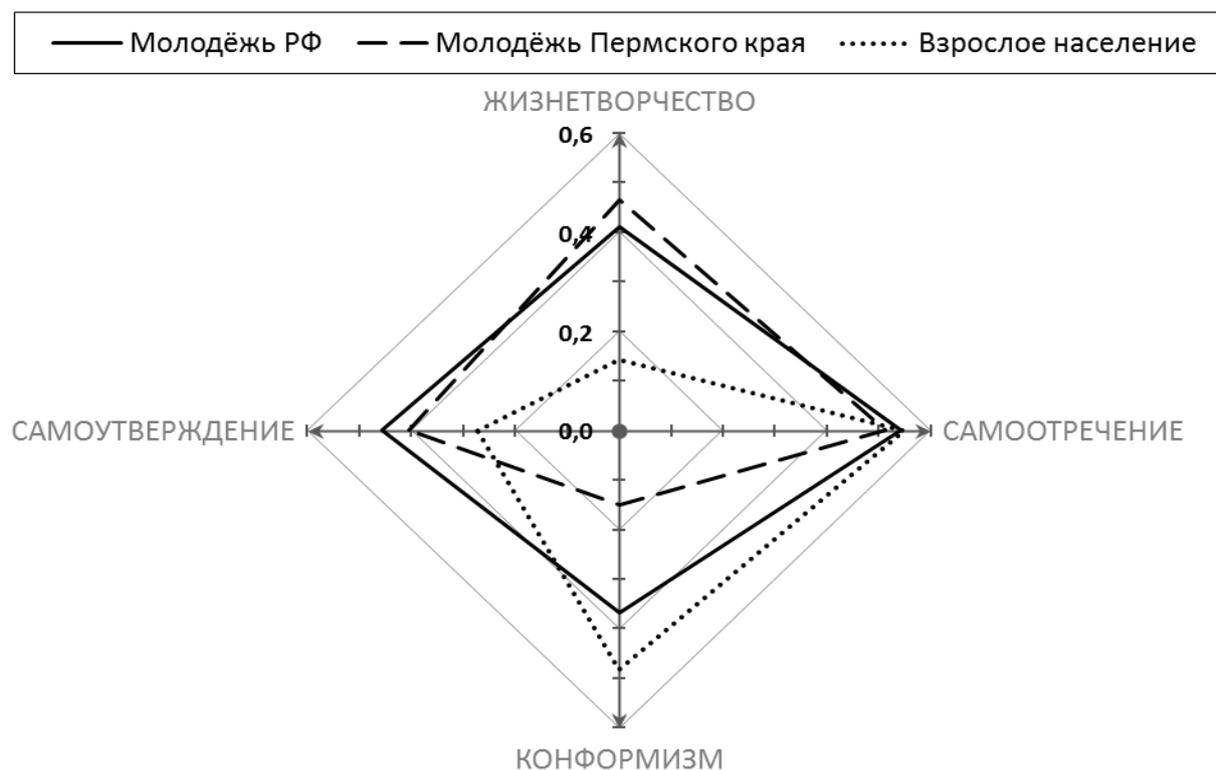

Рис. 5. Сравнение стратегий самоопределения молодого и взрослого поколений

Таблица 2. Удовлетворенность молодежи аспектами жизни, индексы*

Удовлетворенность	2006 г.	2010 г.	2014 г.
Жизнью в целом	0,23	0,29	0,33
Руководством страны	-0,09	-0,08	0,14
Работой демократии	-0,19	-0,17	-0,02
Состоянием экономики	-0,18	-0,19	-0,16

* Индекс удовлетворенности аспектами жизни вычислялся по формуле $I = (2n_1 + n_2 - n_3 - 2n_4) / n$, где n_1 — число «полностью удовлетворенных», n_2 — «скорее удовлетворенных», n_3 — «скорее неудовлетворенных», n_4 — «полностью неудовлетворенных», n — общее число респондентов. Значение индекса изменяется в пределах $[-1; 1]$. Отрицательные значения свидетельствуют о большей выраженности в группе неудовлетворенности, а положительные — удовлетворенности, 0 означает равную численность групп.

Таким образом, в историческом процессе молодежь постоянно меняет социальную функцию, переходя с уровня элементов социума (т.е. воспринимающего объекта) на уровень структуры (т.е. воздействующего субъекта), что сопровождается ростом конформизма молодых людей, который позволяет занимать более устойчивую позицию в сложившемся социальном порядке.

Выводы

Исходя из полученных данных, можно сказать, что молодежь демонстрирует заметно большую приверженность приписываемым ей ценностям свобо-

ды, склонности к риску и самоутверждению. В этом контексте молодой человек выступает как «чужой» [15, с. 35], переживающий личностный кризис и стремящийся проникнуть посредством изменения системы ценностей в новую структуру «взрослого общества большинства».

Направляющее внутреннее «смысловое ядро» молодежи в равной степени составляют ценности самоутверждения и самоотречения, что провоцирует характерный для молодого поколения внутриличностный конфликт, тогда как адаптивную внешнюю «ценностную оболочку» — четкая ориентация на

свободное жизнетворчество, что особенно ярко прослеживается на выборке по Пермскому краю.

Подобная ориентация позволяет молодежи оставаться «оживляющим посредником социальной жизни» [8, с. 572]. Эту однозначную направленность молодых людей к так называемому «динамическому» обществу показательно демонстрирует индекс соотношения «ценностей сохранения» к «ценностям изменения», в то время как старшие возрастные группы ориентированы на поддержание существующего порядка (см. табл. 1).

Однако несмотря на то что в решении внешнего противоречия большинство молодых людей делают акцент на независимости от условностей социального порядка, до конца не преодолен риск воспроизводства устаревших, отживших ценностей и отношений, характерных для эпохи капиталистического авторитаризма, который разрушает «здоровое равновесие между индивидом и обществом» [8, с. 571]. Прослеживается заметная тенденция роста конформизма и значимости собственной безопасности. Стоит отметить, что подобная направленность показательно отражает тенденцию роста закрытости российского общества в целом, наметившуюся в последние годы.

В этой связи оправдывается высказывание Ф. Ницше о том, что молодежи «никогда не давалось возможности дать самим себе направление: и они с детских лет привыкли ловить направление» [10, с. 47]. Опасность данной тенденции сопряжена с «бегством от свободы», когда человек поддается «соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат» [12, с. 7].

Если учесть, что молодежь более ярко отражает современные реалии, то полученные оценки подтверждают прогноз У. Бека о том, что движущим принципом «грядущего общества риска» становится безопасность [3, с. 107]. Таким образом, риск оказывается одним из оснований актуальных специфических проблем молодежи. «Вынужденная конформизация, преобладающая в нашей демократии» [12, с. 124], породила опасность того, что индивид рискует стать орудием внешних целей. Такое состояние не только подрывает человеческую личность, но и подготавливает человека к новому рабству в «обществе риска».

Список литературы

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Наука, 1991. 316 с.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

3. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 383 с.
4. *Бельх Л.И.* К вопросу о структуре нравственного самоопределения молодежи // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 1. С. 167–190.
5. *Васильева О.С., Демченко Е.А.* Изучение основных характеристик жизненной стратегии // Вопросы психологии. 2001. № 11. С. 74–85.
6. *Европейское социальное исследование в России.* URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=330> (дата обращения: 03.06.2016).
7. *Зубок Ю.А.* Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. №4. С. 42–51.
8. *Манхейм К.* Проблема молодежи в современном обществе // Избранное: Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: РАО Говорящая книга, 2010. С. 570–591.
9. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Н. Полилова. М.: Азбука-классика, 2006. 103 с.
10. *Ницше Ф.* Утренняя заря, или мысль о моральных предрассудках / пер. с нем. М.: Азбука-классика, 2008. 384 с.
11. *Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.
12. *Фромм Э.* Бегство от свободы / пер. с англ. Г.Ф. Швейника. М.: АСТ, 2011. 288 с.
13. *Хабермас Ю.* Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 10–15.
14. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70.
15. *Ярская-Смирнова Е.* Социокультурный анализ нетипичности / Саратов. гос. техн. ун-т. Саратов, 1997. 272 с.
16. *The European Social Survey.* URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (accessed: 03.06.2016).

Получено 28.09.2016

References

1. *Abulkhanova-Slavskaya K.A.* *Strategiya zhizni* [The life strategy]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 316 p. (In Russian).
2. *Bauman Z.* *Individualizirovannoe obschestvo* [The individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2005, 390 p. (In Russian).
3. *Beck U.* *Obschestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk society: towards a new modernity]. Moscow, Progress–Traditsiya Publ., 2000, 383 p. (In Russian).

4. Belykh L.I. [To the issue of the youth moral self-determination structure]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Krasnoyarsk State Agricultural University bulletin]. 2013, no 1, pp. 167–190. (In Russian).
5. Vasileva O.S., Demchenko E.A. [General characteristics of life strategy]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology]. 2001, no 11. pp. 74–85. (In Russian).
6. *Evropeyskoe sotsialnoe issledovanie v Rossii* [The European social survey in Russia]. Available at: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=330> (accessed 03.06.2016). (In Russian).
7. Zubok Yu.A. [Youth social development issues under risk conditions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2003, no 4. pp. 42–51. (In Russian).
8. Mannheim K. [Problem of youth in modern society]. *Izbrannoe: diagnoz nashego vremeni* Selected: diagnosis of our time. Moscow, Govoryaschaya kniga Publ., 2010, pp. 570–591. (In Russian).
9. Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond good and evil]. Moscow, Azbuka-klassika Publ., 2006, 103 p. (In Russian).
10. Nietzsche F. *Utrennyaya zarya ili mysl' o moral'nyh predrassudkah* [Daybreak. Thoughts on the prejudices of morality], Moscow, Azbuka-klassika Publ., 2008, 384 p. (In Russian).
11. Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Moscow, Kontakt-Alfa Publ., 1995, 384 p. (In Russian).
12. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow, AST Publ., 2011, 288 p. (In Russian).
13. Habermas Ju. [Concept of individuality]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1989, no 2, pp. 10–15. (In Russian).
14. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. [Refined theory of basic individual values: application in Russian]. *Psikhologiya: zhurnal VShE* [Psychology: Higher School of Economics magazine]. 2012, vol. 9, no 1, pp. 43–70. (In Russian).
15. Yarskaya-Smirnova E. *Sotsiokulturnyy analiz netipichnosti* [Sociocultural atypical analysis]. Saratov, 1997, 272 p. (In Russian).
16. The European Social Survey. Available at: <http://www.europeansocialsurvey.org> (accessed 03.06.2016). (In English).

The date of the manuscript receipt 28.09.2016

Об авторе

Безруков Антон Витальевич
аспирант кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: zaratustra23@mail.ru

About the author

Bezrukov Anton Vital'evich
Ph.D. Student of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: zaratustra23@mail.ru

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Безруков А.В. Стратегии социального самоопределения молодежи в рамках аксиологических противоречий переходного российского общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 111–120. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-111-120

Please cite this article in English as:

Bezrukov A.V. Strategy of social self-determination of youth in the framework of axiological contradictions of Russian transient society // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 111–120. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-111-120

УДК 2-76

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-121-127

ЦЕННОСТЬ МИССИОНЕРСТВА И ПОПЫТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Сироткин Павел Федорович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Миссионерство является неотъемлемой частью любого религиозного культа, а возможность осуществления миссионерской деятельности является одной из основных ценностей религиозной организации. Подготовка к миссионерской деятельности и сама миссионерская деятельность — важный этап религиозной социализации или воцерковления. Христианские конфессии, деноминации или культы считают миссионерскую деятельность важной, а часто и приоритетной внутрикультовой ценностью. Деятельность миссионеров периодически начинает интересовать различные государственные структуры и органы, в результате чего появляются законопроекты, имеющие цель упорядочить, бюрократизировать миссионерскую деятельность различных конфессий, деноминаций и культов. В России регулирование происходит на уровне регионального законодательства и служит точкой преткновения между государственными органами власти на местах и религиозными организациями, считающими миссионерство важной ценностью их религиозной жизни. Проведенный анализ показывает, что попытки ограничивать ту или иную сферу деятельности определенных социальных групп продолжаются, но если эта ограничиваемая область деятельности носит ценностный характер для определенных социальных групп, то эффективность законодательства будет довольно низка.

Ключевые слова: религиозные ценности, религиозный культ, миссионер, миссионерская деятельность, религиозная деятельность.

MISSIONARY VALUES AND ATTEMPTS OF LEGISLATION REGULATION OF MISSIONARY ACTIVITIES

Pavel F. Sirotkin

Perm State University

Missionary work is an integral part of any religious cult, and the work of missionary activity is one of the core values of a religious organization. Preparation for missionary work and missionary work itself is important as a stage of religious socialization or churching. Christian denominations or cults believe missionary work is important and is a value of intrinsically priority. Missionary activities occasionally attract attention of various state government agencies and bodies, resulting in bills aimed to order and bureaucratize the missionary activities of different religions, denominations and cults. In Russia, the regulation occurs at the level of regional legislation and serves as a point of contention between state authorities and religious organizations that consider missionary work an important aspect of their religious life. The analysis shows that attempts to limit one or another sphere of activity of certain social groups continue, but if this limited area of activity is valuable for certain social groups, the effectiveness of the legislation will be quite low.

Keywords: religious values, religious worship, missionary, missionary activities, religious activities.

Миссионерство — деятельность церквей и сект по распространению собственного вероучения и своей обрядности как внутри страны, так и за ее пределами [9, с. 130].

И.С. Свенцицкая отмечает, что «активная миссионерская деятельность, проповедь “благой вести” как можно большему числу людей были органически присущи христианству» [10, с. 102].

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

Ценность христианского миссионерства выражают канонические фразы, относящиеся к Христу и апостолу Павлу. Евангелие от Марка воспроизводит слова Христа: «И сказал он им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» [4, Мк 16:15]. Апостол Павел закрепил эту важную новую ценность фразой: «Горе мне, если не благовестую» [4, 1 Кор 9:16]. Вектор развития христианской цивилизации так называемого «западного мира» во многом определялся миссионерской деятельностью христианских конфессий, которые и в современных условиях распространяют не только вероучение, но и ценности современной западной цивилизации. Отражением современного католического взгляда является Энциклика «Redemptoris Missio» (с лат. «Миссия Искупления») Папы Иоанна Павла II от 7 декабря 1990 года о неизменной актуальности миссионерского послания. Миссионерская деятельность католической церкви достаточно пластична и для достижения результата готова использовать все доступные методы и, что наиболее интересно, она видоизменяется вместе с прогрессом и новациями. Одной из таких нетрадиционных форм миссионерской работы является объединение трудящихся в христианские профсоюзы. По мнению Папы Иоанна Павла II, «сегодня существует явная потребность в новой евангелизации» [8, с. 154].

Миссионерство, оставаясь базовой ценностью религиозной организации, может проявляться не только как элемент организационной культуры, но и как элемент внутригрупповой страфикации, выделяя в структуре религиозной группы отдельный слой профессионалов — миссионеров. Наличие такой внутриорганизационной профессиональной группы не отменяет необходимости развития миссионерского поведения представителей иных внутриорганизационных групп.

Отношение к миссионерству у представителей различных религиозных конфессий, деноминаций и культов различно. Наблюдения показывают, что прихожане православных и католических приходов, признавая важность и ценность миссионерства, в большей степени склонны считать, что данное действие есть прямая обязанность священнослужителей, а их обязанность — молиться и слушаться Церкви. Данный тезис подтверждает и опрос в среде американских католиков, проведенный исследовательской компанией Pew Research Center в 2015 г. в США. Авторы отмечают, что 45 % американцев являются католиками или соотносят себя с католичеством. При этом большая часть опрошенных указала основными ценностями в религиозной жизни не миссионерство, а важность личных отношений с Иисусом, веру в воскресение и необходимость работать, чтобы помогать бедным и нуждающимся [14].

Опрошенный автором статьи эксперт — священник Римско-католической церкви отметил, что «для католика участие в таинствах и совершение паломничества более важны, чем уличная проповедь. Совершая паломничество, он совершает важный и видимый окружающим личный миссионерский поступок — идет в неведомое, опираясь на силу Христова. А проповедь — дело церкви и священников. Но при этом это очень важная ценность для церкви» (авторский экспертный опрос от 12.12.2015). Декрет о миссионерской деятельности «Ad Gentes», принятый на Втором Ватиканском соборе, определил, что эта миссия является сущностной для церкви. «Странствующая Церковь по природе своей является миссионерской, ибо она берет свое начало в миссии Сына и в ниспослании, т.е. в миссии Святого Духа согласно Предустановлению Бога» [3, с. 353].

Рассматривая протестантские деноминации или околочристианские религиозные культы, можно заметить, что ценность миссионерства в данных структурах не только постулируется, но и активно проводится в жизнь самой деятельностью последователей данных вероучений.

В частности, в организациях, имеющих профессиональных проповедников, например в религиозных организациях баптистов или адвентистов, миссионерство иных членов данного религиозного сообщества весьма эффективно. Опросы, проведенные автором в религиозной среде пермских евангельских христиан-баптистов и пермских адвентистов седьмого дня в 2012–2013 гг., показывают, что эффективность миссионерской деятельности членов группы значительно выше эффективности членов профессионального миссионерского слоя. 48 % опрошенных баптистов и 31 % опрошенных адвентистов были привлечены к религиозной жизни через проповедь своих друзей или знакомых и только 6 % баптистов и 18 % адвентистов — через профессионального миссионера (авторский опрос, проведенный в 2012–2013 гг.).

Существуют конфессиональные группы, где миссионерство является приоритетной деятельностью и любой последователь религиозного культа в обязательном порядке привлекается к проведению миссионерской работы. Одним из лидеров подобного поведения является религиозное объединение Свидетелей Иеговы, информационные издания которых дают масштабные цифры проведенной миссионерской работы, согласно которым «в 2014 году более 8 млн. Свидетелей в 240 странах каждый месяц проводили 9,5 млн. библейских изучений» [13, с. 4]. Анализируя ценностные ориентации Свидетелей Иеговы, нельзя не отметить, что ценность миссионерства у представителей данной религиозной группы стоит практически на первом месте. Авторский опрос приверженцев Свидетелей Иеговы, про-

веденный в 2014 г., дает понимание о масштабности миссионерской деятельности церкви. 100 % опрошенных подтвердили свое участие в уличных миссионерских мероприятиях. По словам одного из экспертов — возвещателя религиозной группы Свидетелей Иеговы, «мы все несем слово божье» (авторский экспертный опрос 21.04.2014). По данным социологического опроса, проведенного в 2011 г. московскими исследователями А.И. Антоновым и В.М. Медковым в среде Свидетелей Иеговы, 99,1 % заявили, что «люди, не принадлежащие к религиозной общине Свидетелей Иеговы, являются моими ближними, которым я должен делать добро» [1, с. 166]. Понятие «добро» в зависимости от традиций, морали и иных ценностных ориентаций человека может включать довольно широкий набор действий. Опрошенный эксперт — возвещатель религиозной группы Свидетелей Иеговы среди прочего указал, что «одной из ипостасей добра в понимании Свидетелей Иеговы является обязательность нести свидетельство людям» (авторский экспертный опрос 21.04.2014). Очень показательны слова одного из адептов этого учения: «Сегодня самая большая радость для меня — помогать другим узнавать о нашем Творце» [7, с. 11].

Таким образом, миссионерство становится основой организационной или корпоративной культуры некоторых религиозных групп. Миссионерство доминирует во внутрикорпоративной системе ценностей, служит модальным образцом стиля поведения адепта, итоги миссионерства влияют на социальный климат в организации, а регулярное использование миссионерских практик служит ускорению религиозной социализации. Личная потребность миссионерских действий является признаком усвоения членами организации необходимых ценностей и норм религиозного культа.

При этом, по мнению Л. Харрисона, сама религия есть главный источник ценностей, верований и установок — аспектов культуры, в наибольшей степени влияющих на те виды поведения, которые оказывают мощное воздействие на ход общественной эволюции [12, с. 15].

Миссионерство, являясь значимой внутрикультурной ценностью, в свою очередь подвигает верующего на определенное социально активное поведение, и данное поведение может привести в социальную среду определенные конфликты между представителями разных конфессий, деноминаций и культов. Возможные конфликтные последствия миссионерской деятельности подвигли государственные власти к ограничению миссионерской деятельности. История XX в. знает несколько примеров подобной деятельности государственных органов. В частности, до середины 90-х гг. XX в. в Греции миссионерство иных конфессий, за исключением Греческой право-

славной церкви, было запрещено и каралось судебным преследованием. В 70-х гг. XX в. в Финляндии было ограничено право миссионеров ходить по частным домам с проповедями. В 70–80-х гг. XX в. в США в ряде штатов были приняты постановления о лицензировании сбора пожертвований и подобной миссионерской деятельности, связанной со сбором денег. Большинство из этих ограничительных законодательных актов периодически оспаривается в различных международных судах по искам религиозных групп с высоким уровнем ценности миссионерства. В защиту своего права миссионерствовать заявители указывают на нормы права, зафиксированные в многочисленных международных законодательных актах: ст. 18, 19 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией Генеральной ассамблеи ООН от 10.12.1948; п. 1 ст. 18 и п. 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятой резолюцией Генеральной ассамблеи ООН от 16.12.1966; Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, принятой резолюцией Генеральной ассамблеи ООН от 25.11.1981, и иные международные законодательные акты.

Российское законодательство, давая определения религиозного объединения, религиозной группы, религиозной организации, признает, что совместное исповедание и распространение веры являются основными целями данных религиозных структур [11, п. 1 ст. 6, 7, 8]. Начало этому либеральному процессу положила Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая постановлением ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г., которая гарантирует свободу религиозной или атеистической деятельности, в том числе и распространение убеждений [2, ст. 14]. Конституция Российской Федерации закрепила такие права, как свобода совести, свобода вероисповедания, включая право распространять религиозные убеждения [6, ст. 28].

Несмотря на наличие в Конституции РФ права распространять свои религиозные убеждения, различные федеральные или региональные органы государственной власти пытаются если не ограничить, то законодательно определить и понятие миссионерской деятельности религиозной организации, и саму деятельность миссионеров. В частности, можно отметить попытки Министерства юстиции Российской Федерации в 2009 г. законодательно оформить понятие миссионерской деятельности путем внесения поправок и изменений в 125-ФЗ в вопросах, касающихся миссионерской деятельности. В частности, Минюст России предлагал совершенно новую трактовку термина «миссионерская деятельность», в которой данная деятельность — не просто личное право каждого верующего распространять вероучение, а целе-

направленная деятельность религиозной организации. Однако законопроект принят не был.

Точку в спорах о праве субъекта Российской Федерации определять практическое применение конституционного права распространять религиозные убеждения поставил Верховный суд Российской Федерации в своем определении от 03.12.2001 № 57-Г01-14 в ответ на кассационный протест прокурора Белгородской области по делу о признании недействующими и не подлежащими применению п.п. 1, 6, 7 ст. 3 и ст. 4 Закона Белгородской области от 19 марта 2001 г. № 132 «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области». Верховным судом признано, что при отсутствии соответствующего федерального закона субъект РФ вправе осуществлять собственное регулирование, что соответствует предусмотренным ст. 72, 76 и 79 Конституции РФ положениям. Так же определено, что миссионер, представляющий в своей деятельности религиозное объединение, должен действовать в пределах правоспособности этого объединения.

Следует отметить, что в 2010 г. была еще одна попытка оспорить законность регламентирования миссионерской деятельности в Верховном суде Российской Федерации. Верховный суд Российской Федерации своим определением от 20 января 2010 г. № 57-Г09-13 не удовлетворил частную жалобу о признании недействующими, не подлежащими применению и не соответствующими ст. 18, 28 Конституции Российской Федерации положений п. 1 ст. 3 Закона Белгородской области от 19 марта 2001 г. № 132 «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области».

Являясь по сути первым действующим законодательным актом по вопросам регулирования миссионерства в РФ, Закон Белгородской области от 19 марта 2001 г. № 132 «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» регулярно претерпевает правки и изменения (например, в редакции законов Белгородской области от 13.05.2002 № 32, от 04.07.2002 № 35, от 04.12.2007 № 179, от 03.05.2011 № 32) [5].

Региональная законодательная практика, регулирующая вопросы, связанные с реализацией прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания, распространена не очень широко. Известны следующие региональные законодательные акты: Республики Башкортостан (региональный закон от 20.06.1991 № ВС-6/19 «О свободе совести и вероисповедания в Республике Башкортостан»), Республики Тыва (региональный закон от 01.04.1995 № 253 «О свободе совести и религиозных организациях»), Республики Бурятия (региональный закон от 23.12.1997 № 610-1 «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия»), Республики Дагестан (региональный закон от 16.01.1998 № 5 «О

свободе совести свободе вероисповедания и религиозных организациях»), Республики Адыгея (региональный закон от 12.01.1999 № 107 «О свободе совести и свободе вероисповедания в Республике Адыгея»), Республики Татарстан (региональный закон от 14.07.1999 № 2279 «О свободе совести и о религиозных объединениях»), Волгоградской области (региональный закон от 27.11.2001 № 634-ОД «О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Волгоградской области»), Тюменской области (региональный закон от 08.02.2001 № 263 «О деятельности религиозных объединений в Тюменской области»). Что же касается регулирования исключительно миссионерской деятельности, то помимо Белгородской области региональные законодательные акты приняты в Воронежской области (региональный закон от 30.04.1999 № 87-П-ОЗ «О порядке осуществления миссионерской деятельности на территории Воронежской области»), Костромской области (региональный закон от 11.04.2005 № 259-ЗКО «О порядке и условиях осуществления миссионерской деятельности на территории Костромской области»), Курской области (региональный закон от 18.06.2004 № 23-ЗКО «О миссионерской деятельности на территории Курской области»), Смоленской области (региональный закон от 10.06.2003 № 25-з «О миссионерской деятельности на территории Смоленской области»), Республики Северная Осетия – Алания (региональный закон от 30.12.2004 № 38-РЗ «О миссионерской деятельности на территории Республики Северная Осетия – Алания»). Особняком стоит отмененный Верховным судом Удмуртской Республики от 05.03.1997 один из первых региональных законов о миссионерской деятельности — закон Удмуртской Республики от 28.05.1996 № 221-1 «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики», принятый Госсоветом УР 28.05.96 (утратил силу на основании Закона Удмуртской Республики от 12.09.2002 № 51-РЗ).

Законотворческая деятельность в данном направлении продолжается. В 2014 г. в Законодательное собрание Пермского края внесен проект закона «О миссионерской деятельности на территории Пермского края». Интересно отметить, что проект закона Пермского края практически полностью и дословно копирует закон Белгородской области, с небольшим дополнением. К новации пермского законопроекта можно отнести статью, посвященную региональному экспертно-религиоведческому совету. В данное время на территории Пермского края действует Экспертный религиоведческий Совет при Управлении Минюста РФ в Пермском крае. Авторы законопроекта предлагают существенно усилить статус совета, создав его при руководителе Администрации губернатора Пермского края и закрепив его

права и обязанности на законодательном уровне. А персональный состав Экспертно-религиоведческого совета предлагается утверждать указом губернатора Пермского края.

24 декабря 2015 г. Дума Ставропольского края утвердила в окончательном чтении предложенный губернатором Ставропольского края законопроект «О миссионерской деятельности на территории Ставропольского края». Согласно новому закону проповедники должны будут уведомлять о своей деятельности государственные органы и регистрироваться в качестве миссионера. За ведение миссионерской деятельности без соответствующих документов предусмотрено административное наказание.

22 октября 2015 г. областное собрание Архангельской области приняло в первом чтении закон «О миссионерской деятельности на территории Архангельской области». Цель нового закона — защита жителей Архангельской области от действий лиц, ведущих миссионерскую деятельность и проповедующих религиозные взгляды от имени религиозных организаций, не являясь при этом уполномоченными религиозными организациями на указанную деятельность.

16 февраля 2016 г. в Законодательное собрание Свердловской области внесен проект областного закона «О миссионерской деятельности в Свердловской области». Предполагается, что для ведения такой деятельности миссионер должен будет иметь документы, подтверждающие принадлежность к религиозному объединению, а проповедь будет возможна только на территориях соответствующих религиозных объединений. В жилых помещениях проповедь будет возможна только с согласия граждан. Миссионерскую работу среди несовершеннолетних станет возможно проводить только с разрешения обоих родителей. Кроме того, согласно законопроекту миссионеры, приехавшие из других регионов, должны будут направить в уполномоченный орган власти Свердловской области данные о собственной принадлежности к религиозной организации и программу пребывания. Авторы законопроекта считают, что иностранные граждане, прибывшие в область с другими целями, не имеют права вести миссионерскую деятельность.

Попытки ограничительной деятельности со стороны ряда региональных законодательных органов власти в ближайшее время будут продолжаться, так как мы видим активизацию в 2015–2016 гг. регионального законодательства по данному направлению. При этом в ряде регионов, ранее принявших законы о регулировании миссионерской деятельности, эти законы признаны неэффективными. Миссионерство становится не так заметно, видоизменяется, но отказываться от главной или одной из основных ценностей — распространения «слова Божье-

го» — верующие не согласны. Около 60 % опрошенных баптистов и адвентистов сказали, что при конфликте государства и церкви они поддержат позицию церкви и готовы к лишениям, например, платить административный штраф (авторский опрос, проведенный в 2012–2013 гг.). Автор, неоднократно присутствуя на богослужениях различных культов, слышал тезис о том, что гонения или ограничения приближают современных верующих к верующим времен апостольских, делают их мучениками за веру, повышая шансы на спасение. А руководству культов подобные ограничительные региональные законы позволяют довольно эффективно оспаривать их содержание в судах различной инстанции. В этом плане особо интересна будет реакция религиозного сообщества на принятый Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Опрошенные автором эксперты — руководители религиозных организаций протестантской направленности в г. Перми высказали определенное опасение в связи возможностью применения серьезных штрафных санкций к членам их церкви за миссионерскую деятельность.

Проведенный анализ показывает, что попытки ограничивать ту или иную сферу деятельности определенных социальных групп продолжаются, но если эта ограничиваемая область деятельности носит ценностный характер для определенных социальных групп, то эффективность законодательства в данном случае будет невысокой.

Список литературы

1. Антонов А.И., Медков В.М. Научное заключение по результатам социологического исследования религиозной общины Свидетелей Иеговы г. Москвы // Свобода совести в России: исторический и современный аспект: сб. статей. СПб: РОИР, 2011. Вып. 9. С. 148–175.
2. Декларация прав и свобод человека и гражданина: [принята постановлением ВС РСФСР от 22 ноября 1991 года № 1920-1] // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов. М.: Славянский правовой центр, 2012. Ст. 14.
3. Декрет о миссионерской деятельности Церкви («AD GENTES») // Документы II Ватиканского собора. 3-е изд. М.: Паолине, 2004. С. 352–404.
4. Евангелие от Марка. 16:15 // Новый завет. Синодальное издание. URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/41/16/> (дата обращения: 18.02.2015).
5. Закон Белгородской области от 19 марта 2001 г. № 132 «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» [Принят Белгород-

- ской областной думой 1 марта 2001 г.], изм. и доп. от 04.12.2007 // СПС Финансово-правовое агентство: Региональное законодательство. Ст. 4. URL: <http://www.fpa.su/regzakon/belgorodskaya-oblast/zakon-belgorodskoy-oblasti-ot-19-marta-2001-g-n-132-o-missionerskoy-deyatelnosti-na-territorii-belgorodskoy-oblasti/> (дата обращения: 18.02.2015).
6. Конституция (Основной закон) Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 248.
 7. Нравственные ценности — лучшее богатство: Брошюра религиозной организации Свидетелей Иеговы. США: Watch tower bible and tract society of Pennsylvania, № ba840-U, 2013. 15 с.
 8. Папа Иоанн Павел II. Переступить порог надежды. М.: ИИЦ «Истина и жизнь», 1995. 276 с
 9. Православие: Словарь атеиста. М.: Политиздат, 1988. 272 с.
 10. Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1988. 336 с.
 11. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 19.02.2016).
 12. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014. 286 с.
 13. Хотели бы вы изучать Библию? Брошюра религиозной организации Свидетелей Иеговы. США: Watch tower bible and tract society of Pennsylvania, № br157-U, 2015. 15 с.
 14. U.S. Catholics Open to Non-Traditional Families. URL: <http://www.pewforum.org/2015/09/02/u-s-catholics-open-to-non-traditional-families/> (дата обращения: 02.04.2016).
 - Vatican Council]. Moscow, Paoline Publ., 2004, pp. 352–404. (In Russian).
 4. [Gospel of St. Mark. 16:15]. *Novyy zavet. Sinodalnoe izdanie* [New Testament. Synod edition]. Available at: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/41/16/> (accessed 18.02.2015). (In Russian).
 5. [Law of Belgorod Region of 19 March 2001 «On missionary activity in the territory of Belgorod Region» (adopted by Region Duma on 1 March 2001)]. SPS Financial-law agency: Regional legislation. Art. 4. Available at: <http://www.fpa.su/regzakon/belgorodskaya-oblast/zakon-belgorodskoy-oblasti-ot-19-marta-2001-g-n-132-o-missionerskoy-deyatelnosti-na-territorii-belgorodskoy-oblasti/> (accessed 18.02.2015). (In Russian).
 6. [Constitution (Main Law) of Russian Federation (adopted by nationwide voting in 1993)]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian gazette]. 1993, no 248. (In Russian).
 7. *Nravstvennye tsennosti — luchshee bogatstvo: Broshyura religioznoy organizatsii Svideteley Iegovy* [Moral values are the best wealth: Brochure of religious organization Jehova's Witness]. USA.: Watch tower bible and tract society of Pennsylvania, № ba840-U, 2013, 15 p. (In Russian).
 8. *Papa Ioann Pavel II. Perestupit porog nadezhdy* [Pope John Pavel II. Step across the threshold]. Moscow, IITs «Istina i zhizn'», 1995, 276 p. (In Russian).
 9. *Pravoslaviye. Slovar ateista* [Orthodoxy. Atheist dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1988, 272 p. (In Russian).
 10. Sventsitskaya I.S. *Ranee khristianstvo: stranitsy istorii* [Early christianity. Pages of history]. Moscow, Politizdat Publ., 1988, 336 p. (In Russian).
 11. [Federal law of 26.09.1997 no 125-FZ «On freedom of conscience and religious communities»]. Inquiry-legal system «Consultant Plus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (accessed 19.02.2016). (In Russian).
 12. Kharrison L. *Evrei, konfutsianty i protestanty: kulturnyy kapital i konets multikulturalizma* [The Jewish people, Confucians and protestants: cultural capital and the end of multiculturalism]. Moscow, Mysl' Publ., 2014, 286 p. (In Russian).
 13. *Khoteli by vy izuchat Bibliyu? Broshyura religioznoy organizatsii Svideteley Iegovy* [Would you like to study Bible: Brochure of religious organization Jehova's Witness]. USA.: Watch tower bible and tract society of Pennsylvania, № br157-U, 2015, 15 p. (In Russian).
 14. U.S. Catholics Open to Non-Traditional Families. Available at: <http://www.pewforum.org/2015/09/02/u-s-catholics-open-to-non-traditional-families/> (accessed 02.04.2016). (In English).

Получено 14.03.2016

References

1. Antonov A.I., Medkov V.M. [Scientific conclusion on results of sociological research of religious community Jehova's Witness of Moscow]. *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskiy i sovremennyy aspekt: sbornik statey* [Freedom of conscience in Russia: history and modern aspect: collection of papers]. Saint Petersburg, ROIR Publ., 2011, iss. 9, pp. 148–175. (In Russian).
2. [Declaration of rights and freedom of a man and citizen (adopted by VS RSFSR on 22 November 1991)]. *Religioznye obedineniya. Svoboda sovesti i veroispovedeniya. Normativnye akty. Sudebnaya praktika. Zaklyucheniya ekspertov* [Religious communities. Freedom of conscience and religion. Standard acts. Case law. Experts' conclusions]. Moscow, Slavyanskiy pravovoy tsentr Publ., 2012, art. 14. (In Russian).
3. [Decree on missionary activity «AD GENTES»]. *Dokumenty II Vatikanskogo sobora* [Documents of II

The date of the manuscript receipt 14.03.2016

Об авторе

Сироткин Павел Федорович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: spf@list.ru

About the author

Sirotkin Pavel Fedorovich

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: spf@list.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сироткин П.Ф. Ценность миссионерства и попытки законодательного регулирования миссионерской деятельности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 121–127. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-121-127

Please cite this article in English as:

Sirotkin P.F. Missionary values and attempts of legislation regulation of missionary activities // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 121–127. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-121-127

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-128-130

**САМОНАБЛЮДЕНИЕ МЕЖДУ ФЕНОМЕНОЛОГИЕЙ
И ПОВЕСТВОВАНИЕМ: ОБЗОР КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ
CLEGG J.W. (ED.) SELF-OBSERVATION IN THE SOCIAL SCIENCES
(N.J.: TRANSACTION PUBLISHERS, 2013. 308 P. + XIII)**

Вайнштейн Сергей Викторович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

**INTROSPECTION BETWEEN PHENOMENOLOGY AND NARRATION:
REVIEW OF COLLECTIVE MONOGRAPH
CLEGG J.W. (ED.) SELF-OBSERVATION IN THE SOCIAL SCIENCES
(N.J.: TRANSACTION PUBLISHERS, 2013. 308 P. + XIII)**

Sergey V. Weinstein

Perm State University

Сегодня сообщения о «возрождении интроспекции» уже не являются поводом для восклицательных знаков на научных форумах и в информационных лентах. Несмотря на обилие публикаций, современное научное состояние проблемы было «рассыпано» по различным журналам, в лучшем случае — тематическим выпускам. Было, так как перед нами труд, целостно, последовательно, критично и глубоко освещающий как «генетический код», так и актуальные «формы жизни» самонаблюдения в социальных науках.

Для достижения цели разработки адекватной теории самонаблюдения коллектив из 13 авторов последовательно решает три задачи: 1) различные аспекты научного самонаблюдения анализируются в исторической перспективе; 2) обсуждаются теоретические вопросы, характерные для современных концепций самонаблюдения; 3) разрабатываются технические и прикладные аспекты самонаблюдения как элемента феноменологической традиции и нарративного подхода в психологии. В тексте сбалансированно представлены история (р. 57) и современное состояние (р. 63) интроспекции как метода психологии (20 % и 22 % текста работы соответственно). Феноменологические аспекты самонаблюдения (р. 75, 26 %) описаны более развернуто, чем повествовательные (р. 53, 19 %). Содержание четко структурировано: каждая из

четырёх основных частей монографии содержит по три главы, в которых освещаются с различных авторских позиций обозначенные темы. Издание содержит предметный указатель.

В предисловии делается акцент на значении качественной методологии для решения глубоких, существенных проблем современного человека. Так, по мнению автора (Jaan Vaalsiner, p. vii–xiii), фиксированные, негибкие рамки современных теоретических конструкций превращают социальное знание в потребительский продукт — имеющую срок годности упаковку эмпирических данных, собранных стандартизированными методами. Это, безусловно, удобно для разработки дидактических схем, но такие схемы упускают сам процесс научного открытия как работу на границе уже известного и еще неизвестного и игнорируют способность человеческой души к формированию самой себя как иерархического порядка смыслов в ситуации социального конструирования знания. Предисловие подготавливает читателя к восприятию работы в целом как феноменологической критики — исследования по конституции разворачивающегося в социальных науках повествования о самонаблюдении.

Во введении (Joshua W. Clegg, p. 3–24) формулируются требования к современной теории самонаблюдения. Разработка проблемы взаимодействия

между различными агентами социального познания (исследователем, участником исследования, научным сообществом) выступает способом и критерием достижения адекватности теории наблюдаемым феноменам. При этом имеет значение различие между интерсубъективной и интрасубъективной согласованностью результатов как вовлеченного, актуального (experience-near), так и отвлеченного, ретроспективного (experience-distant) самонаблюдения. Иными словами, речь идет о развитии специфических критериев валидности и надежности интроспективных данных. В связи с этим хочется отметить, что книга может быть интересна не только сторонникам качественной методологии психологических исследований, но и ее оппонентам, т.к. приглашает к критическому осмыслению альтернативных форм установления научных фактов.

Пересматривая историю интроспекции, авторы обосновывают ее специфическую методологическую роль в психологии (Adrian C. Brock, p. 25–44). Интроспекция как исследовательская программа никогда не доминировала ни в американской, ни в европейской психологии. Ее противостояние с бихевиоризмом во многом надуманно и мотивировано политической привлекательностью исследований, поддерживающих иллюзию достижения полного внешнего научного контроля человеческого поведения. Более того, мы можем проследить вклад метода самонаблюдения в историю становления стандартизированных опросников. Свободные самоотчеты и открытые вопросы играли существенную роль в исследовании как общих, так и специфических психологических феноменов до начала Л. Терстоуном активной работы по шкалированию самоотчетных данных в психологии (Jacy L. Young, p. 45–66). Исторический обзор завершается деконструкцией способа рассказывать историю психологической науки как историю процесса объективации познания психического в движении от стадии интроспекции через этап бихевиоризма к когнитивной парадигме. Такой взгляд на историю конституирован мифологией субъект-объектного дуализма в методологии психологии (Allan Costall, p. 67–82). В целом раздел в несколько иной перспективе, но также на основании тщательного анализа исторических источников воспроизводит давнее наблюдение Э. Боринга – интроспекция никогда не покидала методологического строя психологии.

Следующая часть монографии, посвященная современной теории и практике самонаблюдения, начинается с исследования роли языка (Brady Wagoner, p. 83–102). Опираясь на американский прагматический функционализм, автор обосновывает самонаблюдение как социальный процесс, выражающийся в языковой коммуникации. Прослеживается роль языка в различных психологических традициях сбора данных. Разрабатывается модель цикла, состоящая из внутренне направляемой (inner-directed) фазы наблю-

дения и внешне направляемой (outer-directed) коммуникативной фазы. Эта модель применяется к анализу использования самоотчетных шкал. Исследовательская ситуация рассматривается как диалогический процесс совместного языкового порождения смыслов. Далее (Christopher L. Heavy, p. 103–120) описывается выборочный метод описательного опыта (Descriptive Experience Sampling). Задача сбора психологической информации о внутреннем опыте в естественных социальных ситуациях здесь реализуется при помощи наушника, через который исследователь периодически инструктирует участника записывать свои актуальные переживания. Раздел завершается (Stephen Gould, p. 121–145) систематизацией различных методов самонаблюдения как научных подходов, так и культурных практик. Особое значение придается медитативной интроспекции. Предложенная классификация и медиативные упражнения обозначаются как теория мультимодальной интроспекции (Multimodal Introspection Theory).

Осмысление проблемы в связи с феноменологической традицией открывает анализ исторической динамики идеи самонаблюдения от Ф. Brentano через Э. Гуссерля к М. Хайдеггеру: от наблюдения самого себя, через самоотвлеченное наблюдение опыта, к осмысленной само-вовлеченности проживаемого опыта (Edwin E. Gantt, Jeffrey L. Thayne, p. 147–172). Далее реконструируется традиционная феноменологическая критика субъект-объектного различения, опирающаяся на идеи интенциональности и здесь-бытия. Внутренний взгляд рассматривается как герменевтическая редукция Я (Samuel D. Downs, p. 173–194). Следующий автор (Svend Brinkmann, p. 195–221) обобщает вклад феноменологической традиции и описывает три типа самонаблюдающего Я: феноменологическое Я — чувственное и переживаемое; нарративное Я — проговариваемое о себе; дискурсивное Я — конституированное Другим и взаимодействующее с другими.

Феноменологическое самонаблюдение разрабатывается в направлении анализа художественного творчества как повествования (Andrew McCarron, p. 223–238). Описанная в предыдущем разделе модель трех типов самонаблюдения совмещается с психодинамической традицией и применяется к интерпретации американской поэзии с целью выявления скрытой мотивации поэта. Проблематизируется возможность самонаблюдения в нарративном подходе (Mark Freeman, p. 239–258). Если речь идет о самопознании, открываемом в повествовании, то мы имеем дело скорее с ретроспективной интерпретацией себя, чем с прямым самонаблюдением. Интерпретативный аспект самонаблюдения также акцентируется в сопоставлении метода с этнографией (Alessandra Fasulo, p. 259–275). Личность исследователя при этом является основным инструментом, а автоэтнография представлена как рефлексивный метод создания ин-

терпретаций и описаний культурных артефактов от первого лица.

Наиболее обобщенно итог проделанной работы формулируется в четырех тезисах: 1) необходимо отказаться от дуализма эпохи Просвещения, т.к. он мешает адекватной теории самонаблюдения; 2) требуется специальная эпистемология, учитывающая сложность самонаблюдения, его погруженность в изменяющиеся социокультурные отношения и практики; 3) понятия *Я*, *душа*, *сознание* применимы и необходимы, но вне дихотомии внешнего-внутреннего возникает новый понятийный аппарат: самонаблюдающий оказывается предустановлен, встроен, диалогически конструирован и согласован; 4) фундаментальным ограничением психологической традиции самопознания является не столько «субъективность» источника познания, сколько трансцендентность другого сознания (р. 277). Последний вывод требует несколько более развернутого пояснения. Сознание уже растворено в повествовательных и дискурсивных практиках, предполагающих сознание Другого либо других носителей сознания. Погрешность самонаблюдения основывается на том же, на чем и погрешность всего знания: «язык всегда выражает выражающееся (*express excess*), олицетворяет трансцендентное, не сворачивая его до имманентного» (р. 283). Границы Я и Другого настолько переплетаются в строе языка, что достоверно знать о другом сознании можно лишь то, что оно до конца не познаваемо.

Чтение монографии может стать увлекательным теоретическим путешествием среди соприкасающихся, пересекающихся и взаимопроникающих традиций самонаблюдения. Методологическое разнообразие

авторских позиций, структурированное главами монографии, разворачивает перед читателем историческую перспективу методологического ландшафта самонаблюдения в философском горизонте.

Удается ли сегодня построить адекватную, достаточную теорию самонаблюдения? Этот вопрос лучше оставить открытым, т.к. любая попытка окончательно на него ответить прерывает психологический дискурс о самонаблюдении. Можно ли дать строгое научное определение валидности и надежности метода самонаблюдения? Нет, так как при такой постановке вопроса мы ищем достоверность интроспекции там, где нам виднее, а не там, где мы ее потеряли. Можно ли искать истину о душе при помощи самонаблюдения, оставаясь при этом ученым? Да, и рассмотренная монография является яркой иллюстрацией этого утверждения.

Благодарность

Автор признателен Михаилу Ивановичу Янковскому за предоставление текста монографии и ценные рекомендации, а также за полученный благодаря его усилиям отклик научного редактора рассмотренной монографии на данную рецензию.

References

1. Self-observation in the social sciences / ed. by Clegg J.W. N.J.: Transaction Publishers, 2013. 308 p. (In English).

Получено 22.04.2016

The date of the manuscript receipt 22.04.2016

Об авторе

Вайнштейн Сергей Викторович
старший преподаватель кафедры
общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: weinsteinsv@gmail.com

About the author

Weinstein Sergey Viktorovich
Senior Lecturer of the Department
of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: weinsteinsv@gmail.com

Пробьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Вайнштейн С.В. Самонаблюдение между феноменологией и повествованием: обзор коллективной монографии. Clegg J.W. (ed.) *Self-observation in the social sciences* (N.J.: Transaction Publishers, 2013, 308 p. + XIII) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 128–130. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-128-130

Please cite this article in English as:

Weinstein S.V. Introspection between phenomenology and narration: Review of collective monograph. Clegg J.W. (ed.) *Self-observation in the social sciences* (N.J.: Transaction Publishers, 2013, 308 p. + XIII) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 128–130. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-128-130

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

*Редколлегия журнала
«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
выражает глубокую благодарность рецензентам 2016 года*

OUR REVIEWERS

*Editorial Board of «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology»
expresses deepest gratitude to 2016 reviewers*

Антипов Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ПНИПУ.

Барз Олег Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Бурко Виктор Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ПНИПУ.

Воронова Елена Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии ПГГПУ.

Гасумова Светлана Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и конфликтологии ПГНИУ.

Гинатулина Ольга Аминовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Гордеева Светлана Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ПНИПУ.

Гриценко Виктория Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Дудорова Екатерина Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Жданова Светлана Юрьевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития ПГНИУ.

Железняк Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права ПНИПУ.

Жохов Анатолий Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права ПНИПУ.

Журавлева Юлия Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии ПГНИУ.

Зарипова Лина Зефаровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Каменских Алексей Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ (Пермь).

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и права ПНИПУ.

Коптева Наталия Васильевна — доктор психологических наук, профессор кафедры практической психологии ПГГПУ.

Корниенко Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Корякин Вячеслав Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ

Кузнецов Александр Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Курбатова Людмила Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ПНИПУ

Лебедева-Несевря Наталья Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии ПГНИУ.

Левченко Елена Васильевна — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ

Лоскутов Юрий Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Малкова Елена Вячеславовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Маслянка Юлия Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Мусаелян Лева Асканазович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ПГНИУ.

Ненашев Михаил Иванович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ВятГУ (Киров).

Пармонова Светлана Павловна — доктор философских наук, профессор кафедры социологии ПНИПУ

Плотникова Елена Борисовна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой социологии ПГНИУ.

Сироткин Павел Федорович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Снетова Нина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии ПГНИУ.

Стерледев Роман Константинович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и биоэтики ПГМУ.

Хафизова Наталья Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права ПНИПУ.

Хачатрян Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Чернова Татьяна Геннадьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Шевкова Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Щебетенко Сергей Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Яковлева Ольга Константиновна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки. Кроме того, издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Желательно разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование; название части «Основной контент» не допускается);
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Библиографические ссылки оформляются с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3, 5, 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81], [1, с. 81–82] или [1, с. 81; 3, с. 35]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. **Английский вариант списка литературы может быть выполнен сотрудниками редколлегии на основании правильно оформленного русского варианта**, однако редколлегия обращается к авторам с просьбой по возможности готовить английский вариант списка литературы самостоятельно.

Источники в **русском варианте списка литературы** располагаются в алфавитном порядке (сначала все источники на русском, затем — на иностранных языках) в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет идентификатор **DOI**, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым базой данных SCOPUS, согласно рекомендациям эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevier.com/locate/elsevier/scopus-add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «>», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Bell D. *Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p. (In Russian).

Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma [Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1977, 190 p. (In Russian).

Orlov V.V., Vasileva T.S. *Philosophy of Economics* [Filosofiya ekonomiki]. Perm, Perm State University Publ., 2005, 264 p. (In Russian).

Шаблон для описания книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* [Название собрания сочинений или книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Lebnits G.V. *Monadologiya* [Monadology]. *Sochineniya, Tom 1* [Works, Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982, 636 p. (In Russian).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniya. T. 13* [Works, Vol. 13]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1960, pp. 1–784. (In Russian).

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название статьи курсивом* [Название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала курсивом* [Название журнала на английском языке], год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. *Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh* [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19. (In Russian).

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название выступления курсивом*. [Название выступления на английском языке]. *Транслитерированное название конференции курсивом* [Название конференции на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Pigrov K.S. *Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak npravstvennaya problema* [Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva* [Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, pp. 109–116. (In Russian).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Транслитерированное название статьи курсивом [Название статьи на английском языке]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu [War in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award]. Available at: <http://free-voyna.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013). (In Russian).

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники список литературы делается только один, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми);
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, однако в ней следует избегать лишних вводных фраз (например: «Автор статьи рассматривает...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>)

Предоставление авторами сторонних рецензий не является обязательным (кроме аспирантов и соискателей), но приветствуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайшем выпуске.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (необходимо предоставить скан-копию справки об обучении в аспирантуре, заверенную руководителем организации).

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2017 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1(29) — до 01 февраля	28 марта
в № 2(30) — до 01 мая	29 июня
в № 3(31) — до 01 августа	28 сентября
в № 4(32) — до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophical Sciences, 19.00.00 Psychological Sciences, 22.00.00 Sociological Sciences. Also the journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

We recommend to divide the text of your article into following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81], [1, p. 81–82] or [1, p. 81; 3, p. 35]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If the source included into the bibliography have the doi, the doi indication is mandatorily to be given in section «References». You should insert doi at the end of the reference and separate doi from pages of the reference by dot and void interval.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

For **sources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

For **sources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the source language

For example:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship** or **foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@vandex.ru** The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students), but is welcomed. All articles are exposed to «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issue.

There is no fee for the publication of manuscript for PhD students. PhD student have to provide scan-copy of reference signed by head of an organization.

Submission deadlines in 2017

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1(29) February 1	March 28
No 2(30) May 1	June 29
No 3(31) August 1	September 28
No 4(32) October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2016
Выпуск 4 (28)

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 14.12.2016
Дата выхода в свет
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 16,04
Тираж 500 экз. Заказ

Спонсорскую помощь в издании научного журнала оказывает
ОАО «ROSSET»
<http://www.rosset-kzms.ru>

Адрес учредителя и издателя:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-68-23

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке